

НГУЕН Динь Тхи

В огне

«Роман-газета» №23 (621), 1968. Перевод с вьетнамского *М. Ткачева*.

НГУЕН Динь Тхи

По традиции этот номер «Роман-газеты» открывается портретом автора. Всмотритесь в лицо Нгуен Динь Тхи: как оно хорошо. В нем и душевная сила, и мужество, и великое благородство. Когда я впервые увидел Тхи, меня поразило именно его лицо: что-то было в этих чертах от героев вьетнамского эпоса, какими их воссоздали умельцы по лаку и дереву. Помню, в ту первую встречу Тхи говорил, что своеобразными символами сегодняшнего Вьетнама стали винтовка и велосипед. У всех за спиной винтовка: у крестьян, стоящих по колени в воде на рисовом поле, у рыбаков, осторожно ведущих свои джонки вдоль лесистых берегов, у рабочих... А велосипед? Он способен пройти там, куда не проникнет ни автомашина, ни двухколесная вьетнамская фура, а при дополнительной бамбуковой раме может взять треть тонны. «Шутка ли, треть тонны! — воскликнул Тхи. — Что хочешь, то и думай: где он, предел прочности!» — «Разумеется, не только вещи, но и человека?» — спросил кто-то из нас. «Именно человека! — ответил Тхи. — Он явил такое, во что не просто поверить...»

Я невольно повторил: «Он явил такое...» Повторил и подумал: наверно, эти слова и о Нгуен Динь Тхи.

Жизнь писателя воедино слилась с жизнью борющегося Вьетнама. Он родился в 1924 году. Его патриотическое сознание мужало в Ассоциации спасения родины, в которую он вступил юношей. Сын Вьетнама, Тхи все эти годы шел дорогами джунглей... Первое время — как боец-партизан, сражающийся с колонизацией французской, позже американской. Своеобразным военным дневником писателя в это время стали романы и повести, его рассказы, стихи, поэмы. Дневником, который возникал в окопах стрелкового взвода, в блиндажах ракетчиков, в подземных ангарах летчиков.

Часто бывает так: поэт, начавший писать прозу, навсегда оставляет стихи. В творчестве Тхи поэт не противостоит романисту, а помогает ему. Прозаик учится у стихотворца точности и емкости языка, поэт у прозаика масштабности видения и мышления. Прозаик Тхи — автор книги рассказов «На берегу реки Ло», романов «Прорванные берега», «Вперёд, в атаку!», повестей «В огне» и «Линия фронта прочерчивает небо». Поэт Тхи — творец стихов, любимых народом, глубоко гражданских, философских, лирических, восславляющих подвиг Вьетнама. Человек деятельной мысли, Нгуен Динь Тхи всегда занимал высокое общественное положение в стране. Ныне он один из руководителей Ассоциации литературы и искусства, генеральный секретарь Союза писателей.

Что характерно для творческого почерка прозаика Тхи? Он верит в ценность непосредственно виденного, в эмоциональную силу факта. Тхи как бы протоколирует войну, при этом нередко языком спокойно-будничным. Его увлекает хроника с ее достоверностью события, доподлинностью самого духа войны. Может показаться, что, творя таким образом, писатель самоограничивает себя, не использует всех прав, принадлежащих художнику издревле. Если подобное мнение возникает, оно неверно. Чем подлиннее выглядит произведение, тем большего умения требует от писателя. Особенно в такой трудной и своеобразной сфере художественного мастерства, как характеры. Тхи не просто рассказывает о событиях войны, он изображает людей, повествует о них психологически достоверно и глубоко.

Батальная проза писателя, которую так убедительно характеризуют повести «В огне» и «Линия фронта прочерчивает небо», переносит нас на землю Вьетнама, дает возможность увидеть сражающийся народ, почувствовать глубину его трагедии. Сегодня во Вьетнаме нет человека, которого война не задела бы железным своим крылом. Поистине горе страны переплелось с личным горем ее сыновей и дочерей. Враг применил здесь знаменитую формулу угнетателей: разделяй и властвуй. Вьетнам был разделен, но враг не обрел над ним власти. Едва ли не впервые древний метод колонизаторов не сработал. Произошло это по воле соотечественников писателя, а точнее — благодаря таким, как Нгуен Динь Тхи. Первое, что говорит

автор своими повестями: люди, заклейте агрессора и помогите делу вьетнамского друга — война еще жжет живое тело его родины.

Как ни коротка эта заметка, справедливо отметить труд переводчика. Наверное, надо быть верным своему призванию так, как верен ему Мариан Ткачев. Не раз и не два в год летит он в дальний конец планеты, пересекает страну отнюдь не по самым спокойным ее тропам с единственной целью добыть произведения, способные поведать советским людям о подвиге Вьетнама, — добыть из огня войны. Книга, которую предстоит прочесть читателю, такая книга.

Савва Дангулов

I

Ночь. Сквозь ветер и дождь вымокший «газик» с потушенными фарами поднимается, сползает вниз и снова взбирается по бесконечным холмам. В машине — тишина, тускло мерцает огонек сигареты, иногда он разгорается ярче, и красноватый блин света, отражающийся в ветровом стекле, очерчивает в темноте неясные контуры касок.

Суан, сидя рядом с Хоа, ведущим машину, пытался разглядеть дорогу, но впереди все тонуло в слепой темноте ночи. Дык, сидевший сзади, кажется, наконец задремал. Младший лейтенант выглядит очень усталым: эта ночная поездка измотает кого угодно! Один Виен дрыхнет как ни в чем не бывало и только похрапывает на ухабах.

Дорога тянулась через залитые водою поля. Колеса проваливались в выбоины, и машину швыряло из стороны в сторону.

— Эй, Хоа! Осторожнее! — Суан весь подался вперед.

У самой дороги мелькнул силуэт человека, еле заметный под низко нависшей кроной баньяна.

— Черт побери! — пробормотал Хоа. — Нашел, где разлечься, так недолго во сне и жизни лишиться!

«Газик» заревел и медленно вполз в черный ночной лес. Суан разглядел людей, которые, завернувшись в нейлоновые накидки, лежали на траве прямо у обочины дороги. Наверно, это были народные носильщики^{1} или молодежная ударная бригада^{2}.

Лес неожиданно вырвался из темноты, залитый резким мертвенно-желтым светом. Опять осветительные ракеты на парашютах! Откуда-то с холма долетел отчаянный женский крик:

— Самолеты! Само-о-о-ле-ты...

В слепящем свете ракет колебался сгустившийся под деревьями мрак. Носильщики, лежавшие у дороги, не просыпались. Суан увидел тяжело нагруженные велосипеды, прислоненные к стволам деревьев. Носильщиков было очень много, они лежали вдоль дороги до самой опушки.

В машине все проснулись. Дык, высунув голову из-под брезентового верха, глядел на ракету, медленно опускающуюся к вершине горы.

— Они еще далеко... — сонным голосом сказал Виен. — А-а, мы уже у Кривого баньяна. Вот и дорога в госхоз! — Он явно просыпался. — Давайте остановимся ненадолго, у меня здесь есть дело.

Машина стала. Виен, набросив нейлоновую накидку, прыгнул на землю.

— Я на полчаса загляну в госхоз, Суан, ладно?

Он обошел вокруг машины, осветил карманным фонариком на привязанный сзади велосипед и пощупал веревки. А убедившись, что велосипед в полном порядке, закурил сигарету, затянулся несколько раз и, подняв повыше брюки, зашлепал по тропинке.

Ракета погасла, и все снова утонуло во мраке. Хоа взял лежавший на сиденье автомат, надел его на плечо и повернулся к тропинке, по которой ушел Виен.

— И чего он так трясется над своим велосипедом!

— Дело ясное, — засмеялся Дык, — теперь лучше всего ездить на своих двоих...

— Уж я привязал велосипед — надежнее быть не может, а он все, гляжу, недоволен. Пришлось тряпками обмотать все части, тогда только он сел в машину.

Суан тоже улыбался в темноте. Виен и вправду казался слишком дотошным. А все-таки хорошо, что они встретились на совещании в парткоме провинции. Суан уговорил его вместе ехать обратно. С заместителем председателя уезда все нипочем; завтра в штабе боевой группы любое дело, связанное с местными властями, можно будет решить на месте.

* * *

Дождь не унимался. С веток падали тяжелые капли. Накинув плащи, все присели под деревом и закурили, чтобы разогнать сон. Сверху плыл тяжелый гул самолета, кружившего где-то высоко в небе.

— Очень ты устал, Дык? Как твоя рана?

— Да нет, комиссар, все в порядке.

— У тебя ведь вынули половину пяточной кости, сможешь ли ходить?

— Ничего, привыкну. В пехоте было бы трудно, а нас, зенитчиков, на машинах катают...

Оба засмеялись.

— Вам, Дык, наверно, весь этот месяц в госпитале страшно хотелось потанцевать! — скороговоркой сказал Хоа. — Ничего, вернетесь к себе, в шестую роту, сшибете парочку «мухобоек»{3}, вот и расквитаетесь за Дойшим{4}.

— Да, ребята из «шестерки» заждались своего ротного!.. — Голос Суана зазвучал веселее. — Ну, зато письма ты от кого-нибудь да получал...

— Да... — Дык помолчал, словно колеблясь, и продолжал: — Нга была у меня в госпитале...

— Ого, вот кому подвалило счастье! — воскликнул Хоа, похлопав ротного по спине.

— А Нга еще в Хайфоне? — спросил Суан.

— Да. По-прежнему работает в порту... в авторемонтном цехе.

— Путь оттуда не близкий. И дорога сейчас не легкая.

— Да...

В небе по-прежнему гудел самолет; звук мотора отдалился было и, казалось, совсем затих, но потом послышался снова. Хоа прислушался.

— Эти АД-6{5} совсем обнаглели. Прилипают как пиявки...

— А-а... — Суан поднял голову. — Высматривает здешний паром.

Самолет ревел все ближе и ближе и, наконец, сотрясая воздух, прошел где-то прямо над ними.

* * *

«...Сегодня Нга, конечно, вернулась уже в Хайфон, — думал про себя Дык. — Наверно, сейчас она как раз вышла в ночную смену и тоже думает обо мне...» Дыку вдруг почудилось, будто Нга тут, рядом, голова ее лежит на сгибе его локтя и разметавшиеся волосы еле ощутимо щекочат кожу. А в его руке маленькая ладонь, сильная и такая мягкая, ласковая. Кровь горячей волной прилила к сердцу. На своей шее, на лице он почувствовал легкое размеренное дыхание — совсем как в те ночи, когда Нга засыпала возле него и он лежал молча, не смея пошевелиться... Нга, любимая...

Последний вечер. Они поднимаются на холм по дороге, обсаженной пальмами ко{6}. В ярких зеленых листьях шелестит ветер. Нга ведет за руль свой велосипед, негромко позвякивающий на камнях. Они не говорят ни слова, шелковистые пряди черных волос, упавшие ей на

щеки, трепещут от ветра. Но вот она замедляет шаг: «Тебе пора возвращаться, милый!» Губы ее чуть заметно дрожат; широко открытые глаза, не отрываясь, глядят на Дыка, и ему кажется, что время остановилось... «Будь осторожна в пути...» Зачем он говорит эти бессмысленные слова?.. Нга, прищурившись, крепко пожимает его руку, словно желая передать ему всю свою силу...

— Давно не видел я грузовых велосипедов{7}, — улыбнулся Суан, — пожалуй, с самого Диен-биен-фу{8}. А ты, Дык, хорошо помнишь Диен-биен?

— Да...

— Ну, это еще вопрос! Ты ведь, наверно, помоложе Хоа?

— Мне тогда только что стукнуло девятнадцать.

— Сколько же тебе, Хоа?

— Двадцать два. А вам, комиссар, есть уже сорок?

— Что ж, ты почти угадал. Только немного меня омолодил.

— А вы и так молодой, — засмеялся Хоа.

— Где там! Совсем уж начал сдавать, вон и волосы поседели.

Дык улыбался своим мыслям. «Ига, что ты делаешь сейчас? Верь, я буду достоин твоей любви...»

На дороге, скрывавшейся в темноте, по-прежнему маячили тени. Люди шли пешком, ехали на велосипедах. Плыли силуэты широких, плетенных конусом шляп{9}. Тяжелое дыхание уставших людей сливалось со скрипом сгибающихся под тяжестью груза бамбуковых коромысел и быстрым стуком шагов.

— Что, не терпится? — спросил Суан. — Ничего, еще часа два, и будешь на месте. «Шестерка» стоит сейчас сразу около бетонного моста. Там самые тяжелые бои!

— Я слышал, сегодня ранило Лаунга, это правда?

— Да. Кажется, было прямое попадание ракеты на позиции «четверки». До позавчерашнего вечера у ребят еще бывали передышки, а эти два дня налет за налетом. Но мост цел. Так что все еще впереди.

— Надо прямо на месте сбить несколько сволочей, тогда они присмирят! — вставил Хоа.

— Это верно. Только его так легко не собьешь. Задача у нашей боевой группы очень сложная.

— Может, трудно еще и потому, что ребята больше привыкли к маневренным операциям, а здесь приходится вести позиционные бои?

— Возможно. Посмотрим, что будет дальше. Послушай, Дык, ты возвращаешься в роту как раз вовремя, «шестерка» недавно получила два новых орудия. Да и местечко у вас — около реки — совсем недурственное, купаться можно... Мне кажется, что в позиции нашей боевой группы есть какая-то заковырка, из-за которой никак не налаживается система огня. У части, стоявшей здесь до нас, тоже не все шло гладко, но тогда было меньше налетов. А нам придется драться всерьез.

Из леса в темноте послышался шум, замелькали лучи фонариков. Раздался чей-то голос:

— Эй, где вторая колонна? Спят, черти!

— Гаси фонари! — закричали в ответ. С полсотни грузовых велосипедов выкатились из леса и запрудили большак.

Послышался тяжелый грохот мотора. Огромный черный куст вырвался из темноты и двинулся по большаку. Хоа выскочил на дорогу и закричал:

— Стой! Стой!

Куст взревел и остановился, со свистом выдохнув воздух. Это был грузовик, замаскированный ветками. Шофер высунул голову из кабины.

— Ну, чего?! — заорал он.

Посветив фонариком, шофер разглядел автомат, каску Хоа и спросил, понизив голос:

— В чем дело, товарищ?

— Убавь скорость! На дороге полно людей, впереди еще колонна велосипедов. И выключи свой фонарик. АД-6 порхает над головой!

Снова раздался стук мотора. Еще один грузовик вырвался из темноты и резко остановился, заскрежетав тормозами. Лес дрожал от рокота двигателей. С первой машины спрыгнул помощник шофера; пятясь, он сделал несколько шагов по большаку, прикидывая, не заденет ли кузов за деревья и крикнул:

— Давай, давай!

Трехосный великан загудел и медленно тронулся с места.

Чуть не два десятка грузовиков один за другим углубились в лес.

Автомобили, велосипеды, носильщики с коромыслами на плечах сплошным потоком двигались по дороге; окрики, смех и ругань смешивались с гулом моторов и шумом колес.

Хоа, стоявший у дороги со своим автоматом, крикнул шоферу последнего грузовика:

— Сзади еще есть машины?

— Полно!

Вернувшись к дереву, под которым сидел Суан, Хоа вздохнул:

— Ну, теперь позагораем у парома!

В просвете между облаками вспыхнули две ракеты, через минуту — еще одна.

Ракеты медленно плыли по небу, оставляя за собой белые хвосты дыма. Алые и желтые вспышки понеслись вверх к облакам, точно метлой прочесывая небо из конца в конец. С высоты метнулись вниз красные языки пламени, и несколько секунд спустя загрохотали взрывы.

— Сейчас *он* улетит обратно, — пробормотал Хоа.

Самолеты, гудя, ушли в сторону переправы. В лесу мерцало неясное сияние угасавших ракет. Дык, Суан и Хоа сидели молча. Не сговариваясь, они подумали о последних грузовиках из автоколонны. Не накрыло ли их бомбами там, на открытых, поросших травую холмах?..

— Уф, наконец-то добрался! — весело закричал Виен, сходя с раскисшей от дождя тропинки. — Дорогу развезло, чуть шею не свернул! — Он обернулся назад: — Эй, сестрица Лить, идите сюда! — И снова обратился к своим спутникам: — Ну как, заждались? Я вам еще пассажирку привел.

К машине подошла женщина с рюкзаком за плечами. На голове у нее был нон, штаны закатаны выше колен, в руках она несла резиновые сандалии.

Не успели они усесться в машине, как Хоа дал газ. На заднем сиденье Лить пыталась пристроить свой нон и рюкзак.

— Скажите, Виен, потери сегодня большие? — обернувшись, спросил Суан.

— Да не очень. *Он* сбросил двадцать четыре бомбы и снова разбил дорогу. Придется восстанавливать. Но люди успели разбежаться, только несколько парней заработали синяки. Ущерб, конечно, есть: убило пять коров и двух буйволов, сгорел старый дом из листьев на стройплощадке... А вы, Лить, — повернулся он к женщине, — во время бомбежки были в больнице?

— Да... — Голос ее прерывался. — Видите, Виен, заставили меня бежать всю дорогу, теперь никак дух не переведу!

Она чуть слышно засмеялась.

В темноте Суан увидел только, как Лить, подняв руку, перебросила за спину свои длинные волосы.

II

Уже недалеко от переправы их застиг ливень. «Газик» пробирался по дороге сквозь плотную стену дождя, ловко лавируя между огромными грузовиками. Неожиданно он затормозил, едва не уткнувшись радиатором в шлагбаум. Суан и его спутники разглядели слабый желтоватый огонек коптилки в хижине на обочине дороги.

— Чья машина?

— ПВО! Пропустите на паром, товарищи.

— Подождите.

Человек невысокого роста, в ноне и нейлоновой накидке вышел из хижины с фонарем в руке. Он подошел к машине и поднял фонарь. И тут Суан увидел, что перед ним стоит девушка лет двадцати. За спиной у нее была винтовка, повернутая стволом вниз. В лучах фонаря под широкими полями нона, с которых струйками стекала вода, можно было разглядеть нежный румянец на ее щеках.

— Вот пропуск, — торопливо сказал Хоа. — Переправьте нас, пожалуйста, поскорее.

Девушка покосилась на карточку с надписью «особо срочно» и оглядела сидящих в машине.

— Поезжайте скорей, товарищи, успеете на этот рейс. Как доедете туда, где много воронок, берите налево, в объезд.

Она отошла назад и подняла шлагбаум. «Газик» рванулся с места. Суан, наклонившись, успел заметить, как фигура девушки исчезла за пеленой дождя.

Дождь шумел по-прежнему, но стало чуть светлее, на землю падали неясные серебристые блики. Наверно, за расходившимися тучами вошла, как всегда в конце месяца, поздняя луна.

В тусклом туманном мареве Суан и его спутники увидели разрушенную деревню. С обуглившихся стволов арековых пальм свисали почерневшие скрюченные листья. Остатки кирпичных стен торчали среди щебня, мусора, осколков посуды и черепицы, усыпавших землю. Повсюду — глубокие черные пасти воронок. А поближе к дороге щетинился обгоревший бамбук.

Люди в машине умолкли.

Разве забудешь вас, бамбуковые заросли родных долин! Зелеными изгородями прикрываете вы каждую вьетнамскую деревушку.

Сколько раз вас выжигали дотла, но люди сажали вас снова и снова!..

Сколько раз вырубали вас, но вы поднимались вновь!..

Сколько обломков железа в земле под фундаментом каждого дома!..

Сколько черных слоев золы под корнями каждого дерева!..

В памяти Суана вдруг всплыли картины прошлого... Зброшенные рисовые поля, холодная лунная ночь у форта Тху-кук в сорок седьмом... Покинутая деревня, заросшая травой в рост человека, а в воздухе — запах цветущих апельсинов... Этот запах преследует его до сих пор!

Чего только не довелось испытать людям на нашей земле! И эту землю янки хотят заграбастать? Какая тупость и какая подлость!

Хоа, не отрываясь от баранки, пробормотал:

— Эх, попался бы мне хоть один подбитый янки, я б ему выдал! И все было бы по правилам!

Дык, молча прислушивавшийся к разговору, вдруг вспомнил американского летчика, сбитого в бою у Дой-шим. Он казался великаном в своем широком жестком комбинезоне. На его наголо

обритом черепе бросались в глаза низкий обезьяний лоб и оттопыренные мясистые уши. Брови, нависшие над глазами, то грозно хмурились, то растерянно выгибались кверху, толстые ручищи с огромными кулаками неуклюже тянулись «по швам». Летчик — он был в чине лейтенанта — старался держаться высокомерно и невозмутимо, но ему плохо удавалось скрыть терзавший его страх. Когда конвоир повысил голос, он вздрогнул и обернулся, побледнев до синевы, точно приговоренный к смерти. Убедившись, что никто не собирается его убивать, он зашагал дальше...

— Правильно! всю эту банду реактивщиков перестрелять мало! — сказал Дык, презрительно скривив губы.

«Он прав, — думал Суан. — Каждый ребенок, у которого янки убили родителей, вырастет с незаживающей раной в сердце, в самом сокровенном его уголке. Дома можно отстроить, деревья и цветы — посадить заново, но эти раны никто и никогда не залечит!»

Он вспомнил, как более десяти лет назад французская бомба убила Тхуан и их дочка Май, которой тогда едва минуло три года, осиротела. Ему казалось, что девочка ничего еще не понимает... Как он ошибался! Май уже взрослая, но в характере дочери Суан до сих пор замечает какие-то странные черточки...

Наконец они добрались до переправы. Дождь кончился. Тучи, закрывавшие небо, стали расходиться, заблестели редкие звезды. Ветер не унимался, на реке пенились волны. С другого берега донесся гудок автомобиля, затем скрип тележных колес, стук топоров и визг пил, — должно быть, поблизости работали плотники.

— Черт побери, переправа совсем не защищена, — сказал Виен, оглядываясь по сторонам. — Но здесь здорово поставлено дело — машины идут без задержки и не скапливаются у парома.

Действительно, на берегу было пусто: только два грузовика да их «газик».

Лить, присев на обочине, заговорила с молодой женщиной, эвакуировавшейся в эти места вместе с семьей. Она держала на руках спящего малыша. Трое ребятишек постарше долго клевали

носом, потом растянулись между корзинами, не обращая внимания на окрики матери.

— Кхань, Кхань! — звала женщина дочку. — Разбуди их, паром уже подходит!..

— Куда вы идете с детьми, одна?

— Да вот хочу оставить эту троицу у бабушки. Старуха живет на том берегу, недалеко от парома. Здесь спокойнее: пусть побудут, пока не выгоним американцев. Этого заберу с собой, больно он еще мал. А со всеми мне дома не управиться, да и не на кого их оставлять.

— Вы с мужем оба работаете?

— Да, на заводе сельхозмашин. Мой муж раньше служил в армии, потом демобилизовался. А месяц назад снова попросился в солдаты — взял и подал заявление. Только вот о детях беспокоился. Он у меня в месяц больше шестидесяти донгов зарабатывал; вместе с моей зарплатой за сотню переходило — хватало на всех. Теперь будет на пятерых сорок с чем-то, тоже жить можно. Мы с мужем решили, что он должен идти в армию ради наших малышек. У нас здесь было хоть десять лет мирных, а каково людям на Юге... Ну, вот и паром. Кхань, Кхань! Да встань же ты!

Дети никак не просыпались. Лить погладила их по головкам и взяла одного на руки.

Паром причалил к пристани. Пока одни машины скатывались на берег, а другие въезжали по бревенчатым сходням, женщина расталкивала детишек:

— Вставайте! Вставайте, маленькие!

— Не волнуйтесь! Позвольте, мы отнесем малышек на паром, — предложили Суан и его спутники.

Они быстро подхватили ребятишек и разобрали коромысла с корзинами.

— Вот спасибо, — обрадовалась женщина, — без вас, товарищи, мне бы не управиться... Кхань, ты не спишь? Проснись-ка и иди сама!

Но девочка, обхватив Суана за шею, только уткнулась головой в его плечо.

Паромщики сбросили штаны и рубашки и, оставшись в одних трусах, взялись за канат. Паром отчалил от берега и медленно выплыл на середину реки. Стремительное течение ударило в борт, и казалось, будто паром, замедлив ход, остановился, хотя все ехавшие в машинах помогали перетягивать канат.

— Ну, если сейчас явится «джонсон»{10}, быть беде, — улыбнувшись, сказал Виен, выразив этими словами общую тревогу.

Двое паромщиков, стоявшие рядом с Суаном, дышали отрывисто и тяжело. Суан усмехнулся, слушая, как они болтают, едва успевая перевести дух:

— А ты обратил внимание... на тот военный автобус?.. Помнишь... в нем девушки ехали?..

— Ну...

— Это был ансамбль...

— Что ж ты мне сразу не сказал?.. Заставили б их спеть, иначе бы не повезли.

Где-то далеко отсюда забили тревогу.

— Скорей, ребята!.. Товарищи, если появятся самолеты, всем немедленно лечь на палубу; не бегать, не суетиться! — крикнул командир парома, снимая с плеча винтовку.

Все сразу смолкли — слышалось только хриплое дыхание паромщиков да поскрипывание каната. Тяжело груженный паром пересек быстрину и стал приближаться к берегу. Стук барабанов и трезвон, возвещавшие тревогу, раздавались все ближе и ближе, наконец совсем рядом, у контрольного пункта на пристани, гулко зазвенели удары об рельс. Люди тревожно смотрели на

придвигавшийся из темноты причал: «Пронесло!.. Еще немножко, узкая полоска воды...»

Внезапно раздавшийся рев самолета заставил всех прыгнуть с парома в воду.

— Спускай сходни! — надрывался командир парома. — Машины, съезжайте на берег!.. Спокойно, ребята!.. Машины, съезжайте!.. Съезжайте!..

На берегу захлопали винтовочные выстрелы. Все озарилось вдруг мертвенно-желтым светом. Суан увидел свою и девочкину тень, отпечатавшуюся на песке. Он чувствовал, как неистово колотится сердце ребенка.

— Не бойся, малышка. Все будет в порядке.

Девочка еще крепче обняла его за шею.

Снова вспыхнули ракеты, выхватив из темноты берег и кусок реки. Лить и Дык, каждый с ребенком на руках, спотыкаясь, бежали сзади. Суан обернулся:

— Лить, давайте мне ребенка!

— Ничего...

Они едва успели перебежать через песчаную отмель, как самолет начал пикировать. Вой мотора разрывал барабанные перепонки. На берегу затрещала пулеметная очередь.

Суан, прижав к себе девочку, бежал вдоль берегового обрыва. Он ясно видел языки пламени, вырвавшиеся из пущенных с самолета ракет. Мгновение спустя завывали несущиеся к земле бомбы.

— Мимо!

Суан остановился, дождался Лить и взял у нее ребенка.

Оглянувшись, он заметил выходящий к реке овраг и крикнул:

— Бегите сюда! Скорее!..

Земля содрогнулась от взрывов.

Они пошли вдоль оврага. По глинистому дну его текла вода, и он становился все глубже.

— Здесь уже безопасно!

Минуту спустя их догнал Дык. Он отдал ребенка Лить и побежал обратно, навстречу Виену и женщине с малышом, оставшимся где-то сзади.

Новая серия бомб разорвалась на противоположном берегу. Взметнулись кверху красные кусты пламени.

Два самолета сделали круг и вернулись. Пулемет на берегу вновь открыл огонь.

Самолет перешел в пике прямо над ними. Рев его нарастал с каждой секундой. Суан обнял обеих малышей и прикрыл их своим телом. Хотя он и понимал, что овраг этот — надежное укрытие и прямое попадание сюда почти невозможно, но все-таки волновался...

Снова раздался резкий свист бомб. Лить стояла, растерянно озираясь по сторонам.

— Ложись! — закричал Суан и, схватив ее за плечо, с силой пригнул к земле.

В этот момент появились Дык и женщина с младенцем, перепуганная насмерть.

Рванувшееся к небу пламя ослепило их, в уши ударило огромной кувалдой. Земля закачалась под ними, как гигантский гамак, глыбы глины, обрушившиеся со склона оврага, засыпали их и завалили все кругом.

Этот заход оказался последним. Самолеты сразу ушли. И через несколько минут вокруг царила необычная тишина.

Но они все еще молча прислушивались. И тут Суан вдруг почувствовал горячее дыхание Лить на своем затылке и заметил, что она — наверно, уже давно — крепко сжимает его руку.

— Улетели, — негромко сказал он.

Со стороны пристани послышались резкие автомобильные гудки. Они услышали голос Хоа:

— Эй! Суан!.. Товарищ Суан!..

III

Домой к Виену они добрались около трех часов ночи.

Пройдя мимо пальм ко, листья которых отсвечивали в лучах луны, они вслед за хозяином вошли в дом. Там было темно. Виен посветил вокруг фонариком, чтобы они смогли где-нибудь присесть, пока жена зажжет керосиновую лампу. Мягкий оранжевый огонек затеплился за стеклом и осветил развешанные по стенам цветные картинки, изображавшие ребятишек с огромными тыквами. Мебели — простой и скромной, как в обычном крестьянском доме, — было немного: два деревянных топчана, кровать под белым марлевым пологом, чайный столик и несколько лакированных скамеек для гостей; на столике — термос в плетеном бамбуковом футляре и расписные глиняные чашки.

Зато уж дом зампреда уезда был изобилен бататами! Красноватые, белые клубни — мелкие и крупные — висели грудой на полу соседней комнатухи; даже под кроватью были бататы. И еще — свидетельство великой любви хозяина к своему велосипеду — на стене, у изголовья, висели тщательно обернутые бумагой два обода и пара покрышек.

Гости изумленно озирались по сторонам, все это представлялось им почти нереальным после оврага и пережитой бомбежки.

Жена Виена, с наспех подколотыми волосами, раскрыла пачку чая и, заварив его, пригласила гостей к столу. В отличие от Виена, темнокожего и плотного, как батат, жена его была изящной и

стройной; голова ее красиво сидела на длинной шее; глаза, большие и умные, поблескивали на круглом белом лице.

— Ну, — сказал Виен, — умывайтесь, пейте чай, товарищи, и — спать. Отсюда до позиций еще несколько километров, встанете завтра пораньше, как раз к утру доберетесь.

— Не успеешь прилечь, подъем — и трясись дальше, — улыбнулся Суан.

Жена Виена разлила горячий чай в чашки и обнесла гостей.

Они взялись за еду. Разговор, само собой, шел о переделке, из которой они только что выбрались.

— Когда вы попрыгали в воду, — с полным ртом говорил Хоа, — я на пароме хлебнул сполна за всех. Шофер машины, что стояла впереди, видно, здорово сдрейфил, вывернул руль не в ту сторону, чуть весь паром не перевернул. Слава богу еще, что успел съехать на берег, пока янки кидали бомбы на той стороне. Только мне съезжать, они тут как тут и пошли сыпать бомбы! Думал, не выберусь. Хорошо, они все почти в реку грохнули...

— А вы разве не поужинаете с нами, Лить?

— Спасибо. Вы ешьте, я только чаю попью.

— Больше всего переволновался я за эту женщину с ребятишками. Правда, малыши у нее орлы — кругом бомбы рвутся, а они даже не заплакали...

— Когда янки во второй раз стали пикировать, меня прямо зло взяло...

— Ну, хозяйка, вам сейчас самое время курицу зарезать и закатить пир! Ведь муж ваш только чудом от смерти спасся!

— Нет, мне помирать нельзя! — рассмеялся Виен. — Я еще должен помочь жене произвести на свет сына.

Хозяйка залилась краской.

— Вечно ты со своими глупыми шутками, только людей смешишь.

— А разве у вас нету еще сыночка? — спросил Хоа.

— Ни сыночка, ни дочки. Вот и пришлось мне пригласить на ужин всеведущую целительницу болезней, может, хоть она что присоветует. — Виен кивнул на Лить. — Позвольте вам представить, исцелительница эта прямо-таки творит чудеса!

— О, господи! — Лить, сидевшая в углу на циновке с чашкой чаю в руке, улыбнулась. — Без детей куда легче. Вон и правительство призывает всех разумно планировать рождаемость. У меня у самой один ребенок, и то хлопот полон рот.

Суан теперь только разглядел Лить как следует. В неяром свете лампы черты лица ее казались необычайно тонкими и нежными. Чуть раскосые глаза, веселые и быстрые, блестели, совсем как у молоденькой девушки.

Дык временами тоже поглядывал на нее, словно что-то припоминая. Вдруг он широко улыбнулся.

— Ну и ну, как же это я вас сразу не узнал? Ведь это вы на перевязочном пункте в Дой-шим дали кровь для переливания Тоану! Я тогда сидел рядом с ним.

— Вы... тоже были ранены?

— Э, я легко отделался, меня уже починили. А Тоан пока в госпитале, но дело уже пошло на поправку. Он все убивался, что не спросил, кто же спас его, и адреса не узнал. Я напишу ему, то-то обрадуется. А вы теперь в этом уезде?

— Да, сюда эвакуировалось отделение городской больницы. Виен поручил нам подготовить для сельских общин сандружинниц и организовать медпункт поблизости от зенитных позиций.

— Вот здорово! Значит, опять будете около нас?

— Не знаю, — усмехнулась Лить, — всем этим ведает Виен.

Хозяйка, присев рядом с Суаном, спросила:

— А у вас много детей?

— Да нет, одна дочка. Ей уже восемнадцать, так что хлопот с ней мало.

— Она, наверно, еще учится?

— Перешла в десятый класс.

— Они живут вдвоем с матерью?

— Жена у меня умерла... Погибла еще в ту войну, когда девочке было три года.

— Ах, какое несчастье! И что же, вы больше не женились?

— Да пока нет.

Хозяйка налила ему еще чаю и сказала:

— Ну, знаете, таких, как вы, мало. Обычно стоит жене умереть, муж через месяц уже играет свадьбу с другой. Случись что со мной, мой благоверный небось тут же побежит свататься к какой-нибудь красотке. Даже подумать обидно!..

— В таком деле каждый поступает по-своему, — мягко ответил Суан.

— А что, если жена да при живом муже идет за другого? — расхохотался Виен.

— Это совсем не то! — рассердилась хозяйка. — Ты вечно боишься, как бы по-моему не вышло. Вы уж простите меня за эти разговоры, — снова обратилась она к Суану, — а все-таки, как поглядишь, женщины, овдовев, всегда остаются одни; мужчин же, вроде вас, почти нету.

Суан взглянул на Лить, она смотрела куда-то вдаль, словно не замечая его, и мысли ее, наверно, были далеко.

Суан встал.

— Значит, договорились, Виен, завтра жду вас у себя.

— Да, я буду между девятью и десятью. Лить тоже поднялась.

— А можно, — улыбнулась она, — я как-нибудь зайду к вам вместе с Виеном посмотреть на зенитки?

— Милости просим, — сказал Дык, пожимая ей руку. — Приходите когда угодно. Скажете ребятам, чтобы вас проводили в шестую роту, проще говоря, на «шестерку» — я буду там.

«Газик» проскочил небольшой перевал, дальше уже начинались позиции зенитных батарей. Здесь, у слияния двух рек, скрещивались нити шоссе. Машина мчалась среди широких полей.

Где-то далеко, у самого берега, мерцали электрические фонари. Сон как рукой сняло. «Наверно, лесопилка», — подумал Суан, осматривая местность.

Высоко в небе между белыми облаками медленно плыл месяц. Земля была еще влажной после дождя. Над деревьями и зарослями бамбука поднимались клубы тумана. Скоро и мост. А там, впереди, у подножия невысокой гряды холмов — городок, уездный центр. По-видимому, сейчас все население из него эвакуировано, да и дома вряд ли уцелели после налетов.

Из машины уже ясно виден был изогнутый белый силуэт моста, перемахнувшего через реку. Вдруг мощное камнем полотно дороги исчезло, словно проглоченное сотнями воронок, черневших вокруг и разворотивших окрестные поля.

— Все время «джонсоны» рот разевают на этот мост! — громко сказал Хоа.

— Что они запоят, когда тут поджарят еще парочку Ф-105{11}, — подхватил Дык.

«Газик», сделав объезд по новой, недавно выстроенной дороге, въехал на небольшую плотину и свернул к мосту.

— Ну-ка постой, Хоа!

Машина остановилась у обочины. Здесь, около моста, дорога была цела, только на полях чернели воронки.

Хоа показал на песчаную отмель около слияния рек:

— Вон там первая рота, товарищ комиссар!

— А ты знаешь, где «шестерка»? — спросил Дык.

— Само собой! До нее еще примерно километр.

— Огневые позиции первой роты расположены очень низко, — сказал Дык. — «Единице» труднее всех. Но это место — лучшее, что можно было выбрать.

Им ясно было, что «единица» принимает на себя самые яростные удары самолетов, бомбящих мост. Суан перевел глаза на противоположный берег: где-то там, в поле, — четвертая рота. Вчера днем американцы попали на позиции «четверки» ракетой. Неизвестно, тяжело ли ранило Лаунга?

По горизонту бежали горы Чыонг-шон{12}. Поближе, у берега реки, торчал холм, высокий и острый. Суан вспомнил, что там находится Дровяная пристань. По карте это — высота «сто двадцать».

— Ладно, поехали, Хоа! Заедем сперва на «шестерку», подбросим Дыка домой. Потом — прямо в штаб, к Мау.

— Ясно!

Хоа включил двигатель и с места погнал машину. Они свернули на проселок. По обе стороны росли сандаловые деревья — высокие, прямые и точно выбеленные известью. «Газик» остановился у старой кирпичной печи. На ветру шелестели листвой деревья. Суан спрыгнул на дорогу и огляделся. Привычный глаз сразу различил в темноте возвышавшиеся над полем брустверы оружейных укрытий. Суан подождал своих спутников, и они напрямиком, по оставшимся после дождя лужам пошли на батарею. С позиций, тонувших во мраке, не доносилось ни звука...

— Кто идет? — раздался негромкий окрик.

— Это ты, Бинь?

— О, товарищ Дык! Вы вернулись!.. И комиссар с вами! — обрадовался часовой.

— Значит, «писатель» в ночном карауле?

— Так точно! Сверните, товарищи, на тропинку, там не так грязно.

Дождь, ливший всю ночь, затопил расположение роты. Подойдя к орудию, Суан- остановился и осветил фонариком. Ребята отлично укрыли пушку от дождя, ящики со снарядами были подняты на подставки и обернуты нейлоном. Но стенки траншей и оружийных гнезд кое-где размыло водой.

Рядом, под сплетенным наспех навесом, вповалку спали солдаты. Из досок и старых снарядных ящиков они устроили себе топчаны, чуть возвышавшиеся над водой. Дождь вымочил насквозь их гимнастерки, но солдаты храпели как ни в чем не бывало. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, а кругом плескалась вода, плавали сандалии из автомобильной резины и кеды вперемежку с пучками соломы и листьями, приплывшими сюда издалека.

Суан, глядя на солдат, не мог сдержать улыбки, хоть ему и было, конечно, жаль ребят. Их рота уже три с лишним месяца не имела ни одного дня отдыха. Едва выйдя из боя, они меняли позиции, срочно рыли на новом месте траншеи, землянки и оружийные гнезда и вели бой, потом снова меняли позиции, снова копали укрытия и траншеи, вступали в бой и опять снимались с места... Все они — и офицеры и солдаты, почерневшие от солнца, ветра и порохового дыма, — регулярно недосыпали и поэтому пользовались каждым удобным случаем, чтобы поспать.

Землянка командира роты тоже была залита водой. Под маленьким фонарем у телефонного аппарата сидел дежурный и записывал что-то, разложив листки бумаги на пустом ящике от снарядов. Увидав комиссара и ротного, он тотчас разбудил политрука и заместителя командира роты. Те, в трусах и майках, вылезли из-под пологов, протирая заспанные глаза.

— Вот это да! — воскликнул, улыбнувшись, заместитель ротного Тхо, белоснежные зубы блеснули на его смуглом, обветренном лице.

— Дык, ты? — Политрук Хюйен обнял командира. — Оброс, как еж!

Суан сел на скамейку.

— Ну что, обменялись любезностями?

— Как вы добрались, комиссар, в такой ливень?.. Они что, бомбили паром?

— Да, специально нас дожидались. Ладно, я пошел, мне нужно к товарищу Мау. Пусть ребята завтра встанут пораньше, приведут в порядок укрытия и траншеи и отведут воду, особенно из оружейных гнезд. С утра могут начаться налеты.

— Ясно. Будьте спокойны, комиссар. Может останетесь лучше у нас, поспите немного? Завтра успеете на командный пункт.

— Нет, времени мало! Хюйен, завтра в восемь жду вас на совещание. Да, вот еще что: Дык, по-моему, вышел из госпиталя слишком рано. Приглядывайте за ним, ему нельзя переутомляться.

* * *

Приехав на командный пункт, Суан не разрешил дежурному будить офицеров. Пусть отсыпаются, им предстоит нелегкий день. Он и сам хотел немного поспать, до рассвета оставалось еще больше часа.

Он улегся на койку и, подбрав ноги, чтобы занимать поменьше места, натянул на себя полог. В общем, ему повезло: после ночной тряски и всех дорожных происшествий удалось еще и поспать. Здесь, правда, тоже сыро, но все же лучше, чем у ребят на позициях. Дожди эти совсем не вовремя! Завтра придется солдатам опять сбросить гимнастерки и брюки, расчищать окопы и заново насыпать брустверы...

Комиссар давно уже убедился: на войне тяжелее всего солдату — он первым встречает смерть лицом к лицу, вгрызается в землю, проходит сотни и тысячи верст в дождь и в зной. Суан понимал, что, хоть сам он

и не щадил себя, хотя немало сделал на своем веку, все же ему доставалось не так, как солдатам. И поэтому, глядя в лицо ребятам, он ощущал иногда какую-то неловкость...

Суан закрыл глаза. В памяти всплыло румяное лицо девушки, дежурившей у парома, — она светила фонариком, рассматривая пропуск, а дождь лил как из ведра... Да, женщины теперь не то что раньше — смелые и даже как будто стали красивее... Сон все не шел... Он вспомнил вдруг о письме, которое лежало у Хоа. Его принесла какая-то девушка в политотдел полка, как раз когда Суан был там. Она спрашивала «роту товарища Шона». Девушке, наверно, лет семнадцать; черные глаза ее весело блестели, а чуть вздернутый нос придавал лицу забавное, лукавое выражение. «Рота товарища Шона», проще говоря «единица», незадолго до этого как раз была переброшена сюда, к бетонному мосту...

— А кто вам там нужен? — спросил Суан.

— Я... мне нужен товарищ Дыонг... он мой земляк.

— Их роты сейчас здесь нет. У вас важное дело?

Девушка слегка покраснела.

— А нельзя ли мне передать письмо? — спросила она, помолчав.

— Можно, конечно. Оно у вас с собой?

— Я... можно я здесь напишу?..

Суан сказал Хоа, чтобы тот взял у девушки письмо и не забыл передать его Дыонгу из первой роты...

Да, солдаты теперь тоже не забывают своих девушек. Нынешние молодые — счастливцы: никто из них по чужой воле не женится и не выходит замуж. Им, пожалуй, не понять, как все было в старину. Суан никогда не рассказывал дочери, что родителей ее связывала не столько любовь, сколько долг. Какая от этого польза, одно расстройство! Вспоминая о прошлом, он еще больше жалел Тхуан. Она вышла за него, никогда не видев его прежде, и впервые смогла

мельком взглянуть на жениха, когда тот вместе со сватами принес в невестин дом традиционный бетель. Едва они поженились, началась революция. Он ушел в армию, и хорошо, если удавалось раза два-три за год побывать дома. Тхуан понимала, конечно, что муж ее не любит, но молчала, не жаловалась. Встречаясь с женой, он чувствовал, как сердце у него сжимается от боли. «Что сделано, то сделано, — думал Суан, — ни она, ни я не виноваты, надо теперь как-то уживаться. Она, в общем, добрая и верная жена, да потом сейчас главное — война до победы...»

Когда же пришло письмо о том, что Тхуан погибла во время бомбежки, он долго мучился от смутного сознания своей вины перед женой. И, может быть, поэтому так заботливо растил маленькую Май. Теперь дочка Тхуан уже совсем большая. Такая же красивая и самостоятельная, как та девушка у парома или «землячка товарища Дыонга»... Конечно, судьба ее сложится иначе, чем у Тхуан. Революция принесла ей новую жизнь, и никто не сможет эту жизнь у нее отнять!..

Суан уснул.

IV

Ему вдруг приснилось, будто над ним гремит гром. Солнечный луч ударил прямо в лицо. Он зажмурил глаза. В небе грохотали реактивные самолеты. Он услышал, как Мау скомандовал:

— Внимание! Направление тридцать четыре...

У него еще слипались глаза, но мозг сработал сразу: «Начался бой!..» В соседнем шалаше как ни в чем не бывало храпел Хоа. Суан выбежал из землянки.

Голос Мау звучал все так же спокойно, с неистребимым южным акцентом:

— Отставить наблюдение за самолетом-разведчиком! Направление три, взять цель!

И, словно эхо, отраженное от невидимых сводов, повторились его слова:

— ...направление три, взять цель...

— Непрерывно наблюдать за нижним слоем облаков, подготовиться к внезапной атаке!

— ...подготовиться к внезапной атаке...

Мау стоял, закинув голову, на небольшом, скользком от грязи холме. Зеленые штаны его были закатаны до колен. Он придерживал рукой висевший на груди бинокль, за спиной у него колыхалась от ветра накидка из парашютной ткани. Рядом стояли политрук боевой группы Фаунг и начальник штаба Зиак, оба в таких же накидках. Они наблюдали в бинокли за белыми облаками, тянувшимися над зелеными отрогами гор. Прямо перед ними по склону вилась траншея, скрытая диким кустарником. В ней группами сидели штабные командиры и офицеры связи. Высокая антенна изгибалась, точно побег бамбука. Справа и слева от Мау в небольших окопах склонились над телефонными аппаратами и рациями двое солдат; они повторяли вслух каждую фразу Мау, передавая распоряжения на позиции рот.

Прохладное утро было необычайно прозрачным. Холм, где расположился командный пункт, поднимался над полями, засаженными арахисом. Неподалеку от дороги, поворачивавшей к реке, стояла древняя часовня с почерневшими и обросшими мхом стенами. Посреди двора, некогда вымощенного кирпичом, возносились к небу старые баньяны; их могучие стволы переплетались, словно тела гигантских питонов. За часовней виднелась школа, черепичная крыша ее была разбита осколками. Рис на широких полях по другую сторону дороги был почти весь убран, лишь кое-где отсвечивали под солнцем золотистые квадраты волновавшихся на ветру колосьев. Там стояло огромное дерево гао, ветви его четко вырисовывались на фоне неба, а дальше зеленели бамбуковые изгороди, одна за другой убегавшие к горизонту, и блестяла лента реки в белых песчаных берегах.

* * *

Суан поднялся на холм и быстрым взглядом окинул всю позицию. В небе по-прежнему гудели два реактивных разведчика; они кружили на большой высоте и казались отсюда белыми точками, терявшимися в синеве неба.

И поля, и река, и деревни — все дышало таким спокойствием и тишиной, что, не будь этого надсадного воя самолетов, трудно было бы догадаться, что идет война.

На кооперативном току позади школы какой-то мужчина строгал бамбуковые прутья в тени арековой пальмы. Крестьяне вывели из деревни буйволов и коров и привязали их в поле под укрытием густого кустарника. Люди, собравшиеся на пригорках под деревьями, ждали, когда зенитчики вступят в бой с самолетами. Рядом с древними надгробьями у часовни пастушонок, запрокинув голову, глядел в небо. Прямо около холма две девчонки лет по тринадцати пропалывали арахис, время от времени распрямляя спины и с любопытством поглядывая на солдат.

А самолеты все грохотали в небе. Гул то ослабевал, то снова нарастал и доносился уже со всех сторон горизонта.

Телефоны и радики работали бесперебойно.

— Докладываю: замечено звено Ф-105, направление четыре, расстояние пятнадцать километров!

— Докладываю: «единица» обнаружила три самолета, направление четырнадцать!

— «Шестерка» засекла цель!..

— Докладываю...

— Докладываю...

В траншее рядом с Зиаксом молодой офицер, прижимавший к ушам сразу две телефонные трубки, опустил их на рычаги аппаратов и цветным карандашом нанес на карту трассы самолетов.

Шум моторов становился все громче. Красно-синие змейки на карте, извиваясь, подползали все ближе и ближе к мосту.

Наблюдатели из рот сообщали о передвижениях противника. Штабные офицеры, не отрываясь от биноклей, обменивались короткими репликами:

— Слишком высоко! Сволочь, идет выше восьми тысяч метров...

— Вот черт, второй начал , менять высоту!

— Он идет на максимальной скорости.

— Вон, видишь, самолеты выходят из-за облаков!

— Точно, еще звено!

— Не прекращать наблюдения за снижающейся машиной!

Вдруг начальник штаба закричал:

— Эй, парень! Ты что, уснул? Твой буйвол весь арахис сожрет!

Офицеры расхохотались, видя, как пастушонок со всех ног бросился выгонять буйвола с поля.

Суан подошел к Фаунгу. Замполит группы показал ему границы расположения рот.

Вдруг из-за гор докатился грохот разрывов.

— Наши!

— Точно! Это артиллерия...

На несколько минут воцарилась тишина. Стало слышно даже, как в кустарнике шелестит ветер.

— «Шестерка» докладывает: восемь Ф-105 в зоне!

— Внимание! — крикнул Май. — Всем ротам: направление четыре, взять цель!

Суан поднял к глазам протянутый ему бинокль. В слепящих лучах — самолеты заходили со стороны солнца, чтобы их труднее было обнаружить, — он разглядел черно-серые точки, отпечатавшиеся на белых облаках.

Точки стремительно увеличивались. Считанные секунды — и уже можно было различить силуэты Ф-105 с длинными хищными носами и отогнутыми назад куцыми крыльями, под которыми торчали острия бомб и ракет.

— «Шестерке» разбить строй противника! «Единице» приготовиться к отражению штурмового захода!..

В кругах, выхваченных линзами бинокля, Суан отчетливо видел позицию «шестерки»: длинные стволы зениток, прикрытых ветками, поворачивались навстречу реактивным машинам, которые мчались, обгоняя звук, прямо на батареи.

— Шесть тысяч восемьсот...

— Шесть тысяч шестьсот...

— Шесть тысяч триста...

— Шесть тысяч ровно...

Голос наблюдателя, казалось, задавал ритм предстоящему бою.

Но четверка самолетов, едва достигнув высоты, выгодной для зениток, круто взмыла вверх. Каруселью, друг за другом, они описывали широкий круг, уходя вправо от артиллерийских позиций.

Следующая четверка лесенкой — на разных высотах — шла слева от позиций. Самолеты все время описывали зигзаги, то опускаясь, то поднимаясь выше, словно рыбы, пляшущие в прозрачных волнах.

Мау, поворачиваясь всем телом, следил за черными точками. Так и есть, они возвращались обратно к мосту.

— Всем ротам: внимание! Поставить заградительный огонь!.. «Единице» приготовиться к отражению штурмового захода!

Длинноносые самолеты, набрав высоту, кружили в разных направлениях над огневыми позициями. Тяжелый гул реактивных моторов сотрясал землю.

Неожиданно самолеты один за другим повернули к горам. Выйдя из опасной зоны, они построились и, выпустив длинные хвосты белого дыма, скрылись.

На позициях снова стало тихо.

Суан вздрогнул — позади холма неожиданно прогремел мощный взрыв. Он едва успел повернуть голову. Оглушительный свист резанул уши. Огромная реактивная машина, выкрашенная в цвет плесени, словно чудовищная птица, пронеслась над его головой, едва не задев верхушки деревьев. Он не успел даже разглядеть самолет, как тот исчез за стеною бамбука.

— Здорово ему вмазали! — закричал Зиак. — Фюзеляж горит!

Все зашумели.

От моста, с позиций «единицы», тоже донеслись громкие крики.

У бамбуковых изгородей, возле кустов на межах, люди кричали и махали руками.

Фаунгу пришлось повысить голос, чтобы восстановить тишину на КП. Мау передал по телефону приказ:

— Всем ротам: усилить наблюдение! Возможна высотная бомбардировка из-за облаков.

Но на этот раз противник не возвращался. Оба разведчика тоже ушли.

— Объявить готовность номер два! Расчетам можно уйти в укрытия...

Бой кончился. Все заняло примерно десять минут.

Клубы черного дыма поднимались за рощей фыонгов, на раскидистых ветвях которых недавно распустились красные цветы. Ветер

медленно относил дым к мосту. Офицеры молча глядели туда, где, судя по всему, начался пожар.

— Это, наверно, в деревне около реки, — медленно сказал Мау. — Мост цел.

Дым поднимался все выше... Уже можно было различить острые языки пламени, лизавшие кроны соанов. Ветер доносил неясный шум и голоса людей.

Суан подошел к телефону.

— Вызовите Шона! Срочно!.. Телефонист взглянул на Суана и поднял трубку:

— Алло, «единица»?.. Позовите товарища Шона, комиссар на проводе!.. Эй, вы! Кто там свистит на свирели прямо в телефон? Вам здесь не консерватория!.. Алло, алло!.. Дайте начальника связи!.. Разрешите доложить, какой-то болван дует на свирели с утра до ночи. Все уши продудел!.. Слушаюсь!.. Алло!.. Товарищ Шон?.. Говорите с комиссаром...

Суан присел на бруствер и взял трубку.

— Шон, это ты? Говорит Суан. Ну как, у вас все в порядке? Ребята все целы?

— О, комиссар, давно ли к нам пожаловал? — весело зазвучал голос командира «единицы» на другом конце провода. — Докладываю: у нас полный порядок. Одного только поцарапало осколком ракеты да у первого орудия пробилло шину на колесе. Ребята ее сейчас заменяют.

— Что там горит?

— Это от нас метров за четыреста. Нельзя ли помочь населению тушить пожар?

— Кто-нибудь борется там с огнем?

— Ополченцы...

— Среди населения есть жертвы?

— Точно не знаю. Мы видели только, как пронесли несколько носилок.

— Оставайтесь на местах. Ополченцы потушат пожар без вас. Самолеты могут вернуться в любую минуту... «Единица» хорошо стреляла, без задержки. Ребята твои — молодцы. Мы отсюда видели, как вы попали в фюзеляж Ф-105. Передай всем благодарность от имени командования батальона... Смотрите только не зазнавайтесь!.. Исправляйте колесо... Не ослабляйте наблюдения... Вчера они подтянули к берегу два авианосца. Судя по всему, одна из главных целей — наш мост! Будьте наготове, не давайте застать себя врасплох... Ясно?

— Ясно!

— Если прилетят, бейте без промаха! Отомстите за убитых и раненых крестьян, за сожженные дома!

— Ясно!..

— У вас окопы сильно пострадали от дождя?

— Сегодня с утра мы все привели в порядок; сейчас насыпаем брустверы.

— Надо внушить ребятам, пусть не жалеют сил. Лучше укрытия — меньше потерь, меньше крови.

— Ясно.

— Как товарищ Тхань? Не забыл, что ему надо сюда на собрание?

— Он уже пошел к вам.

— Ну, хорошо. А ты-то, Шон, как? Здоров?

— Докладываю: здоров как бык...

Суан положил трубку. Подул ветер, и с неба стали падать черные хлопья сажи.

* * *

Комиссар вернулся в жилую землянку на КП. Неглубокая, крытая бамбуком и листьями, она ничем не отличалась от укрытий оружейных расчетов. У входа деревянная дверь, взятая на время в каком-нибудь крестьянском доме; стены, возвышающиеся над землей, связаны из плетеных щитов. В самой землянке только и было добра что два рюкзака — Мау и Фаунга, несколько иллюстрированных журналов, фонарь и транзисторный приемник.

— «Единица» сегодня дала жару, — весело сказал Хоа. — Я сам видел, как у самолета из брюха хлестало пламя. Далеко он не уйдет. В лучшем случае дотянет до моря и отправится пускать пузыри. Умывайтесь и садитесь завтракать. Я уже поел.

Холодная вода приятно освежала, усталость как рукой сняло. Суан снова почувствовал себя бодрым и полным сил. Вернувшись в землянку, он с аппетитом взялся за еду, хотя рис уже остыл, а свинина была слишком жирной.

Рядом, на КП, начальник штаба Зиак кричал в телефон:

— Алло, «шестерка»! Какой у вас расход снарядов?.. Сколько?.. Как, тридцать два? Почему так много?.. Ах, мало еще?.. Вы что их, с рисом едите?!

Прислушиваясь к негодующему голосу Зиака Суан усмехнулся. Начштаба, человек добрейшей души, становился неумолимым и выходил из себя, едва дело касалось расхода снарядов. Вспомнив, как сегодня перед боем Зиак поднял крик из-за буйвола, который залез в арахис, Суан улыбнулся еще шире...

А вокруг землянки громко пели и щебетали птицы. Издалека доносилось воркованье голубей и собачий лай. Женщина окликала кого-то в деревне на берегу реки. Перед глазами Суана бежал большак, вымытый ночным дождем, и простирались вдаль поля арахиса и бататов. У реки темнели ряды дынных деревьев и густые кроны нянов{13}. Фыонги поднимали к небу ветви с ярко-красными цветами.

Но все это в одно мгновение могло утонуть в реве реактивных турбин, в грохоте разрывов и холодном свисте металла...

Войдя в землянку, Мау спросил Суана:

— Ну как, отдохнул?

Он присел рядом с Суаном. Следом за ним вошел Фаунг, сняв у двери кеды с налипшими комьями глины.

— Приступим к работе.

— Фаунг, у тебя нет чего-нибудь вкусенького угостить комиссара?

— Да уж найдется...

Он протянул руку к маленькой тумбочке в углу и извлек оттуда гроздь бананов, пакетик чая и пачку сигарет.

Достав из полевой сумки штабную карту, Мау расправил ее и тут же, пока Фаунг заваривал в кружке чай, приступил к тактическому анализу.

— Боевая тревога! — металлически прозвучал в рупор голос дежурного.

— Мау встал:

— Фаунг, доложишь обстановку сам.

Он быстро выскочил из землянки и побежал на КП.

V

Летнее утро становилось все жарче. Белые облака постепенно таяли, небо из голубого сделалось синим. Политруки рот приходили один За другим. Утирая пот со лба, они протискивались в землянку и рассаживались тесным кружком под низкой плетеной крышей.

Собрание началось, хотя все еще продолжалась тревога и в небе ни на минуту не умолкал гул самолетов.

— Постараемся закруглиться побыстрее, — открыл собрание Суан. — Я наметил повестку дня из двух вопросов: первый — предложения товарищей из подразделений; второй — рекомендации полкового партбюро. Приступим к первому вопросу. Какие будут просьбы или предложения к командованию полка? У вас, наверно, много горящих дел?

Все заулыбались и начали, перебивая друг друга:

— Пускай полк вернет две автомашины, взятые у нас на время! Вдруг какая-нибудь срочная переброска.

— Добейтесь, пожалуйста, чтоб сюда прислали оружейных мастеров и закрепили их за нашей группой. Лучше всего, если нам отдадут товарища Зианга.

— В нашей роте шесть человек только что вернулись из госпиталя, у них не хватает обмундирования. У одного вообще рюкзак сгорел, остались штаны и рубашка!

— Скажите, товарищ комиссар, правда ли, что скоро всем выдадут каски?

— Разрешите доложить: ребята очень давно не получают писем из дома. Надо связаться с почтой, узнать, в чем дело.

— А нельзя ли выдать на каждую роту транзисторный приемник? Информация очень уж запаздывает. «Нян зан»{14} и то две недели не видели.

— Говорят, в наш округ приехали несколько ансамблей из Ханоя; пусть и у нас устроят хоть один концерт.

— Надо, чтобы из полка связались с уездом и попросили доставлять больше свежих овощей. Ребята не высыпаются, устают, им хочется свежей пищи.

— Каски — это хорошо, да только в них очень жарко. Нужно раздобыть ноны, пускай немного... Чего вы все ржете? Солдату в ноне

очень даже удобно. Не зря у нас весь народ их носит! Вам бы что-нибудь новомодное... Я предлагаю ноны — от жары.

Суан кивнул:

— Ну что ж, мысли дельные. Есть еще предложения?

— Да нет, пока все.

— Вернусь, доложу партийному бюро, и мы срочно будем делать все, что в наших силах. Да, о письмах и газетах — почта здесь ни при чем; просто нас все время перебрасывали с места на место. Здесь мы, вероятно, задержимся надолго, так что корреспонденция будет поступать регулярнее. Теперь поговорим о пожеланиях партбюро. Собственно, у нас к вам только одно пожелание: чтобы вы, товарищи, сбивали самолеты на месте, прямо здесь, над позициями.

Собрание зашумело.

— Одно пожелание — да будет почище многих!

— Это дело нелегкое!

— Почему? — спросил Суан, — Ну, а что скажет первая рота?

Все замолчали, давая возможность высказаться Тханю, политруку первой роты, потому что знали: «единица» стоит на самом трудном участке. Тхань, совсем еще молодой парень, сжал изогнутые, как у девушки, губы, словно повторяя про себя все, что предстояло сейчас сказать. Смуглые щеки его порозовели.

— Разрешите доложить, товарищ комиссар: смелости у нас, конечно, хватает, но на нынешней нашей позиции трудно вести бой. Мы закрыты склоном холма. Самолеты проходят на бреющем вдоль русла реки, выходят внезапно прямо на нас и забрасывают бомбами и ракетами. Противник очень хитер и быстро принаравливается к местности. Поэтому вчера, когда бомбили мост, у нас и были такие низкие результаты стрельбы. Я считаю, что нужно заново обсудить всю систему огня боевой группы.

— Этот вопрос вчера уже обсуждали командиры рот и приняли решение, — с некоторым неудовольствием сказал Зиак.

— Да, я знаю, — стоял на своем Тхань, щеки его покраснели еще сильнее. — Товарищ Шон, вернувшись, рассказал, что командование решило перевести «четверку» на ту сторону реки, чтобы прикрыть нас. Но мы обменялись мнениями и пришли к выводу, что это, в общем, мало что даст.

Фаунг, который до сих пор сидел молча, не выдержал и строго спросил:

— Что вы предлагаете конкретно? Почему вчера товарищ Шон не изложил толком ваше мнение?

— Потому что тут все не так просто, — ответил Тхань; пунцовыми были уже не только щеки его, но и уши. — И потом наш ротный боялся, как бы слова его не истолковали превратно.

Собравшиеся снова зашумели. Тхань продолжал говорить. Краска сошла с его лица, он успокоился и чувствовал себя уверенно:

— Наша рота держит здесь оборону недавно, и мы просто заняли позиции, оставленные другим подразделением. Но у нас есть все возможности создать свою, новую систему огня. Да и противник уже изменил тактику. Нам тоже нельзя строить все по-старому. Почему, например, не перевести «шестерку» сюда, на этот холм? Почему у нас не доходят руки до высоты «сто двадцать»? Неужели нам не под силу перетащить туда пушки?

Он разложил карту прямо посередине землянки и стал объяснять план, составленный в его роте.

— Я думаю, сейчас надо прежде всего приложить все усилия, чтобы выполнить поставленную вчера боевую задачу, — сказал политрук «шестерки» Хюйен. — Что касается огневых позиций нашей роты, я не во всем поддерживаю товарища Тханя. Но я полностью согласен с «единицей» — надо пересмотреть систему огня.

Мау, только что вернувшийся с КП, уселся рядом с Суаном. Внимательно выслушав политрука «шестерки», он кивнул:

— Хорошо! Обсудим обязательно! Пускай в ротах еще раз все продумают и составят развернутые предложения. Мы разрабатываем сейчас новый тактический план и систему огня. Есть возможность обсудить и учесть все варианты. Думаю, что мы придем к единому мнению.

— Ну как, согласны, товарищи? — спросил Суан.

— Да, мы согласны с товарищем Мау, — раздалась в ответ голоса.

— Значит, вопросы тактики будут еще обсуждаться, — продолжал Суан. — Но у нас собрание политработников, позвольте поэтому напомнить вам некоторые вещи: мы будем драться здесь с американцами не день и не два, остаемся мы здесь надолго. Вы должны донести это до каждого бойца, чтобы они были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть с вражескими стервятниками, — драться каждый день, драться по несколько раз в день. Противник постоянно меняет свою тактику. И мы не можем сидеть сложа руки. Надо все время искать новые методы борьбы с самолетами. Люди должны не щадить сил, когда приходится рыть окопы, когда надо, может быть, по несколько раз на неделе, менять позиции. Малейшая недобросовестность или леность могут обернуться на пользу врагу, стоить многих жертв. Таков уж боевой долг зенитчиков. Я знаю, ребята несколько месяцев подряд не выходят из-под огня: боевой дух у них высокий и опыта много. Нужно только, чтобы они не поддавались усталости и, с другой стороны, не вздумали почивать на лаврах. Все вы, товарищи, обязаны уделять особое внимание жизни и быту солдат. Они должны хорошо питаться. Надо продумать рацион, подходящий для жаркого времени года. Ребята устают, и если их все время кормить сухим рисом и жирным мясом, им кусок не полезет в горло. Помните о санитарных правилах, о профилактике заболеваний. Здесь рядом река, надо сделать так, чтобы солдаты почаще могли купаться. Побольше занимайтесь культурной работой. Не дожидайтесь столичных артистов, неужели у нас нет своих талантов? Одним словом, вся наша воля, все наши мысли должны быть устремлены к победе! Мы победим! Победим во что бы то ни стало!

Да, вот еще что — надо воспитывать в солдатах бережливость, учить их экономить снаряды, беречь продовольствие. Я сам видел, как в некоторых подразделениях после еды выбрасывают целые корзины недоеденного риса и других продуктов. С этим пора кончать!..

Суан остановился, увидав двух бойцов, которые втаскивали в землянку какой-то странный предмет.

— Что это, товарищи?

— Разрешите доложить: обломок самолета, подбитого сегодня утром.

— Давайте-ка его сюда, посмотрим, что за чудо!

Собравшиеся столпились вокруг куска металла, выкрашенного в темно-серый цвет.

— Чего это он такой тяжелый? Где вы его подобрали, товарищи?

— Разрешите доложить: когда самолет прошел нынче утром на бреющем над деревней, из него вывалилась эта деталь. Ума не приложу, что бы это было такое.

— А может, часть шасси?

— Да нет, в этой штуке явно метра полтора длины.

— Пожалуй, это кусок ракетной установки.

— Нет, скорее — крепление крыла.

— От него небось немало еще кусков отвалилось, просто их пока не нашли. Во всяком случае, «единица» сегодня подстрелила птичку с авианосца.

— погоди, штаб округа еще этого не подтвердил, а по обломкам ничего не докажешь.

Фаунг, посмеиваясь, стал торопить собравшихся:

— Ну, хватит — посмотрелись. Янки не станут ждать, пока мы тут все обговорим...

Все дружно расхохотались и начали прощаться.

Когда командиры группы остались одни, Суан спросил Мау, что он думает о предложениях «единицы».

— У ребят есть основания для беспокойства, — медленно ответил Мау, — я тоже хочу перестроить систему обороны. Каждая рота должна иметь две-три позиции в своей зоне и маневрировать. Но все это за один день не сделаешь, нужно время. Надеюсь, за неделю — не меньше — удастся реорганизовать систему огня.

— А быстрее нельзя?

— Я беру неделю, потому что предстоит очень большая работа: надо будет сровнять вершины холмов и поднять грунт на полях всюду, где намечены огневые позиции.

— Может, нам поговорить с Виеном, чтобы местные власти помогли?

— Мы уже обращались в уездный комитет партии. Народ почти весь занят на уборке риса, а тут еще и арахис поспел. Поэтому сейчас трудно собрать достаточно людей для земляных работ...

Вскоре после десяти утра на своем велосипеде прикатил Виен. Вместе с ним приехал Тай, секретарь партийной ячейки общины. Виен, весь багровый после поездки по такой жаре, ввалился в землянку и немедленно выпил целую флягу воды. Таю, его спутнику, перевалило за пятьдесят. Это был типичный крестьянин. В больших натруженных руках он держал огромную шляпу из листьев и обмахивался ею вместо веера.

Виен сообщил, что утром американцы сбросили восемь бомб. Шесть из них упали в реку и на кукурузное поле, а две угодили в деревню. Один человек убит, ранено семеро, в том числе ребенок; сгорели два дома и небольшой запас риса, хранившийся в кооперативном амбаре.

— Люди считали раньше, что бомбежки им нипочем. Уговариваешь их, уговариваешь, а они не желают эвакуироваться, и точка. Зато сегодня несколько семей до того перепугались, что убежали куда глаза глядят; побросали дома все добро и даже рис не кончили убирать. — Виен

обернулся к парторгу: — Скажите, Тай, а как с уборкой арахиса и бататов, ведь шестая бригада пока не выполняет план?

— Ничего, — ответил Тай. — Бросим на это дело еще первую и третью бригады, за две ночи соберем{15}.

- — Сейчас, как никогда, важен точный учет рабочей силы. Нужно четко распределить, кто остается на уборке, кто идет в народные носильщики, кто из молодежи — в ударные бригады. Мы должны еще помочь зенитчикам...

Виен тщательно записал в блокнот все пожелания командиров.

— Думаю, — сказал он, — что особых трудностей с этим не будет. Все, что есть у нас, и мы сами — в вашем распоряжении. Конечно, для строительства огневых точек понадобится много рабочей силы, это теперь довольно сложно. Но мы все сделаем.

— Господи, — подхватил Тай, — стоит только бросить клич, что надо построить позиции для зениток, народ сам повалит!

— Скажите, — вмешался в разговор Фаунг, — а ваша община «Намшон» могла бы за эту ночь построить новые огневые позиции на холме, около кирпичных печей? Так, чтобы мы завтра утром могли перевести туда пушки.

— Да-а, работенка изрядная! — воскликнул Тай. — А что, туда перейдет «шестерка»?

— Успеете собрать людей? — спросил Виен.

— За одну ночь трудновато, но ничего — сделаем! Вы уже наметили точный план? Тогда я поеду в шестую роту, сговорюсь обо всем заранее. Виен, вы еще побудете здесь?

— Да, посижу немного, потом тоже поеду на ту сторону.

Тай нахлобучил на лоб шляпу, взял велосипед и с одним из штабных офицеров отправился в шестую роту.

Обсудив все дела, Суан задержал Виена, пригласив его пообедать вместе и немного отдохнуть. Полуденное солнце припекало, к тому же еще сильно парило.

Тревоги следовали одна за другой. В небе все время гудели самолеты. Мау и другие офицеры, временами заглядывавшие в землянку, едва успевали присесть. Самое большее минут через десять они вскакивали по тревоге и бежали на КП...

Виен лежал, распахнув на груди рубашку, и неустанно обмахивался веером. Мау, войдя в землянку, уселся рядом с ним и улыбнулся:

— Что, жарко? Такая погодка кого хочешь доконает.

Равномерно взмахивая веером, Виен спросил:

— Вы сами из каких краев, товарищ Мау?

— Из Лонг-тяу-ша{16}.

— Слышал я, у вас там много рыбы.

— О рыбе и говорить нечего. У нас в деревне до путины, бывало, еще далеко, просто начались дожди — захочется тебе рыбки, берешь леску, крючки, насадишь самую плевую наживку, камень вместо грузила и забросишь в реку. Ночь простоит, утром вытащишь — только успевай рыбу снимать. И все здоровенные — одна к одной. И рис у нас особый, не надо, как у вас, высаживать на поле каждый стебелечек отдельно. В январе или феврале выжгут у нас солому на полях и распашут землю, а как припустят дожди — сразу высаживают рассаду. Высадят да так и оставят на поле. А потом, в июне или июле, начнет прибывать вода и заливают поля. Вот тут-то рис и тянется за водой: насколько прибывает вода, настолько и поднимается рис. Случается, за ночь рис вырастает на целую пядь. У нас он воды не боится. Есть разные сорта риса, и названия у них интересные — например, «лесная дева», или «девица с запада», или еще «распустившийся бутон»... Когда вода прибывает, рыба идет на поля. Потом вода спадет, и рыба остается в прудах прямо в поле. Ее там столько, что вода прямо как в котле кипит.

— Да-а! Ну ничего, потерпите еще немного, вот расколотим янки, вернетесь к себе, и подадут вам рыбу из Лонг-тяу-ша.

— Я уж лет шестнадцать как не был дома...

— Сейчас по радио последние известия, — сказал молчавший до сих пор Суан, — Виен, включите, пожалуйста, приемник, узнаем, что слышно на Юге...

Теперь все по достоинству смогли оценить транзисторный приемник, которым так гордился Виен. Знакомый голос дикторши ханойского радио заполнил землянку.

«КОНГ-ТУМ{17}. В КОРОТКОМ ДВАДЦАТИМИНУТНОМ БОЮ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ СРОВНЯЛИ С ЗЕМЛЕЙ УКРЕПЛЕННЫЙ ПУНКТ ТУ-МОРОНГ, УНИЧТОЖИЛИ ДВЕ РОТЫ ПРОТИВНИКА, ЗАХВАТИЛИ БОЛЕЕ СТА ВИНТОВОК И ПУЛЕМЕТОВ, ДВЕ СТОПЯТИМИЛЛИМЕТРОВЫЕ ПУШКИ...»

— Боевая тревога!

Мау с сожалением поднялся.

— Вы оставайтесь тут, — сказал он Виену и комиссару, — сегодня ужасно жарко.

«...ДА-НАНГ{18}. ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ АТАКОВАЛИ БАТАЛЬОН АМЕРИКАНСКОЙ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИЙ КАРАТЕЛЬНУЮ ОПЕРАЦИЮ. УНИЧТОЖЕНА РОТА ПРОТИВНИКА, ПОДОРВАНО ПЯТЬ «АМФИБИИ», СБИТО ДВА ВЕРТОЛЕТА...»

— Отлично! — прокомментировал Суан. — Янки прямо из кожи вон лезут, бомбят здесь, у нас, мосты и дороги, а движение все равно не останавливается. Зато на Юге освободительные войска в любое время перерезают их коммуникации и парализуют снабжение.

Закончив сообщения с фронта, радио стало передавать бодрую военную музыку.

— Когда мы здесь даем жару американским стервятникам, это, как ни говори, хорошая помощь ребятам на Юге, — произнес Виен. — Да, Суан, вы когда собираетесь обратно в полк? Лить просила, если можно, передать небольшой пакет в городской здравотдел.

— Хорошо. Я, возможно, вернусь этой же ночью. Но вообще-то хотел бы пробыть здесь и завтра.

— Она, по-моему, посылает дочке немного бобов и арахиса... Да-а, судьба у Лить необычная. Вы, наверно, знаете Бана, ее бывшего мужа?

— Бан... Бан... А кто это?

— Он из штаба дивизии.

— Нет, я с ним не знаком.

— Это любопытная история. В ту войну Лить была медсестрой. Они с Баном встретились на фронте, потом поженились, и у них родилась дочка. Они очень любили друг друга. Но после войны, уж не знаю как, выяснилось, что Бан был раньше женат. Жена его всю войну прожила со свекром и свекровью. Их деревня была на оккупированной территории. Оказалось, что сами старики, родители Бана, дали ему знать, что жена его якобы путалась с солдатней, и, мол, раз так, он должен ее бросить, тем более что у них нет детей. Бан начал чего-то мудрить. Прежняя жена его, простая деревенская женщина, знай себе плакала да жаловалась соседям: «Раз уж он меня бросил, так тому и быть! Да только зря он взял грех на душу, я перед ним не виновата...» Долго ли, коротко ли, но Лить обо всем узнала. Не говоря никому ни слова, она отправилась напрямик в деревню Бана, повстречалась там с его женою, с отцом и с матерью, со всей родней и разузнала все как есть. Вернувшись, она тут же ушла от Бана. И как он ни просил, ни умолял, жить с ним больше не стала. Она сказала ему: «Твоя жена — хорошая. У нее большое горе, — когда в деревню ворвались каратели, они схватили ее и изнасиловали. Разве ж она виновата? И хотя твои родители и вся ваша родня издевались над ней как могли, она осталась в мужнином доме, делала всю работу по хозяйству и ждала тебя. Ты не имеешь права ее бросать!» Лить попросила

перевести ее в другой район, забрала ребенка и вот приехала сюда, к нам. Ей пришлось нелегко: нужно было растить дочку, работать да еще учиться. Теперь она уже фельдшер. В прошлом году Бан как-то заезжал сюда, но она не захотела с ним видаться. Сидела у меня дома и проплакала весь день, пока он гулял с девочкой.

— Ну, а что его старая жена?

— Ничего. Живут как ни в чем не бывало, у них уже несколько детей. Она там, в деревне, вступила в кооператив.

— А сама-то Лить где?

— Сегодня с утра она была в той деревушке, где раненые. Может, сейчас уже вернулась в больницу.

Суан прислушался. По радио сообщали интересные новости. Виен, чтобы лучше слышать, перестал даже махать веером.

«...СОТНИ АМЕРИКАНСКИХ МАТЕРЕЙ УСТРОИЛИ ДЕМОНСТРАЦИЮ ПЕРЕД БЕЛЫМ ДОМОМ. ОНИ НЕСЛИ ОБРАЩЕННЫЙ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЛОЗУНГ: «ПОЧЕМУ МАТЕРИ АМЕРИКИ ДОЛЖНЫ ОПЛАКИВАТЬ СВОИХ СЫНОВЕЙ?!» В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СОСТОЯЛАСЬ СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ. СТУДЕНТЫ НЕСЛИ ЛОЗУНГ: «СКОЛЬКО ДЕТЕЙ ВЫ УБИЛИ ЗА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ВО ВЬЕТНАМЕ?»»

— Надо бы посильнее всыпать этим янки! — Виен с силой хлопнул веером по циновке.

Суан закрыл глаза, в ушах его отчетливо звучал голос диктора. На ум снова пришли давно уже занимавшие его мысли: «Правители Америки надеялись с легкостью разбить такую маленькую страну, как Вьетнам, и проглотить ее одним махом... Но они попали в трудное положение даже в своей собственной стране. И если война затянется, могут произойти самые неожиданные события в самой Америке...»

«...НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА ЗАЛЬЦБУРГА В АВСТРИИ РЕШИТЕЛЬНО ВЫСТУПИЛО В ПОДДЕРЖКУ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА... В ШВЕЦИИ ДЕВЯНОСТО ПИСАТЕЛЕЙ, УЧЕНЫХ И ПРОФЕССОРОВ

УНИВЕРСИТЕТОВ ВЫСТУПИЛИ С ЗАЯВЛЕНИЕМ, ПРИЗЫВАЮЩИМ ОСУДИТЬ ПРЕСТУПНУЮ ПОЛИТИКУ США ВО ВЬЕТНАМЕ...»

Перед глазами Суана вдруг с удивительной отчетливостью встало лицо Лить, освещенное неяркой керосиновой лампой... Суан вспоминал каждое слово, сказанное ею в дороге; каждый ее жест, ее позу, когда она сидела в доме у Виена... Лить пристально глядела на него... Может, он тогда не понял...

VI

Весь день не прекращались тревоги и налеты. Суан позвонил по телефону «домой», в штаб. Он разговаривал с Хынгом, командиром полка, просил прислать снарядов, потому что, судя по всему, здесь предстояли тяжелые бои. Повар принес на КП вареные бататы, офицеры поели и разошлись. Фаунг отправился вместе с Виеном на противоположный берег реки проверить стоящие там батареи. Суан поехал на позиции «шестерки», намереваясь после этого заглянуть в «единицу».

Солнце припекало все сильнее. В расположении роты, где вчера еще стояли лужи, сегодня все подсохло, и следы шин, отпечатавшиеся в грязи, стали тверже камня. Ветки, которыми были замаскированы пушки, завяли. Солдаты, вот уже который день бессменно дежурившие у орудий, совсем почернели на солнце. Пот пятнами проступал на их выгоревших гимнастерках. Где-то высоко в небе надоедливо гудели самолеты-разведчики. Время от времени гроыхали далекие взрывы, доносившиеся как будто из-под земли.

Да, огневые позиции выглядят теперь необычно. Суан вспоминал, как несколько лет назад их перебросили к западной границе на перехват самолетов, забрасывавших диверсантов. В безлюдных глухих дебрях легко было замаскировать и спрятать орудия так, что даже любопытствующие прохожие ничего не замечали. А сегодня пушки торчат прямо посреди поля, у самой дороги. И даже после объявления тревоги люди расхаживают и ездят на велосипедах по большаку. Вон кадровый работник жмет на педали, торопится на службу. Парень везет Девушку сзади, на багажнике; проезжая мимо батареи, они с любопытством поглядывают на солдат, не прерывая своей болтовни.

Крестьянки идут с поля, неся на коромыслах снопы только что скошенного риса. Они уже скрылись за поворотом, но кажется, будто под высокими сандаловыми деревьями у дороги все еще звучит звонкий смех и ветер доносит аромат спелого риса.

Солдаты теперь все молодые, средний возраст двадцать лет; есть и такие, кто ухитрился вступить в армию в семнадцать и даже шестнадцать лет. Как и старшие их братья, победившие под Диен-биен-фу, нынешние ребята отнюдь не имеют геройского и грозного вида. Чаще всего они невысокого роста и довольно-таки щуплые, но Суан хорошо знал, какая за этим кроется выносливость, сила и железная стойкость. Они способны месяцами спать на голой земле под открытым небом, есть пустой присоленный рис с дикими овощами и, несмотря ни на что, из ночи в ночь совершать стремительные переходы, а днем рыть и рыть окопы, переворачивая своими лопатами горы земли. Ведь они — плоть от плоти народа, который тысячелетиями, подтянув потуже пояс, сражался с джунглями, с ураганами, засухами и наводнениями за каждый клочок земли... На лицах их, добродушных и чистых, всегда, кажется, вот-вот вспыхнет веселая улыбка, а в блестящих черных глазах видны ум и смекалка. И еще — чего не было раньше — нынешние молодые солдаты все кончили до армии четыре или пять классов, а немало и таких, у кого за плечами десятилетка. Всего десять лет строили мы новую жизнь^{19}, у нас не всегда было вдоволь одежды и риса, но зато в каждой глухой деревушке есть теперь школа.

Несколько лет назад многие старые командиры и партработники колебались, не веря, что молодежь сможет выдержать испытания войны. Ведь во время Сопrotивления^{20} каждый солдат был человеком, испытавшим на себе позорное бремя рабства. На лицах бойцов лежал тогда, различимый с первого взгляда, отпечаток долгих лет голода, нужды и лишений. Для них винтовка была не только оружием, но и ключом, отворившим двери темницы.

Сегодняшние молодые солдаты с самого детства чувствовали себя хозяевами своей страны, своего будущего; у них было все — и рис и книжки. А выучившись и придя на работу, они, случалось, негодовали, что какой-нибудь кадровый работник зажимает демократию или недостаточно разбирается в технике и науке, чтобы

как следует руководить производством. Им не нравилось, скажем, что во многих деревнях нет еще электрического освещения, нет насосных станций или сельскохозяйственных машин, нет кино и домов культуры.

Но что значит все их недовольство в сравнении с лишениями и тяготами, выпавшими на долю людей постарше! Ведь никто из этих парней и девушек не испытал на собственной шкуре, что такое колонизатор, жандарм, помещик, уездный начальник или деревенский староста!

Смогут ли они проникнуться ненавистью к империализму? Не дрогнут ли перед лицом врага?

Но когда началось испытание огнем, то «отцы и дядья» убедились, что молодежь не уступает старым бойцам в мужестве и отваге; зато у молодых, кроме смелости, были еще и знания, они легко овладевали военной наукой, умели обращаться с техникой. Они и мыслили по-новому, часто ставя проблемы, которых старые кадровые работники, как Суан, просто не замечали или не всегда могли сразу понять. В своей повседневной работе Суан часто убеждался, что ему не хватает знаний. Но он не мог подменять живое дело пустыми казенными лозунгами и вот — с поседевшей уже головой — старался учиться, жадно тянулся к знаниям. «Я должен многое знать, — твердил он себе постоянно. — Должен научиться выслушивать людей. Иначе можно стать камнем, лежащим у них на дороге...»

Суан и друзья его одних с ним лет, встречаясь, часто говорили друг другу: «Хо Ши Мин и другие наши руководители всегда отмечают, что народ наш — героический народ. Но мы не всегда осознаем до конца все значение этих слов!»

И когда Суан видел, как эти юноши, похожие на только что распутившиеся цветы, впервые попав под огонь, стоят насмерть, ему казалось, будто перед глазами его встают те, кого смерть скосила в пути, кто отдал до капли свою кровь за революцию, за отечество. И Суан говорил им: «Будьте спокойны, товарищи! Ничто не пропало даром — ни одна ваша мысль, ни один ваш шаг, ни одно движение вашего сердца!.. Вы не зря шли в рост на пулеметы, не зря умирали в

одиночестве под пытками... Все самое прекрасное, самое возвышенное и дорогое, чем бились сердца тысяч и тысяч солдат и подпольщиков, не только сохранилось нетленным, но расцвело с новой силой в сердцах сыновей и дочерей — наших сегодняшних двадцатилетних...»

— Готовность номер два!.. Расчетам можно уйти в укрытия!..

На позиции роты неожиданно пришла тишина. И тогда из-за брустверов оружейных гнезд, из ходов сообщения высыпали солдаты. Весело переговариваясь и утирая пот, они торопились к землянкам.

Суан вытащил мокрый платок и вытер лоб.

— Товарищ комиссар, не зайдете к нам отдохнуть?

Слыша, как солдаты наперебой его приглашают, Суан снял шлем и, пригнувшись, вошел в одну из землянок. Парень с оспинками на лице уселся за спиной комиссара и принялся обмахивать его веером. Лай, командир расчета, налил гостю чаю.

Суан, конечно, не помнил по именам всех солдат. В этом расчете он знал только Лая и еще одного парня по имени Бинь, которого все называли «крупнейшим ротным писателем». Бинь преподавал раньше литературу в школе, в армии он служил уже около года.

— Ну как, — спросил Суан, — созданы ли за это время новые произведения?

Бинь смущенно улыбнулся.

— Он недавно закончил рассказ и отослал его в редакцию «Ван нге куан дой»^{21}, — сказал парень с оспинами ломающимся еще голосом.

— А вас я раньше, кажется, не встречал. Вы из пополнения?

Соседи щербатого паренька похлопали его по спине.

— Точно! Тат попал к нам уже после боев у Дой-шим.

— Как у вас вообще идут дела, ребята? Место ведь новое...

— Да вот ни разу еще не отстрелялись как следует. Черт знает что!

— Ничего-ничего, у вас все впереди.

— Ясное дело, мы сами понимаем: этот перекресток — как заноза для «джонсона».

— Ну и отлично!

— Янки летают здесь на своих «громовержцах» да на «фантамах»^{22}, которыми они запугивают весь мир.

— Все эти «громовержцы» загремят прямо на тот свет. А «фантомам» там только и место — с привидениями и мертвяками!

— Ополченцы даже из винтовок сшибают реактивщиков. Вон в Куанг-бине^{23} в феврале этого года упал самолет. Оказалось, летчик был убит пулей; она пробила ему горло и разнесла затылок.

— Да, во сколько раз быстрее звука он ни летай, а нам на земле надежней и проще!

— По этому делу ребята на Юге — чемпионы. Ходят на своих двоих, а что ни бой — гребят десятки самолетов.

— У нас во Вьетнаме «аэродромные мастера» — высший класс!

Разговор становился все оживленнее. В землянку набился уже и соседний расчет. Седая голова Суана резко выделялась среди обступивших его парней, темнокожих, словно прокопченных дымом.

— Смотрите, девчата с фабрики несут нам чай!

— Ну, наконец-то попьем вволю!..

По тропинке через поле шла к батареям цепочка женщин с коромыслами на плечах; мерно покачивались подвешенные к коромыслам кувшины. Видно было, что дорога хорошо им знакома. Они прошли прямо на позиции, поставили кувшины на землю и, сняв с

головы ноны, стали обмахиваться ими как веерами. Девчонки помоложе бросились собирать бидоны, кружки и фляги.

Девочка лет пятнадцати с хвостом черных волос за спиной подбежала к землянке, где сидел Суан.

— Давайте посуду!

— Здравствуй, Туйен. — Лай протянул девочке флягу. — Сегодня ты угощаешь таким же вкусным чаем, как вчера?

— А он у меня всегда одинаковый — зеленый!

Она засмеялась, но, увидев незнакомого седого военного, смутилась.

— Не тяжело вам носить сюда чай?

— Вот еще! Если хотите, выкопайте себе целый бассейн, а мы вам воды натаскаем — полный нальем, до краев. Надо вам выкупаться, чтоб не были такие черные!

Все расхохотались. Туйен нацепила на себя семь или восемь фляг и, растопырив пальцы, подхватила несколько эмалированных кружек. Маленькие ступни ее замелькали по темной раскаленной земле.

К четырем часам вернулся Дык. Позвав Тхо и Хюйена, ротный сказал:

— Все в порядке. Присмотрел отличное место. Правда, деревья закрывают обзор; придется срубить. Жаль, такие красивые фыонги, высоченные... Если соберут побольше людей, за ночь кончат. Товарищ Тай обещал прислать сто пятьдесят человек. Как стемнеет, начнем...

Он не успел договорить, раздался сигнал тревоги.

— Ладно, иди отдыхай, — сказал Хюйен. — Мы с Тхо управимся сами.

Но Дык, посидев минуту, вскочил. По звуку моторов он понял, что самолетов много и они идут прямо на батареи. «Атакуют!» — пронеслось в мозгу Дыка. Он побежал на КП.

Набросив на плечи накидку из парашютной ткани, Дык встал рядом с окопом наблюдателя. Кан, сидевший в окопе, — он заменил Тоана, раненного у Дой-шима, — улыбнулся ротному и прильнул к окулярам.

На позиции все молчали. Слышно было лишь, как поворачивались стволы пушек. «Жарко, — подумал Дык, — в кожных быстро высохнет масло, надо бы не забыть... Кто это, неужели комиссар?.. Стоит, прислонившись к брустверу, около пушки Лая...»

И Дык невольно вспомнил Диен-биен-фу. Он пришел тогда в ПВО рядовым пулеметчиком, а Суан был уже замполитом батальона. Дык помнил — словно это случилось вчера — тот день, когда их рота сбила первый Б-26{24}... Самолет огромным костром вспыхнул в небе, прямо над ними. Суан сорвал с головы шлем и, радостно крича, подбросил его высоко вверх. А Дык так и застыл у пулемета, забыв, что еще идет бой и кругом рвутся бомбы...

За все эти долгие военные годы Дык больше всего возненавидел самолеты. В начале войны не было еще пушек и солдаты не умели вести бой с авиацией. Самолеты сносили с лица земли деревни, мосты и дороги, безнаказанно улетали и возвращались снова, а он, стиснув зубы, глядел им вслед...

У него с самолетами были свои, личные счеты: свинец, пущенный с неба, убил Шам, его сестру! И сейчас, вспоминая о ней, он чувствовал щемящую, острую боль. Родители Дыка умерли рано, и Шам заменила ему мать. Дык навсегда запомнил страшный голод сорок пятого года, месиво из отрубей, раздиравшее горло... Ему было тогда десять лет. Шам ушла вместе с братом в Фу-тхо{25}. Бог знает какими судьбами удалось ей наняться в дом богача. Он держал целую свору собак; огромные и страшные, как пантеры, они бегали по всему имению. Днем Дык прятался, забившись в заросли на холмах, где рос чай, а вечерами прокрадывался к изгороди позади дома и, притаившись, сидел там, пока не окликал его голос сестры:

— Дык, милый, где ты?..

Шам просовывала сквозь узкую щель в изгороди узелок с холодным рисом, который она, сама чуть живая от голода, сберегала для брата.

И покуда он жадно поглощал сухие комки риса, рука сестры легонько гладила его волосы, щеки, плечи. Они не видели друг друга, он слышал только, как Шам негромко плакала по ту сторону изгороди.

А когда пришла революция, Шам убежала от хозяев и вернулась вместе с братом в деревню. Затем началась война, и она ушла в партизанский отряд. Дык пошел вместе с ней. Партизаны привязались к нему, вскоре он стал в отряде связным.

В четырнадцать лет он был уже связным партизанского штаба уезда, потом его взяли в батальон ополчения. Он все больше отдалялся от дома. Французы устроили в их округе «белую зону», понаставили всюду форты и заграждения, и ему очень редко удавалось повидаться с сестрой.

Никогда не забудет он ту декабрьскую ночь пятьдесят второго года. В непроглядной тьме под резким, холодным дождем перешел вброд речные протоки, глубокие и топкие, как болота. Когда пробрался наконец к своему дому, у него зуб на зуб не попадал от холода. Но дом был пуст. Он решил заглянуть к соседям. Старуха, приоткрыв дверь, посветила бамбуковой лучиной прямо ему в лицо и, узнав, вдруг заплакала навзрыд:

— Ох, какое у нас тяжкое горе!.. Самолеты налетели и убили из пулемета твою сестру!..

Поэтому в пятьдесят третьем, услышав, что его берут в ПВО, Дык ни о чем больше и не мечтал. Под Диен-биен-фу появились уже зенитные пушки и пулеметы, которые впервые дали отпор самолетам. Все говорили: «Ну, теперь и умирать не обидно!..»

А Дык с тех пор так и не разлучался с зенитками: сперва — служба на батарее, потом — артучилище. Теперь он командует ротой. И в небе снова вражеские самолеты — американские!..

Приближалась новая группа реактивщиков. Они не пошли прямо на зенитные позиции, а широкими кругами стали уходить к югу. «Хотят зайти со стороны солнца», — подумал Дык.

Тут же, словно отвечая его мыслям, раздался голос связного, слушавшего КП группы.

— Приготовиться к заходу с запада... Цель — четыре головных Ф-105!..

— Рота, внимание!.. Цель — четыре головные машины!.. — выкрикнул Тхо слова команды.

— Товарищи! Спокойнее, не горячитесь... Цельтесь получше! — Политрук Хюен говорил с солдатами так, словно они были охотниками, обложившими матерого зверя.

Поблескивающие стволы зениток быстро поднялись к небу. От рева самолетов дрожала земля. Кан, глядя в окуляры дальномера, выкрикивал:

— Четыре тысячи... шестьсот!.. Четыре тысячи... двести!.. Три тысячи... девятьсот!..

Они шли прямо на батареи! Дык увидел, как первый самолет лег на крыло и понесся к земле.

Ухнули пушки, изрыгнув длинные языки пламени. Метнувшийся в стороны воздух рванул накидки из парашютной ткани за плечами бойцов.

Самолет, сбросив бомбы, задрал нос кверху, уходя от повисших вокруг разрывов.

— Что, сволочь, не выдержал?! — закричал Дык.

Бомбы, реевшие, как сирены, взорвались за его спиной, где-то в поле.

Следующий самолет, оглушительно воя, вошел в пике. Земля на позициях содрогнулась от взрывов. На этот раз бомбы упали неподалеку, рядом с дорогой; осколки застучали по густым веткам сандалов. В тучах дыма и пыли красными сполохами вспыхивали залпы зениток...

— Молодцы, ребята! Отлично стреляли!.. Спокойнее, сейчас будет новый заход... Наводить как можно тщательней! — Голос Хюйена — самого его не было видно в густом дыму — звучал неторопливо и спокойно.

Два самолета, поднявшись повыше, описывали круг в небе.

— Эти двое с перепугу побросали бомбы куда попало!

Суан присел рядом с Дыком на бруствер и протянул ему сигарету. Оказалось, что у них нет спичек.

— Они сейчас отвлекают наше внимание. — продолжал Суан, — их цель — «единица» и мост.

Кан бросил им из своего окопа коробку спичек. Они прикурили и стали наблюдать за тем, что происходило у моста.

Один из самолетов начал пикировать на мост примерно с пятнадцати тысяч метров. От него отделилась огненно-красная искра, за которой потянулся хвост белого дыма.

— Бьет ракетами, гад!

Самолет продолжал пикировать на мост, направляя полет ракеты. «Единица» открыла огонь. С другого берега реки тоже заговорили пушки. Темный силуэт самолета неотступно преследовали белые дымки разрывов. Вокруг сетью сплетались красноватые линии трассирующих снарядов.

Пилот не выдержал и круто взмыл вверх. Над рекой взметнулся высоко к небу гигантский белый фонтан. Ракета упала в воду! Дык и Суан ясно видели, как на речной глади заблестели под солнцем волны.

Следующий Ф-105 спикировал на мост, за ним — еще один... Рвались бомбы, грохотали пушки, ходуном ходила земля. Черный дым, поднимавшийся над воронками, смешался с пороховой гарью и затянул весь берег. В бамбуковых зарослях и в кронах деревьев металась и тревожно кричала птицы.

Бой у моста становился все ожесточеннее. Разрывы и выстрелы слились в сплошной, непрерывный грохот. У Дыка, смотревшего, как «единица» стеной огня встречает каждую вражескую машину, от напряженного ожидания гулко колотилось сердце. Он поднял руку и показал комиссару на мост.

— Обратите внимание, со стороны высоты «сто двадцать» наши позиции совершенно открыты. Противник все время заходит именно оттуда. Надо заткнуть эту дыру!

Суан вскочил и, подбежав к одному из наблюдателей, выхватил у него бинокль. Дык встал на бруствер.

Огромный столб черного дыма, крутясь, поднялся прямо над расположением «единицы»; рядом появился еще один. Огонь зениток сразу ослабел, выстрелы раздавались все реже. Судя по звуку, действовали всего два или три орудия. Гнев стиснул Дыку горло: «Все из-за того, что до сегодняшнего дня так и не сменили позиций!.. Мы здесь на отшибе, можем только глазами хлопать!..»

Самолеты, звено за звеном, отбомбившись, уходили в сторону моря. На смену им шла вторая волна.

Суан протянул бинокль Дыку:

— Мост цел! Ну, ладно, я подъеду в первую роту, погляжу, как у них там дела.

Дык не решился возразить комиссару, но в душе встревожился: шутка ли — тащиться по этой дороге под бомбами...

— Надо усилить наблюдение, — продолжал Суан, — чтобы они не проскользнули с тыла!..

Через несколько секунд Дык увидел, как «газик» комиссара петлял по дороге между полями.

Шестнадцать «мухобоек» шли прямо к мосту. Первое звено снизилось и сбросило бомбы на позиции зенитчиков, прикрывавших мост.

«Они решили раздавить «единицу»!» — пронеслось в мозгу у Дыка.

«Газик» мчался по большаку, прижимаясь к зарослям филоа{26}.

«Единица» все-таки продолжала огонь. Дык прислушался, выстрелы стали более частыми. «Так и есть... три орудия... четыре... теперь — пятое... и шестое... Молодцы, ребята!..»

«Газик» проскочил последний участок мощеной дороги перед мостом и остановился, свернув в засеянное бататами поле у самой реки. Дык хорошо видел в бинокль, как комиссар бежит по полю, но вот он исчез в облаке дыма.

«Мухобойки» непрерывно снижались и подымались, вися над мостом. Снова огромными черными грибами встали фонтаны взрывов. Мост заволокло дымом.

— Один готов! — крикнул вдруг Хюйен, стоявший рядом с Дыком.

— Горит!.. — закричали бойцы.

— Горит, сволочь!..

— Смотри, дым так и прет!..

Самолет пытался набрать высоту, волоча за собой длинный черный шлейф. Потом начал полого спускаться к морю.

Когда все смолкло, в ушах у Дыка долго еще отдавался грохот боя.

Над рекой в расплывающемся черном дыму забелело бетонное тело моста. Его хорошо было видно в бинокль. Мост совершенно не пострадал, хотя поля и дорога рядом были перепаханы бомбами, а деревья — начисто сбриты взрывами.

VII

Суан, спрыгнув с машины, бежал через поле, затянутое пеленой дыма. Несколько женщин-ополченок тоже бежали на позиции «единицы», громко крича что-то. Одну Суан успел разглядеть: сжимая винтовку, она оборачивалась назад и махала рукой подругам, тащившим бамбуковые носилки. Следом торопилась женщина с сумкой на боку. Потом дым, стлавшийся по ветру, закрыл все вокруг.

Не пройдя и ста шагов, Суан остановился на краю огромной воронки. Огибая ее, он свернул вбок и взобрался на груды выброшенной взрывом земли. Вдруг она с шумом поползла у него из-под ног. Он побежал, увязая в дымящейся рыхлой земле.

Неожиданно Суан почувствовал, что проваливается куда-то, и, не успев еще толком понять, что произошло, очутился на дне воронки. Сверху, вдавливая его в землю, обрушился тяжелый рев реактивных турбин. Самолет пикировал прямо на него. Суан, прижавшись к обожженным глыбам земли, смотрел, сощутив глаза, вверх, откуда неслись, казалось, направленные ему в грудь струи трассирующих пуль.

Самолет промчался мимо. Суан смахнул с лица комья грязи. Земля набилась ему в рот. Бешено колотилось сердце. Тело налилось тяжестью, которая словно приковала его ко дну воронки. «Что это — страх?..» Вдруг почудилось, что он снова видит маленькие фигурки женщин, бегущих среди столбов черно-рыжего дыма.

Он поднялся и пополз вверх по скату воронки, перевалился через край, встал и побежал напрямик через поле — туда, где за густыми клубами дыма полыхали вспышки оружейных залпов...

«Наконец-то!» Суан различил силуэты пушек. Он принялся считать, сколько орудий ведут бой: «Одно... второе... третье... четвертое... пятое... Отлично! Почти вся огневая мощь роты!»

Грохот разрывов, гром канонады, вой бомб и рев реактивных моторов рвали воздух в клочья.

Суан замедлил шаг и огляделся.

Бомба, упавшая рядом с оружейным окопом, разметала бруствер и перевернула пушку. В окопе сидели и лежали раненые. Наклоняясь то к одному, то к другому, перебегала женщина с медицинской сумкой на боку.

Вторая бомба завалила траншею прямо перед КП роты, где сидели связисты. Бойцы вытаскивали засыпанных землей товарищей.

Около траншеи командир роты Шон невозмутимо взмахивал флажком, указывая цели. Возле него, поддерживая руками трубы дальномера, стоял наблюдатель и, не отрываясь от окуляров, следил за самолетами. Он был ранен в голову, и кровь багровыми кругами расплывалась по его рубахе.

«А где Тхань? — подумал Суан? — Почему не видно политрука?.. Может быть, ранен?..»

Красный флажок в руке Шона прочертил резкую дугу.

Огонь!..

Огонь!..

Огонь!..

Пушки, сотрясая землю, выплевывали снаряды навстречу двум «мухобойкам», снижавшимся над мостом. В орудийных гнездах вокруг лафетов поблескивали сотни разбросанных медных гильз.

Лица солдат с воспаленными, красными глазами почернели от порохового дыма. Для них не существовало сейчас ничего, кроме распарывавших небо реактивных машин. Люди оступались, падали и поднимались снова, не сводя глаз с самолетов, не замечая глины и сажи на гимнастерках, не обращая внимания на раны и ссадины, на кровь, которая, смешавшись с землей, бурой коркой запекалась на руках и на лицах и темными пятнами, вместе с потом и грязью, расплзлась по одежде. Они слились в единое целое со своими пушками, посылая в небо снаряд за снарядом...

Самолеты поодиночке и по два стремительно уходили вдаль.

Девушки-ополченки из меддружины, перебежав через поле, рассыпались по позициям. Несколько человек с бамбуковыми носилками сразу побежали к перевернутому орудью. По полю спешила еще одна группа ополченцев — мужчины и женщины.

Комиссар подошел к Шону. Почему-то сейчас особенно бросалось в глаза, что ротный совсем молод. Шон потерял где-то свой шлем,

гимнастерка его была разорвана в клочья и вся залеплена грязью, волосы, ресницы и брови стали серыми от песка и пыли. Он выплевывал набившийся в рот песок.

Суан понял, что Шон тоже был засыпан взрывом в траншее.

Увидев комиссара, Шон широко улыбнулся.

— Где Тхань? — спросил Суан.

— Он во время боя был у третьего орудия. Наверно, еще там. — Шон мотнул подбородком в сторону перевернутой пушки.

В траншее, наполовину закаленный землей, сидел телефонист, прижимая к груди аппарат.

— Ну как, есть связь с КП группы?

— Товарищ Шон, где-то на линии разрыв. Разрешите, я пойду и исправлю?

— Хорошо, идите. Только осторожнее! И побыстрее!..

Самолеты возвращались обратно. Шон вскочил на грудку земли около воронки и, взмахнув флажком, закричал:

— Рота! Внимание!.. Вести огонь залпами!

На этот раз самолеты заходили прямо на мост. Один за другим они разворачивались со стороны солнца и, отбомбившись, уходили на восток, к морю. Но огонь «единицы» и соседей с той стороны реки каждый раз смертоносным острием вонзался в небо на их пути. И они сворачивали в сторону, сбрасывая бомбы куда попало.

Зенитчики, видя эффективность своего огня, стали действовать слаженней и точнее. Один из самолетов загорелся и стал уходить, набирая высоту.

Трое тяжелораненых лежали на земле, залитой кровью. Среди них был ротный фельдшер; у него была перебита нога, он бредил. Рядом с ним лежала на земле медицинская сумка.

Суан, увидав женщин с носилками, крикнул:

— Сюда! Сюда, товарищи!

Дружинницы подбежали, с трудом переводя дух. Молоденькая девушка лет шестнадцати, наклонившись над раненым, начала делать перевязку.

Женщины выносили раненых. Суан провожал глазами каждые носилки.

Наблюдатель, стоявший рядом с Шоном, вдруг покачнулся и упал на землю. Суан подбежал к нему и, с трудом разжав его пальцы, осторожно взял дальномер. Лицо у парня совсем посерело, он потерял много крови. Он пошевелился, открыл глаза и, увидав комиссара, попытался приподняться, но снова рухнул прямо на руки Суану.

Дружинницы бросились к Суану, следом за ними торопился старик. Несколько пар рук подхватили раненого. Одна из женщин быстро перебинтовала ему голову. Старик, стоя подле нее, повторял:

— Дай-ка ему попить сладкой воды!.. Быстрее, быстрее! Натягивай бинт!..

Суан отыскал Тханя в землянке рядом с разбитым орудием. Одна рука его была перевязана и притянута бинтами к боку. Он сидел, прислонившись к плетеной стенке.

Рядом с политруком лежал раненый солдат, накрытый по грудь окровавленным одеялом. Он был очень плох. Около него сидела женщина; в одной руке она держала шприц, в другой — блестящее металлическое блюдце с разноцветными ампулами.

Подойдя поближе, Суан узнал Литя. При виде комиссара Тхань привстал. Суан хотел заговорить с ним, но, бросив взгляд на солдата, промолчал и опустился на циновку.

Лицо солдата, по-мальчишечьи округлое, было прозрачно как воск и с каждой секундой становилось все бледнее. Черная прядь волос,

упавшая на лоб, слиплась от пота. Длинные ресницы стали неподвижны, побелевшие губы не шевелились. Жизнь заметна была лишь в слабом подрагивании ноздрей.

Лить не подняла головы. Пальцы ее лежали на запястье раненого, улавливая пульс. Комиссар и политрук ждали, что она скажет.

Снаружи умолкли пушки. Самолеты ушли. Издалека доносился голос Шона:

— Привести в порядок боекомплекты!.. Осмотреть орудия!.. Об окончании доложить!..

В землянке царило молчание. Лить, подняв голову, взглянула на офицеров. В широко раскрытых глазах ее застыли горечь и боль. Она снова нагнулась и, вытерев пот со лба раненого, тихонько окликнула его:

— Ну как, милый... Ты слышишь меня?..

— Дыонг!.. Товарищ Дыонг! — наклонившись, позвал Тхань.

Еле заметно дрогнули ресницы, потом медленно разжались веки...

— Дыонг, ты узнаешь меня? — спросил Тхань.

Раненый чуть пошире открыл глаза, как бы стараясь разглядеть нечто, стоящее прямо перед ним. Губы его шевельнулись, словно он хотел произнести что-то. Он вырвал руку из пальцев Лить, судорожно приподнял и вытянувшись, откинулся назад.

У Тханя покраснели глаза. Здоровой рукой он подтянул край одеяла и прикрыл им лицо солдата. «Дыонг!.. Какой же это Дыонг?!» — думал Суан.

Лить вышла из землянки и позвала женщин с носилками. Тхань решил, что они хотят унести умершего, но Лить сказала:

— Ложитесь, пожалуйста, на носилки! Вас доставят на медпункт. Вероятно, потребуется операция...

Тхань поднялся:

— Я дойду сам. Возьмите лучше тяжелораненых...

— Нет, сами вы не дойдете! — мягко, но решительно возразила Лить. — Ложитесь на носилки.

— Ничего не попишешь, — сказал Суан, — выполняй приказ фельдшера.

Он посторонился, пропуская Тханя в дверях.

— Товарищ комиссар, надо срочно назначить нового политрука.

— Ладно. Ты не волнуйся, погости у «медицины»!..

Тхань лег на носилки и снова обратился к комиссару:

— Да, нужно разыскать рюкзак Дыонга, а то еще пропадет... Отошлите семье... Когда разорвалась бомба, его ранило осколком в живот. Он упал, но тут же встал и бросился к орудию. Первый снаряд, которым рота ответила на бомбы, — это его снаряд...

— Хорошо. Я разыщу рюкзак и сам перешлю родным.

— И еще, надо сегодня же вечером обсудить новую систему огня. Хорошо бы поставить зенитные пулеметы на высоте «сто двадцать», чтобы закрыть путь самолетам.

— Не беспокойся, все будет в порядке... Скажи, пожалуйста, у вас в роте нет другого Дыонга?

— Нет, только один... был...

— Ну, пока... Поправляйся скорее.

Суан обошел расчеты и вернулся на КП роты. Шон разговаривал по телефону со штабом. Рядом стоял Хоа.

— Товарищ Шон, — сказал шофер, — комиссар пришел.

— Алло! Товарищ Мау, вы хотели говорить с комиссаром. Он только что вернулся.

Суан уселся на край окопа и взял трубку.

— Это ты, Мау? Да, говорит Суан... В общем, здесь все в порядке... Как там Фаунг?.. Уже прибыл?.. Ну и отлично. Я сейчас выезжаю к вам. Алло!.. Не понял?.. Так вот, передай в полк, что сегодня я не вернусь... Слушай, Мау, тот план... ну, семидневный, мы должны выполнить за эту ночь!.. Надо мобилизовать все силы!.. Позвони Виену, пусть соберет народ... Всех, кого только сможет... Да нет, задача вполне выполняема... И вот еще что, вызови Туана, политрука «четверки». Пусть перейдет пока сюда вместо Тханя.

Он положил трубку и повернулся к своему шоферу:

— Хоа, у меня к тебе просьба — сходи в третий расчет, найди там вещи рядового Дыонга и отнеси в машину.

— Дыонга! А... какого? — Хоа запнулся и посмотрел на комиссара.

— Да... Того самого. Ну, иди!

«Эх, жаль, опоздало письмо!» — подумал Суан и украдкой вытер глаза.

Опускался вечер. Ребята из интендантской команды на коромыслах притащили из деревни ужин.

Дружинницы уносили последнего раненого. Следом, с сумкой на боку, шла Лить.

— Вы куда, Лить? — окликнул ее Суан.

— На уездный медпункт. Ночью будем отправлять тяжелораненых в город.

— Если хотите, подождите меня немного. Я подвезу вас. Быстрее будете на месте.

— Конечно. Мне с вашей машиной просто везет!

Суан объяснил Шону, с кем из местных властей надо связаться по поводу похорон Дыонга, и напомнил, что завтра утром совещание в штабе группы.

Суан шагал по меже через поле, Лить шла за ним следом. Они молчали. Может быть, потому, что очень спешили, и было им не до разговоров. Но вот шаги за спиной Суана неожиданно затихли. Он оглянулся. Лить сидела на меже спиной к нему и плакала навзрыд, спрятав лицо в ладони. Суан постоял в нерешительности, потом подошел к ней.

— Что с вами, Лить?

— Мне жаль парнишку!.. Так жаль...

VIII

Кончился еще один день. И казалось, будто темнота вновь принесла сюда, где скрещивались дороги и реки, извечный спокойный ритм жизни.

В деревушках, под крышами из листьев запылал огонь в очагах — сегодня люди садились за трапезу позже обычного. А на реке матери, вместе с детьми прятавшиеся днем от бомбежек, купали своих малышей и стирали белье. Лодки, скрывавшиеся при дневном свете бог весть в каких протоках и заводях, заскользили по речной глади. Над ожившей рекой раздавались человеческие голоса и скрип весел.

Вдоль берега, на дороге, мощенной камнем, толпился народ. Особенно много людей было у въезда на мост. Лопатами, мотыгами, ломками они крошили и пересыпали землю; заваливая воронки.

Тяжело груженные автомашины с погашенными фарами, урча и переваливаясь на ухабах, ползли по только что восстановленной дороге; скрипели повозки, запряженные буйволами и лошадьми, но больше всего, пожалуй, было грузовых велосипедов.

Под покровом ночи обочинами большака и тропинками, вьющимися по межам через поля, шли и шли люди — мужчины и женщины, стар и

млад — они несли мотыги, лопаты, корзины и коромысла. Это крестьяне шли строить новые позиции для зенитчиков.

В шестой роте начался ужин. Ребята ели вяло, хотя Хюйен, обходя расчеты, уговаривал их поднатужиться и «полностью решить проблему вечернего рациона».

— Разве в такую жару много съешь? — отвечали солдаты. — Попьешь воды, а больше ничего и не надо!

Но дело было не в погоде и даже не в том; что солдаты устали. Хюйену и самому кусок не лез в горло. Перед глазами снова и снова вставали картины недавнего боя, огненные кусты взрывов и дым, крутящийся над воронками...

После ужина Дык приказал готовиться к земляным работам. Рота оживилась. Все были уверены, что новые позиции выгодней теперешних. Сегодня в течение дня ребята приглядывались к трассам американцев и решили, что высота, на которую им предстояло перебраться, — самый лучший огневой рубеж.

— Эх, — сокрушались они, — будь мы там, наверняка оципали бы несколько птичек!..

Едва стемнело, из деревни потянулись люди. И не сто пятьдесят человек, как днем обещал Дыку товарищ Тай, а человек пятьсот или шестьсот. Пришли и старики, и школьники вместе с учителем.

Тай торжественно явился на командный пункт с мотыгой на плече.

— Мы постановили, — объявил он, — чтобы солдаты сегодня не работали! Ребята дрались весь день, пускай отдохнут. У них еще все впереди!

— Но ведь...

— Это что же, такая тьма народу, как у нас, да не выроет пару окопов?! Между прочим, никого не пришлось уговаривать. Все пожелали идти — до последнего человека! Еле убедили остаться дома матерей с малыми детьми да самых древних старцев. Вон у

тетушки Бонг пятеро в семье — и все явились, да еще со своим инструментом. Так что вы уж лучше отпустите солдат искупаться. Потом им от кооператива суп принесут, а там, глядишь, и на покой. Пусть отоспят как следует! И завтра, в четыре утра, когда пушки станете перетягивать, нечего вам вызывать тягачи да грузовики — сами все сделаем; снаряды и прочий припас тоже перенесем. А солдаты на новое место пойдут налегке. Вы только командиров пришлите, чтоб объяснили, что к чему, как все сделать по науке.

Тай уламывал Дыка и Хюйена, пока те не согласились с ним.

— Ну вот, — сказал он, — теперь все как надо, по справедливости!

— Тхо, — приказал Дык, — возьмите людей и покажите товарищам, где и какие работы потребуются. Я уйду на совещание в штаб, оттуда — прямо к вам на строительство.

Хюйен собрал личный состав роты и рассказал про инициативу крестьян.

— Вот так обстоит дело! — сказал он в заключение. — Мы решили согласиться с их предложением. Нельзя отказываться от народной любви и щедрости.

— Зато уж мы завтра дадим янки спуститься пониже, — раздался из темноты чей-то молодой, звонкий голос, — и шарахнем прямо в брюхо.

— А если они в мост попадут? — возразил кто-то. — Надо и мост ведь сохранить в целости!

Тут все заговорили разом.

— Внимание, товарищи, — громко, перекрывая все голоса, сказал Хюйен, — сейчас в каждом расчете провести летучки. Пускай люди выступают с самокритикой: какие у нас в сегодняшнем бою были недостатки и какие успехи. Сделаем необходимые выводы и обсудим, как будем драться завтра. Затем — осмотр орудий и боекомплектов и подготовка техники к транспортировке. После чего расчеты купаются

поочередно. Сегодня всем лечь пораньше. Первое оружие — дежурное. Парторгам расчетов остаться. Остальным — разойтись!

* * *

Пока в подразделениях шли собрания, на КП боевой группы прибыли командиры рот. Они рассаживались в небольшой, крытой листьями землянке. Посредине на развернутой тактической карте стоял фонарь. Рядом непрерывно звонил телефон: подразделения докладывали о готовности к переброске, советовались, излагали свои просьбы.

Суан сидел молча. У его ног лежал зеленый рюкзак, на ротором химическим карандашом было выведено: «Чан Ван Дыонг I».

Слушая выступающих, он осторожно развязал рюкзак. Сердце его сжалось, он вспомнил вдруг, как Лить говорила сквозь слезы: «Мне жаль парнишку!.. Так жаль...» В рюкзаке лежали аккуратно сложенная противомоскитная сетка, одеяло и комплект обмундирования, выстиранный и тщательно отглаженный, сумка с принадлежностями для умывания, записная книжка и маленькая квадратная коробочка из благовонного дерева, на крышке которой был приклеен листок бумаги с надписью: «Мама, посылаю Вам в подарок эту шкатулку, чтоб Вы в ней держали бетель». На самом дне оказалась бамбуковая свирель и палочки для еды, искусно вырезанные из красивого, похожего на слоновую кость бамбука, что растет на западе. Они были обернуты полоской бумаги, на ней виднелись какие-то буквы. Суан прочитал на свету: «Лиен, моей любимой...» Фонарь закачался и уплыл куда-то вдаль. Перед глазами Суана возникло лукавое личико девушки, приходившей в политотдел полка. Она зарделась тогда от смущения, объясняя, что разыскивает Дыонга, своего земляка... Наверно, это была Лиен... Суан старательно увязал рюкзак и прислонил его к стене.

Начальник штаба Зиак водил карандашом по карте с красными пометками.

— Позиции, которые строит «шестерка» на этой высоте, дают возможность эффективно выполнить поставленную задачу: прикрыть огнем мост и лесопилку. На другом берегу реки следует подготовить новые позиции — вот здесь.., и тут. Завтра утром еще одна рота будет

переброшена ближе к берегу, это позволит сконцентрировать огонь. Что касается «единицы», то я предлагаю передвинуть ее на позиции, которые строит шестая рота, а к мосту переставить «шестерку». В первой роте есть потери и выведено из строя одно орудие, «шестерка» же в последнее время была на более спокойном участке. Я думаю, такая замена правильна.

Мау, который все время сидел опустив голову, поднял глаза на Шона:

— А вы что думаете об этом?

Несколько секунд длилось молчание. Шон сидел, поджав ноги, в углу, и шедший снизу, от фонаря, свет резко очерчивал его лицо.

— Ну что ж, — произнес наконец Шон, — если будет приказ о переброске, мы его выполним. Но у нас в роте есть другое мнение.

— Изложите толком, какое мнение?

— Мы хотим остаться на старом месте у моста. Предлагаем только командованию перевести одно из подразделений на высоту «сто двадцать».

— О высоте «сто. двадцать» разговор еще впереди. Давайте решим первый вопрос. Мау повернулся к Фаунгу.

— По-моему, «единица» вполне боеспособна, — сказал замполит группы. — Пускай она остается около моста, ребята справятся!

Фаунг улыбнулся и поглядел на начштаба, словно говоря: «Соглашайся же. Будь спокоен, ничего не случится!»

— Я согласен с товарищем Фаунгом, — кивнул Мау. — Оставим первую роту у моста, надо им только перейти на запасные позиции.

Все ждали, что скажет комиссар.

— Ребята из первой роты дрались у моста не на жизнь, а насмерть, — заговорил Суан. — К позиции этой они привыкли. Там полегли их товарищи, и бойцы хотят отомстить за них. В другой роте, может, и личный состав укомплектован, и все орудия в строю, а передвинь мы

ее к мосту, она не покажет себя в бою так, как «единица». Думаю, правильно будет оставить «единицу» около моста, верю, что первая рота выполнит свой долг с честью. Да почему бы вам не выделить им одну пушку?

— Шестая рота просит разрешения отдать один расчет в распоряжение товарища Шона.

— Спасибо! Спасибо, товарищи! Шон улыбнулся и крепко пожал руку Дыку, Все заговорили разом.

— Товарищи!.. Товарищи!.. — Мау поднял руку. — Переходим к вопросу о высоте «сто двадцать»... Поставить там пушки очень сложно. Вершина заострена, на ней нет площадки. Можно было бы установить тяжелые пулеметы — не больше взвода. Только вот дадут ли нам пулеметы и успеем ли за ночь оборудовать для них огневые рубежи? Ваше мнение, Фаунг?

— Я сегодня днем осматривал высоту. Почва там каменистая, много скал; рыть окопы будет нелегко. Да и с доставкой туда техники тоже хлебнем горя — склоны крутые, сплошь заросшие колючим кустарником. Но общинный комитет и партбюро лесхоза твердо обещали прорубить дорогу для пулеметов. Товарищ Виен сейчас как раз там, на Дровяной пристани, мобилизует в помощь нам население.

— Что касается пулеметов, — взял слово Зиак, — то я звонил в штаб полка и просил сегодня ночью прислать нам пулеметный взвод. Но Хынг еще не дал ответа. Да если он и согласится, пулеметы, наверно, придут только к завтрашнему утру. Поэтому я предлагаю собрать имеющиеся у нас в ротках четыре пулемета и прямо сейчас отправить их вместе с расчетами к Дровяной пристани. Выделим их в отдельный взвод, командование можно будет поручить товарищу Хаю.

— Ну что ж, ясно, — улыбнулся Мау, — как, товарищи, все согласны с начштаба? Теперь самое главное — вовремя закончить позиции! Что там у них слышно?

— Сейчас позвоню в роты.

Фаунг поднялся и вышел в соседнюю землянку, где стоял телефон.

— Рассмотрим, товарищи, новую систему огня, — сказал Мау, наклоняясь над картой.

Вдруг в дверях показалась голова телефониста:

— Разрешите доложить, комиссара вызывает штаб полка!

Суан подошел к телефону. На другом конце провода Хынг, командир полка, разговаривал с кем-то.

— Алло! — крикнул в трубку комиссар. — Это я — Суан!.. Хынг, ну как там у вас дела?

— Да как всегда, ничего замечательного.» Даже издалека слышно было, как Хынг смеется.

— Все время разведчики крутятся, — продолжал он, — Рыскали до темноты, искали радары.

— Ты знаешь уже здешнюю обстановку?

— Да, Мау докладывал мне... Слушай, Суан, я приказал подбросить вам снарядов. Согласен немедленно выслать и пулеметный взвод. Автоколонна будет у вас не позднее трех часов утра... И каски тоже доставят!..

— Отлично! У тебя есть какие-нибудь дополнительные соображения насчет завтрашних планов?

— Да нет, ты, если что, сам все решай на месте. Надо только не прекращать ночью наблюдения за воздухом. И пусть солдаты обязательно выспятся. Я думаю, не меньше половины личного состава может отдыхать. Как ты считаешь?.. А ты что, сегодня не вернешься?

— Нет еще.

— Послушай, из округа сообщили, что в вашем секторе сбито два самолета. Один загорелся и упал здесь, прямо около города, второй свалился в море. Летчик выбросился с парашютом... Ты сообщи

ребятам, это их воодушевит, А тебе завтра надо возвращаться, послезавтра утром совещание в штабе округа.

— Ладно, завтра вечером буду.

— Да, знаешь, тебя здесь дочка разыскивает.

— Май?.. Она там, у тебя?.. Что-нибудь случилось?

— Нет, все в порядке. По-моему, она собирается вступить в ударную молодежную бригаду и хочет с тобой посоветоваться. Сегодня утром приехала на велосипеде из Ханоя в штаб округа. Чи хотел оставить ее у себя, говорил, что послезавтра совещание, и она с тобой увидится. Но Май, оказывается, срочно ищет тебя, завтра утром она должна возвращаться. Она добралась сюда после обеда, я сказал ей, чтобы ехала к вам с автоколонной. Совсем стала взрослая, я даже не сразу ее узнал.

Суан усмехнулся: «Ну-ну, девчонка с норовом! Если уж что задумает, все равно своего добьется... Шутка ли — от самого Ханоя на велосипеде!.. Ведь это не одна сотня верст. Интересно, сколько ночей она добиралась? Значит, решила бросить школу и идти в ударную бригаду?..»

* * *

Янки опять развесили осветительные ракеты над шоссе. Всякий раз, когда в небе загоралась ракета, видно было, что на вершине холма и вокруг, на полях, собралось множество народа.

Стучали мотыги и лопаты. Нескончаемой вереницей тащили люди на коромыслах корзины с землей. Издали они напоминали гигантских муравьев. Звенели топоры и пилы; это рабочие с лесопилки валили закрывавшие обзор деревья. Время от времени раздавался крик: «Берегись!» — и тяжелый, массивный ствол с треском обрушивался на землю.

Часов до десяти вечера подходил народ из дальних деревень.

Как и на любой стройке, здесь больше всего было молодых женщин и девчат. Коромысла поскрипывали у них на плечах, платья на спинах взмокли от пота. Они поднимались цепочкой друг за дружкой на вершину холма, высыпали рыхлую землю около будущих оружейных гнезд и, не останавливаясь, спускались обратно с пустыми корзинами. Так они шли и шли, перебрасываясь шутками и звонко смеясь. Испокон века земледельцы и пахари Вьетнама перетаскивали на своих плечах землю, возводя огромные плотины, прокладывая каналы, по которым текла в долины живительная влага. И теперь дочери их несут на коромыслах землю и камни, укладывая фундаменты фабрик, насыпая дороги и дамбы, а сегодня — и брустверы окопов, чтобы помочь солдатам, защищающим от врага родное небо...

Улыбаясь, Дык глядел вслед девушкам, заторопившимся вниз по склону холма. Он вспомнил работниц из авторемонтного цеха. Они были вот такие же веселые и смешливые.

Когда он впервые пришел на работу к Нга, она пригласила его в общежитие. Их бригада — сплошь молодые девчата — занимала отдельную комнату. Пожалуй, «комната» в этом случае звучит слишком громко: ведь вместо стен там были просто плетеные перегородки. Кровати с тумбочками у изголовья похожи были одна на другую, как близнецы. Зато кусок стены над кроватью каждая украсила на свой вкус: одна — фотографиями певцов и киноактеров, другая — зеркалом с голубками, третья — полочкой с книгами или веткой бумажных цветов. Все вещи, казалось бы, самые обычные, но почему-то при виде их становилось ясно, что работницы, живущие здесь, — не замужем... Дык, войдя в «комнату» следом за Нга, ужасно смутился. А подружки ее знай поглядывали на него да улыбались. Но, в общем, они были девчонки что надо! В обед принесли Дыку и Нга поесть, потом испарились куда-то, оставив их наедине. Вернулись перед самым началом смены и еще притащили для Дыка целую миску сладкого горохового супа. Угощая его, они умудрились в мгновение ока натянуть синие робы, потом нахлобучили кепи и убежали...

Может, сейчас и подружки Нга вот так же роют землю, таскают корзины и насыпают брустверы где-нибудь на зенитных позициях близ Хайфона...

Неожиданно вспыхнувший в вышине свет выхватил из темноты вокруг Дыка груды земли, кустарники и человеческие лица. Самолеты, поставив гроздь осветительных ракет, кружили над рекой. Люди на несколько минут замерли, вглядываясь в небо.

— Здорово! Они решили посветить, чтоб нам веселее было работать.

— Сами янки нам помогают!

— А что, горит неплохо! Хорошо бы, везде устроили такое освещение!..

Самолеты, сделав несколько кругов, ушли. Ракеты медленно опускались на парашютах куда-то в поле.

«Пора возвращаться, — подумал Дык. — Вдруг объявят тревогу, отсюда не добежишь до позиции».

Он подозвал офицеров из своей роты. Они спустились с холма и быстро зашагали через поле.

IX

В три часа утра пришла автоколонна из полковых тылов. Суан, ездивший проверять, как идут работы на высоте «сто двадцать» и артпозициях на другой стороне реки, задремал. Хоа разбудил его, и Суан сразу услышал доносившийся с большака гул автомобильных моторов.

Зиак с несколькими офицерами штаба дожидался у обочины, чтобы вместе встретить колонну. По кочковатой, неровной дороге они проехали до перекрестка. Там, у реки, прижавшись к стволам фыонгов, кроны которых чернели в мутном свете луны, стояли грузовики автоколонны. На дороге возле головной машины несколько солдат и офицеров раскуривали сигареты.

Зиак, не дожидаясь, пока «газик» остановится, прыгнул на землю и крикнул:

— Где товарищ Дон?!

— Я здесь!

Откуда-то из середины колонны, громко топая ботинками по дороге, подбежал офицер.

— Товарищ начальник штаба, разрешите доложить: автоколонна прибыла в полном составе.

— Пулеметный взвод с вами?

— Так точно. Вон их машины.

Послышался приближающийся гул самолета. Дон обернулся и закричал:

— Эй вы, курильщики! Кончайте иллюминацию!.. Вызовите кто-нибудь командира пулеметного взвода!

— Пускай весь взвод подъезжает! — крикнул Зиак вдогонку отделившемуся от группы человеку.

Дон узнал комиссара, стоявшего позади Зиака.

— О-о, здравствуйте, товарищ Суан! Разрешите доложить: Май, дочка ваша, в хвосте колонны.

— Она вас не обременила?

— Да нет, что вы! Очень веселая и компанейская девушка.

— Много по пути осветительных ракет?

— Верите, товарищ комиссар, как стемнело, все время самолеты прямо висели над головой. Мы бы добрались гораздо раньше, если бы не приходилось то и дело останавливаться и маскировать грузовики.

Из хвоста колонны донесся шум моторов, потом показались автомобили, прикрытые ветками, в кузовах виднелись силуэты солдат в касках.

Офицеры посторонились. Машины, проскочив по большаку, резко затормозили одна за другой. Двигатели продолжали работать,

водители ждали приказа трогаться дальше. Из первой машины прыгнул на дорогу командир взвода и побежал к Зиаку с докладом.

— Так, значит, пулеметы прибыли, — сказал начштаба. — Прекрасно! Вот лейтенант проводит ваш взвод на ту сторону реки, прямо на позицию. Прибыв на место, разыщите немедленно товарища Фаунга, он поставит вам боевую задачу. Поезжайте сейчас же, времени в обрез. Все ясно?

— Так точно.

Командир взвода козырнул и вместе с одним из штабных офицеров побежал обратно.

— Теперь, — сказал Зиак, — прошу вас, товарищ Дон, помочь мне принять груз. Давайте разберемся, что вы нам привезли.

Они уселись на обочине. Машины пулеметного взвода, включив газ, стремительно рванулись с места.

* * *

Суан шел вдоль колонны, разыскивая дочь. В ночном небе гудели самолеты. Шоферы кучками сидели и лежали в стороне, под деревьями: некоторые уже похрапывали.

«Кажется, она!..» Позади одного из грузовиков Суан увидел маленькую фигурку в пробковом шлеме, с рюкзаком за спиной; обеими руками она принимала от человека, стоявшего в кузове, велосипед. Суан ускорил шаг.

— Май, это ты?

— Папа!

От звука ее голоса сердце у него радостно забилося.

— Давай я помогу тебе!

Он подхватил велосипед и поставил на землю. Май, задрав голову, сказала солдату:

— Большое вам спасибо.

— Ну что, дочка, багаж весь?

— Да, все! У меня ничего и не было, кроме рюкзака.

— Вы когда собираетесь обратно? — спросил солдат. — А то можем вас завтра вечером прихватить.

— Да нет, я сегодня же утром назад. Всего доброго!.. Я сама, отец... — Она взяла за руль велосипед и повела его по дороге.

— Это чудесно, что ты меня отыскала! Наверно, нелегко было, а?

Май засмеялась.

Далеко, в голове колонны, слышался голос Дона:

— Машина номер три, отъезжайте!.. Машина номер три...

Над противоположным берегом реки вспыхнула ракета.

— Сойдем-ка лучше с шоссе; пускай пройдут машины. Ты не устала?

— Вот еще! Я всю дорогу проспала. Когда надо было бежать в укрытие, солдаты еле меня добудились.

Они зашагали по обочине. Мимо проносились грузовики, обвешанные ветками. Поднятая колесами пыль медленно оседала в неровном свете ракет.

* * *

Хоа высадил комиссара с дочерью около КП группы и, развернувшись, уехал за Зиаком.

Суан зажег фонарь в пустовавшей сегодня землянке Фаунга и сказал:

— Там, в саду, под бананами — бочка с водой. Сходи умойся!

Хорошо еще, осталось немного хлеба и конфет, что Виен дал ему сегодня на пристани. Суан отыскал плоскую металлическую тарелку и

разложил на ней угощение. Потом достал термос и пачку чая — собственность Фаунга — и заварил в кружке чай. Он сел вместе с дочкой около фонаря и, помолчав, сказал:

— Ешь. Наверно, проголодалась?

За то время, что они не виделись, Май коротко остригла волосы, и загоревшее лицо ее казалось незнакомым и как-то сразу повзрослевшим.

Ела она с аппетитом, неторопливо и без умолку болтала.

— Пришлось выдержать настоящий бой, пока меня согласились отпустить к тебе. Твой командир Хынг и еще Чи хотели, чтобы я осталась у них. Но у меня времени нет! Я им так и объяснила. Я б и сама погостила у вас, очень уж хочется поглядеть, как работают зенитки, только вот некогда. Вообще-то я сегодня уже повоевала! Да ты не смотри на меня так: я подносила снаряды очень осторожно. И еще я гуляла на свадьбе — в деревне, рядом с вашими пушками. Тут самолеты летают, а они идут себе встречать невесту — целых восемнадцать велосипедов! Честное слово, восемнадцать!..

Суан улыбался, глядя на дочь. Он не видел ее после Тета{27}, с тех пор прошло почти полгода. Ему даже не верилось, что у него уже такая большая и красивая дочь! Он рассматривал ее прическу, платье цвета осенних листьев и удивлялся, как она выросла. Брови у нее длинные, выгнутые и глаза большие — точь-в-точь, как у матери; но рот красивее, да и выражение лица совсем другое — лукавое и веселое.

— А я думал, ты побудешь у меня день-два.

— Не могу. Двадцатого числа я должна уже быть на сборном пункте в Ханое и оттуда — сразу в путь! Потом я обещала Минь завезти по дороге ее письмо и подарок для мамы. Она родилась тут поблизости. Хотела съездить вместе со мной, но не смогла. Мне надо завтра выехать пораньше, иначе не успею.

Май поглядела на отца, словно прося у него прощения, и глаза ее стали совсем печальными.

— Ничего, — успокоил ее Суан, — главное — мы с тобой повидались. Сказать по правде, если б ты и осталась, у меня все равно, наверно, не было бы времени побыть с тобой... Ты что, решила вступить в молодежную бригаду?

— Да. Я еще послала заявление Фронту национального освобождения с просьбой направить меня добровольцем на Юг; написала, что согласна на любую работу. Конечно, я знаю, дело это нелегкое... Правда, папа, было бы здорово пойти воевать на Юг?

— Мы здесь тоже деремся с американцами.

— Ну, там куда интересней!

Суан взглянул ей в лицо. Веселые и озорные глаза ее смотрели твердо и прямо.

— Спасибо, я уже наелась! — Она засмеялась, отодвигая тарелку, и Суану показалось, будто из глаз ее брызнули яркие искорки. — Наша бригада уезжает очень скоро. Я думала написать тебе, но ты не успел бы получить письмо до моего отъезда. И я решила, что ты не рассердишься, если я прикачу сюда на велосипеде. А то неизвестно, когда еще мы с тобой повидаемся!

Май наклонила голову и взяла отца за руку.

— Мне и у нас в бюро Союза трудящейся молодежи пришлось повоевать! Они настаивали, чтобы я училась дальше. А один так даже сказал, что девушки на трудфронте совсем не нужны. Им, видишь ли, только парней подавай! Чепуха какая-то! Чем, спрашивается, парни лучше нас? Еще неизвестно, кто смелее, а уж трудности всякие женщина всегда переносит легче! Потом они говорили еще, что я у тебя — одна, и поэтому ты меня не отпустишь. Прямо всю душу вымотали! Они, понимаешь, лучше тебя знают, чем я! Но в конце концов они сдались... А что им еще оставалось делать?! Я бы все равно на своем настояла. Знаешь, я очень рада, только вот тебя жалко! Останешься ты у меня совсем один, некому будет о тебе позаботиться.

Она отвернулась, пряча заблестевшие на глазах слезы.

— Молодец! Характером вся в меня!

Суан засмеялся. Но в глубине души он думал, что пройдут, может быть, годы, пока он увидится с дочерью.

Май вытерла глаза рукавом.

— Да я и когда училась, все равно жила далеко и почти ничего для тебя не делала. Раньше я сама мало что умела, а теперь вот могла бы за тобой ухаживать, да ухожу на фронт. — Слезы потекли у нее по щекам. — Но я решила, куда бы нас ни забросило, раз в неделю во что бы то ни стало посылать тебе письмо. И учебу я тоже не брошу. Возьму с собой учебники и все свободное время буду заниматься. А когда выгоним американцев, пойду учиться дальше и постараюсь стать ученым... Ну как, ты согласен?

Суан кивнул головой.

— Я во всем согласен с вами, товарищ Май... Вы уже знаете, куда вас пошлют?

— Еще не знаю, папа, — улыбнулась она, — но, наверно, куда-нибудь далеко. Одних посылают на север, во Вьет-бак{28}, других — на запад, а кого — и сюда, к вам. Хорошо бы, конечно, чтоб недалеко от тебя, Но я готова идти в любое место, куда призовет партия!

Они помолчали. Послышался гул самолета. Суан прикрутил фитиль в фонаре.

— Папа, а знаешь, Винь — я тебе про него говорила — оказывается, очень плохой человек.

— А в чем дело?

— Он, как услышал, что мы собираемся в молодежные бригады, стал меня отговаривать... «Не ходи, говорит, лучше поступай в институт. Надо, мол, учиться дальше...»

— Что ж, он, по-своему, прав. Кто-то ведь должен учиться. Стране нужны специалисты, а после войны их потребуется еще больше.

— Да нет! Это я и сама знаю! Если человек хочет учиться для блага родины — другое дело! А он говорил, что только дураки по собственной воле идут в джунгли, чтобы надрываться, прорубая дороги, и сложить голову под бомбами черт знает где, на чужбине.

— Тогда он действительно плохой человек.

— Узнав, что я все-таки ухожу, он опять заладил свое. А за день или два до того, как я поехала к тебе, он даже предложил выйти за него замуж и настаивал, чтобы мы расписались немедленно, потому что, мол, время военное. Он говорил, что я увлекаюсь романтикой и ничего не смыслю в жизни. У него-де и «высокий культурный уровень», и должность приличная, так почему бы мне его не полюбить? Он обещал сделать так, чтобы меня послали учиться за границу, убеждал, что я стану потом большим человеком... Подонок!

— Что ж ты раньше его так расхваливала?

— Он первое время очень хорошо ко мне относился, приносил книжки почитать, помогал всегда... Откуда я могла знать?!

Суан погладил дочь по голове и улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

— Раскусить человека — дело трудное. Но если сам ты честен и не кривишь душой, тогда легче поймешь и других. Раз уж мы заговорили об этом, я хочу кое-что сказать тебе. Ты теперь взрослая, тебе не раз еще встретятся молодые люди, которые будут говорить о любви. А придет время, ты и сама полюбишь. Постарайся, чтобы к чувствам твоим никогда не примешивался расчет, не наслаивалось ничего изменного, нечистоплотного. Можно, конечно, ошибиться, но нельзя лгать самому себе и другим. Нужно быть верным и честным до конца...

Они долго еще сидели и -разговаривали у фонаря. Наконец Суан встал.

— Ложись поспи. А я пойду на командный пункт, у меня дела.

Суан зашел в землянку связистов и вызвал по телефону Фаунга, чтобы узнать, как обстоят дела на высоте «сто двадцать». Оказалось,

что пулеметный взвод прибыл; сейчас заканчивают огневые позиции для пулеметов. Фаунг сообщил также, что на огневые рубежи у реки начали перетаскивать пушки. «Единица» перешла уже на запасные позиции. Шестая рота получает снаряды и каски, а потом тоже начнет переводить орудия.

* * *

Утро было облачное. Дул приятный прохладный ветер. Суан провожал дочь в обратный путь. Они шли напрямик по холмам, в обход моста. По обе стороны от тропы на траве поблескивали паутинки, в которых застряли радужные капли росы.

Май надела свой пробковый шлем и затянула ремешок под подбородком. На плечах у нее была зеленая накидка, на ногах сандалии из черной автомобильной резины. Блестящие никелированные части велосипеда были прикрыты зелеными ветками.

Суан и Май лишь изредка обменивались словами.

— Будь осторожна в пути, — сказал Суан. — Остерегайся самолетов. Сразу нажимай на педали, чтоб поскорее выехать из нашей зоны. По ту сторону перевала уже безопасно.

Май остановилась:

— Ну, ладно, отец, тебе пора возвращаться. У Суана сжалось сердце. Он сказал:

— Не забывай писать письма. А то ведь ты лентяйка известная...

Май взглянула на появившуюся в волосах у отца седину. Помедлив секунду, она тихонько спросила:

— Папа, ты что же, так и будешь всегда жить один?

— Ну и вопросы ты задаешь отцу! — усмехнулся Суан.

— Нет, я серьезно...

Суан стоял, глядя, как Май катит на велосипеде по склону холма, то исчезая за деревьями, то снова появляясь вдалеке. Она налегла на педали, зеленая накидка развевалась у нее за плечами. Выехав на шоссе, она остановилась, сняла шлем и помахала им над головой. Суан тоже помахал на прощание рукой. Май снова уселась на велосипед и вскоре скрылась за поворотом дороги...

Х

С автоколонной, доставившей ночью боеприпасы, Дык неожиданно получил письмо от Нга. Рано утром его разыскал Дон и, протянув конверт, сказал:

— Я встретил твою Нга в городе Тханьхоа. Она просила передать письмо прямо тебе в руки; изволь получить.

Нга писала:

«Любимый!

Мне улыбнулось счастье — я повстречала Дона и вот пишу тебе «молнией». И вообще мне кругом везет. Я нашла попутную машину, которая сегодня вечером идет отсюда прямо до Хайфона. Так что завтра я уже буду дома, и ты можешь не волноваться за меня. Собралась написать длинейшее письмо, потому что очень многое хотелось тебе сказать, а сейчас не знаю, что же писать дальше? Я до сих пор сама не своя, живу как во сне. Стоит закрыть глаза, и я сразу вижу тебя. Мечтаю снова побыть с тобой хоть одну минуту, просто сказать тебе: «Здравствуй, это — я!»

Разве не чудо, что мы с тобой встретились! Мы ведь родом из разных мест и никогда не видались прежде. Неужели было время, когда мы не знали друг друга? Самое дорогое у меня в жизни — это ты, и ты любишь меня. Ведь теперь я твоя жена. Когда разобьем американцев и снова настанет мир, я всегда буду рядом с тобой и постараюсь, чтобы у тебя была счастливая семья. Пускай мы сейчас в разлуке, но ты всегда со мной, всегда в моем сердце, и я тоже всегда с тобой.

Любимый, ты, наверно, сейчас очень занят — сколько тяжелых дел там у вас, на фронте! Обо мне не беспокойся и не скучай; просто, если

у тебя будет как-нибудь время, напиши мне несколько строк. Я желаю тебе доброго здоровья и хорошего настроения. Передай, пожалуйста, от меня привет Тхо и Хюйену. Я, правда, их никогда не видела, но ты столько про них рассказывал, что я их полюбила; и не только их, а всех, с кем ты каждый день вместе идешь в бой. Желаю вам сбить побольше американских самолетов!

Ну, прощай. Целую тебя. Вернусь домой, сразу же напишу, что нового в Хайфоне. Люблю тебя, целую еще тысячу раз! Твоя Нга».

Дык сложил конверт и спрятал в нагрудный карман; потом снова вытащил и перечитал письмо. «У меня тоже самое дорогое на свете — это ты... — думал Дык. — Спасибо, спасибо тебе, Нга! Ну, прощай, мне пора...»

* * *

Восемь часов... Девять... Все спокойно. На новых позициях «шестерки» тренируются расчеты. Стволы орудий поднимаются вверх, опускаются, поворачиваются из стороны в сторону вслед за деревянными моделями самолетов, насаженными на длинные шесты. Каждым таким шестом размахивает несколько человек, точь-в-точь как бумажным драконом на празднике.

— Отставить! — крикнул помощник ротного Тхо, поглядев на часы. — Личный состав может отдыхать!

Дык стоял возле пушки, расчетом которой командовал Лай. Солдаты прыгнули с вращающейся площадки лафета.

— Что-то «джонсонов» не видно, — сказал один. — Уж не случилось ли с ними чего?

— Просто вчера им здорово вмазали!

— Ребята, — ухмыльнулся Лай, — а ну как они прямо сейчас пожалуют!

— Очень даже свободно. Подойдут за облаками и атакуют, безо всяких там кругов и пируэтов.

Дык невольно посмотрел на небо, словно прикидывая, с какой стороны может появиться противник.

— Вы, Лай, должны дать самолету спуститься как можно ниже, — сказал он, — и тогда уж открывать огонь. Пусть остальные расчеты ведут огонь по-другому, пускай кругом вас рвутся бомбы, ваша задача — добиться попадания с первых же снарядов.

— Ясно!

— Ну что, Тат, слышал вчера, как пушки стреляют? Принял боевое крещение?

— Разрешите доложить, — улыбаясь, ответил новобранец с оспинами на лице, — на первых порах оно, конечно, чуть-чуть...

— Чуть-чуть страшновато, — договорил за него «писатель» Бинь.

Все расхохотались, а Тат договорил солидным баском:

— В общем, я теперь обстрелялся!

— Правильно, еще несколько налетов, и ты будешь настоящим ветераном.

Дык пошел на КП. «Писатель» продолжал подтрунивать над новобранцем:

— Да-а, Тат, тебя уже ротный хвалит — растешь на глазах!

— Он на вид злой, а сам-то очень добрый.

Этот глубокомысленный отзыв снова всех рассмешил.

* * *

Командир расчета Лай, конечно, не знал, долго ли продлится неожиданный отдых. Тем не менее он достал иголку с ниткой и, скинув гимнастерку, сел штопать ее прямо на краю окопа. Иногда он поднимал голову и рассматривал длинные, крытые листьями дома на берегу, рядом с лесопилкой. Каждый день работницы с лесопилки

приносили солдатам на коромыслах зеленый чай. Отсюда, с новых позиций, видно было, где они живут.

Интересно, который там дом Туйен? Лай запомнил ее, потому что девочка была очень похожа на его сестренку Хонг. Дома у них с Хонг была большая дружба; самая младшая в семье, она всегда чинила брату рубашки, гладила брюки и во всех семейных неурядицах держала его сторону...

Когда Лай в шестом классе бросил школу и пошел учиться на электрика, отец пришел в ярость.

— Ты бы хоть семь классов кончил! — кричал он. — Мне при старой жизни учиться не довелось, а ты должен смотреть вперед! Правительство все вам дает — только учись! Или думаешь, я тебя еще год не прокормлю?

А Лай твердил свое:

— Надоело, не хочу больше учиться...

— Дуралей, — горячился отец. — Нынче человек без науки все равно, что рыба без воды!..

Вообще на Лая свалились тогда все несчастья. Он вместе с приятелями дебоширил в классе, и учитель ударил его по лицу. Лай решил ни за что не возвращаться в школу. Но было и другое — Лай видел, как трудно старику отцу прокормить восемь ртов, как еле сводит концы с концами и надрывается в бесконечных хлопотах мать, и он решил поскорее принести в семью заработок. Отец долго не мог примириться с тем, что сын бросил ученье. Поэтому, когда старик возвращался с работы не в духе, Лай, стараясь не попадаться ему на глаза, проскальзывал на кухню или выходил погулять в переулок. Хонг увязывалась за ним следом. Она молча держалась за рукав его рубашки, точно боялась, как бы брат не ушел насовсем...

Тат и Бинь сидели рядышком и негромко разговаривали. Бинь умудрялся одновременно еще и читать толстенный, затрепанный до дыр роман. Тат только что вытащил прямо из бруствера огромный

клубень батата — их пушка стояла посреди поля, засаженного бататами, — и с задумчивым видом взвешивал на руке находку:

— Из такого клубня можно сварить целый обед!

Тат огляделся, словно надеясь обнаружить в грудах свежей земли еще парочку бататов.

— Знаешь, Бинь, — сказал он, — кто мастер готовить бататы? Моя старшая сестра. Я сам их не очень любил. Меня дома все баловали, мать с сестрой отдавали мне самые вкусные кусочки, поэтому, если долго приходилось жевать бататы, я бывал недоволен. А вот сестра, за милую душу, лопала их круглый год... Дом наш стоит на самом краю деревни, прямо у железной дороги. Когда я был маленький, мать говорила: «Видишь эту насыпь? По ней ходит поезд...» Откуда мне было знать что, такое поезд? Ведь дорогу разбили еще в начале войны с французами. Да и сестра моя никогда не видела поезда. Я впервые увидел паровоз в кино. А в позапрошлом году нашу дорогу восстановили. Тут уж я разглядел паровоз и вагоны — все как есть. Он теперь ходят мимо нас до самого города...

— Неужели — усомнился Бинь, по-прежнему глядя в книгу.

— Честное слово! Хочешь верь, хочешь нет, а сестра у меня стала первой свиначкой в округе. Она главная на свиноферме, а свиньи у них — что надо. Когда я уходил в армию, сестра даже заплакала.

— Ты лучше вот что скажи — только подумай сперва. — Бинь осклабился. — У твоей сестры столько же оспинок, как у тебя?

— Иди-ка ты!... — Тат стукнул его по спине.

— Пардон, я пошутил.

— Тат, дай ему еще разок! Для науки! — обернулся к ним Лай. — У него у самого младшая сестра — писаная красавица. Бей, пока не отдаст за тебя! И пусть карточку ее покажет!

— Ну, ладно-ладно! А желающие свататься пусть прежде щедрость свою докажут!..

Лай, расхохотавшись, натянул гимнастерку и снова стал смотреть на лесопилку. По двору ее время от времени проходили рабочие — мужчины и женщины, некоторые с винтовками на ремне. Ветер доносил далекий шум машин, и Лаю казалось, будто он различает жужжание пилы.

* * *

— Боевая тревога!

Реактивные самолеты с вытянутыми фюзеляжами и короткими широкими крыльями четко выделялись на фоне облаков: Ф-8{29} — авиация военно-морских сил. Условия для боя были благоприятны. Облака шли очень высоко, поэтому противник был хорошо виден; и солнце не било в глаза.

Самолеты летели с юга на большой скорости. Они прошли над зелеными горами Чыонгшон, сохраняя строй и высоту, недоступную для зенитного огня, и потянулись вдоль гор. Можно было подумать, что они пролетят мимо, к какому-нибудь другому объекту.

Но вдруг головной самолет развернулся и выпустил клуб черного дыма как раз над зенитными позициями.

«Намечает ориентир для бомбежки!» — мгновенно понял Дык и крикнул:

— Наблюдать за вторым самолетом!

Самолеты быстро перестроились в кильватер. Следующий Ф-8, долетев до дымовой отметки, лег на крыло и стремительно понесся к земле.

Дык видел, что линия, по которой пикировал самолет, рассчитана очень точно. Но янки не ожидали встретить здесь выдвинутую на новые рубежи «шестерку». С места, где стоял Дык, самолет был похож на черное пятно, которое беззвучно и с невероятной быстротой увеличивалось в размерах.

Наконец раздался рев двигателей. Самолет с каждой секундой приближался. Соседние роты начали бить залпами. Десятки огненных разрывов преградили путь самолету, но он упрямо шел вниз.. Четыре тысячи метров... три тысячи пятьсот... А он все не сбрасывает бомб. Пилот, вероятно, решил во что бы то ни стало поразить мост! Дык выбрал подходящий момент.

— Огонь! — закричал он.

Разрывы, словно раскаленная скорлупа, окутали пространство вокруг самолета. Дык заметил, как отделились от него и понеслись к мосту черные капли бомб. И вдруг загрохотало орудие Лая, выпустившего очередью несколько снарядов, как раз когда самолет выходил из пике, подставив под огонь свое белое брюхо.

Точно незримая нить связала командира расчета с Дыком: за какую-то долю секунды Лай, как и Дык, понял, что надо взять самолет на выходе из пике, и прошептал несущейся прямо на них машине:

— Так, теперь тебе крышка!..

— Ребята, спокойней! Наводите точнее!.. — крикнул политрук Хюйен, стоявший позади расчета.

«Писатель» сидел на лафете рядом с Лаем. Прильнув к стеклам прицела, он мягко покручивал колеса, перемещавшие ствол; пот, заливавший ему лицо, стекал за ворот. Тат, стоя на земле около пушки, держал в вытянутых руках обойму со снарядами. Услышав рев двигателей, он задрал голову, разглядывая самолет.

— Тат! Не зевай! — окликнул его политрук.

Лицо Лая побагровело от напряжения, он не моргая следил, как в крестике прицела вырастал силуэт самолета. Он слышал, что Дык скомандовал: «Огонь!» — и соседние орудия уже начали стрелять, но решил выждать еще секунду. Вот сейчас самолет выйдет из пике! И весь сложный расчет, мгновенно выданный нервными клетками мозга, вылился в одном слове:

— Огонь!..

В стекла прицела Лай видел, как хищно заостренные бомбы несутся прямо сюда, ему в лицо. Он заметил, как содрогнулось тело самолета от врезавшихся в него снарядных осколков, и дрожь эта отдалась у него в ногах.

— Первый расчет, молодцы! Дайте ему еще! — закричал политрук.

За ревом самолетов и грохотом взрывов голос Дыка совсем не был слышен, но командиры расчетов сквозь дым видели зажатый в его руке красный флажок, указывавший цель. «Шестерка» вела огонь, не жалея снарядов.

— Горит! Горит!.. — крикнул Лай, увидав вспыхнувший в небе самолет.

Ветер затянул рубежи «шестерки» тяжелым черным дымом, валившим из воронок около моста. Люди ничего не видели в густом душливом облаке. С того берега, где стояла «четверка», слышались частые залпы.

* * *

Дык застыл, подняв голову к небу.

Орудийные позиции огласились громкими криками. Им вторили радостные голоса, долетавшие с поля из-под бамбуковых изгородей.

— Падает!.. Падает!..

— Попалась, Пташка!

— Ух ты! До чего здорово!

Дык улыбался все шире, чувствуя, как его охватывает горячая волна счастья.

Остроносый Ф-8, заваливаясь из стороны в сторону, судорожно пытался набрать высоту, но вдруг перевернулся и начал падать вниз. Не было видно дыма, он, покачиваясь, словно гигантская подстреленная птица, падал колом, задрвав кверху хвост.

Люди кричали, приплясывали, махали руками. Ополченцы, сидевшие в окопах, неподалеку отсюда, забыли даже, что надо стрелять.

Самолет с грохотом врезался в землю, взметнув ввысь оранжевый столб пламени и свистящие обломки металла.

— Ура-а! Еще один!

— Красиво горит, сволочь!..

Подбитый Ф-8, волоча за собой длинный хвост дыма, уходил к морю, стараясь не оторваться от своих...

Минуту спустя Дык пришел в себя.

— Прекратить шум! — скомандовал он. — Всем оставаться на местах! Приготовиться к штурмовому налету!..

На позициях роты сразу стало тихо. Зато вокруг, в поле, крики и шум не умолкали, несмотря на то что на другом берегу реки зенитки еще вели огонь.

Дым наконец разошелся, и стал виден мост. Он был по-прежнему невредим!

Два Ф-8 продолжали бой с батареями на той стороне. Но они больше не осмеливались снижаться, торопливо и неточно сбрасывая бомбы с высоты.

Посреди поля, метрах в шестистах от «шестерки», догорал самолет. Черный дым, смешанный с языками пламени, поднимался все выше и, растекаясь по ветру, свивался в небе гигантскими кольцами.

Пушки на противоположном берегу замолчали. И тогда на поле вдруг выросли фигурки людей. Они сбегались отовсюду к сбитому самолету, и их становилось все больше и больше.

Хюйен подошел к Дыку:

— Ты видишь, сколько народу? Надо, чтобы они сейчас же разошлись. Янки могут вернуться!

В этот момент появился Тай. Придерживая рукой свою огромную шляпу, он бежал наперерез толпе. За ним, немного отставая, торопились девушки-ополченки с винтовками. Тай остановился около самолета; громко крича и размахивая руками, он отгонял любопытных.

* * *

Следующая тревога началась, как раз когда в шестой роте были работницы с лесопилки, которые принесли солдатам вареные бататы и чай. Хюйен забеспокоился, но сами женщины обрадовались тревоге, как лучшему подарку.

— Давайте мы останемся, поможем в случае чего.

— Нет! — отрезал Хюйен. — Прошу спуститься с холма, там есть убежище.

Он приказал одному из бойцов проводить женщин в укрытие. И тут же раздался голос Дыка:

— Самолеты на бреющем!

Хюйен побежал на КП.

Реактивные машины шли на небольшой высоте изученным маршрутом — вдоль реки к высоте «сто двадцать».

С высоты ударили огненные трассы пулеметов. Хюйен едва успел обернуться в ту сторону, как головной самолет, разломившись надвое, рухнул в реку, подняв огромный столб воды.

Разрывы зенитных снарядов накрыли почти вплотную шедшие позади машины. Самолеты развернулись и, беспорядочно побросав бомбы, ушли. Черный дым за клубился над белым прибрежным песком.

Все заняло примерно полминуты.

Этот новый удар, нанесенный противнику, был, несомненно, чувствителен.

Прилетел самолет-разведчик и стал кружить над прибрежными холмами.

Потом снова появились истребители-бомбардировщики. Они шли со стороны моря. Сделав круг на большой высоте, они снизились и начали бомбить пулеметные установки. Зенитчики во всех ротах следили за развернувшимся поединком.

Высота была затянута клубами дыма. Но каждый раз, когда самолеты заходили в пике, оттуда долетала частая дробь пулеметов.

Дык, поднеся к глазам бинокль, следил за ходом боя. Самолеты пикировали и сбрасывали бомбы. К небу взлетали фонтаны пыли и дыма. Но бомбы падали на склоны, ни одна еще не попала в вершину. Пулеметчики продолжали вести бой.

Струя свинца хлестнула по брюху самолета. Отвалив в сторону, он с трудом набрал высоту и вышел из боя.

Еще один самолет вспыхнул в воздухе. Вокруг Дыка снова радостно закричали люди.

А реактивщики — звено за звеном — заходили на бомбежку. Пыль и дым заволокли небо. Пулеметы на вершине «сто двадцать» били трассирующими пулями, намертво преградив путь, по которому прежде самолеты выходили на батареи.

* * *

Новая группа реактивных машин появилась с запада, навстречу им повернулись стволы зениток.

Вдруг Дык увидел маленькую фигурку девочки, бегущей между пушек.

— Туйен! Ты куда?

Тхо, стоявший рядом с окопом телефониста, поймал девочку за руку и, столкнув ее в окоп, крикнул:

— Сиди здесь, слышишь!..

«Мухобойки» шли на этот раз без строя, на разных высотах.

Две машины, снизившись, начали обстреливать ракетами и бомбить крытое черепицей здание школы на другом берегу реки.

Еще три самолета, пролетев дальше, тоже стали сбрасывать бомбы.

— Они целят в лесопилку!

Солдаты ругались, стиснув зубы от гнева. Орудия «шестерки» гремели... Залп... Еще залп.

Рядом с домами лесхоза из окопа бил по самолетам пулемет рабочего ополчения. В бинокль Дыку хорошо было видно, как из стрелковых ячеек, разбросанных по полям, ведут ружейный огонь ополченцы. Винтовочные залпы сливались с артиллерийской канонадой.

Около моста «единица» вступила в бой с одной эскадрильей, прилетевшей с моря.

Серия бомб разорвалась на территории лесхоза. Загорелись дома. Но пулемет ополченцев по-прежнему вел огонь.

Красный язык пламени распорол небо. Вражеский самолет вспыхнул, как факел. Летчик старался сбить пламя, но оно разгоралось все сильнее, и самолет вскоре взорвался. За секунду до взрыва от него оторвалась черная точка, над которой раскрылся гриб парашюта. Ветер относил его к видневшимся вдали холмам, поросшим лесом. Спускаясь все ниже, он вскоре исчез за деревьями.

Лесхоз горел. Огонь перебрасывался с крыши на крышу. Ополченцы выскакивали из окопов; крестьяне, рабочие выходили из укрытий — все бежали к горящим зданиям. Отсюда, с позиций роты, хорошо были видны фигурки людей, бросавшихся в охваченное пожаром здание лесопилки. Они пытались спасти машины.

Туйен поднялась на бруствер и, взглянув на разбушевавшийся пожар, бросилась бежать со всех ног. Около первого орудия ее перехватил Лай.

— Туйен!.. Постой, туда нельзя!

Девочка вырывалась, из широко раскрытых глаз ее текли слезы.

— Пустите меня тушить пожар!.. Пустите!..

— Побудь пока здесь. Улетят самолеты, тогда пойдешь.

Лай обнял девочку за плечи и усадил рядом на краю окопа.

XI

Вечерело, а люди все шли и шли поглядеть на сбитый американский самолет. Когда Суан подошел туда, человек пятьдесят или более того стояли кучками в поле поодаль от обломков. Две девушки с винтовками охраняли обломки самолета, препираясь с чересчур дотошными зрителями и отгоняя их прочь.

Какой-то старик, громко смеясь, говорил соседям:

— Ну что ж, это совсем неплохо! Значит, перед нами реактивный самолет — непобедимый, неуловимый и ни с чем не сравнимый?

— Один янки спрыгнул с парашютом прямо на гору Куйет. Интересно, поймают ли его?

— Почему же не поймают... Куда ему, скажите на милость, деваться? — Увидев Суана, старик снова заулыбался. — А-а, товарищ военный, знаете, это совсем неплохо!

Стоявшая рядом женщина обернулась к ним:

— Солдаты сегодня стреляли очень здорово!

— Эй, Суан!

Он огляделся.

— Здравствуйте...

Это была жена Виена.

— Добрый день, — сказал Суан. — Что, тоже пришли посмотреть?

— Я уже давно здесь, с позавчерашнего дня. Сегодня вот просидела весь день в больнице у Лить... А как ваши друзья, что ехали тогда вместе с вами?.. И тот парень, шофер?

— Спасибо, все живы-здоровы.

Они отошли в сторонку и уселись на меже.

— Ну как, вы уже видели мужа?

— Я его теперь, наверно, только на том свете увижу.

— Сегодня, когда кончились налеты, он, по-моему, пошел к товарищу Таю. Загляните туда, может, найдется...

— Э-э, его искать — надорвешься. Поеду домой. А вы когда в дорогу?

— Сегодня вечером.

— Не забудьте заехать на медпункт, взять у Лить посылочку.

— Нет, не забуду...

— Скоро опять в наши края?

— Сам не знаю. Смотря по делам. Во всяком случае, я не буду здесь редким гостем.

— Как приедете, загляните ко мне. А не то я рассержусь.

Она поднялась и взглянула на Суана — глаза ее лукаво поблескивали.

— Не догадаетесь, какая у меня для вас новость!

— Да в чем дело?

— Так и быть... в следующий раз все вам расскажу. Потерпите немного! Зайдете в гости, тогда все и выяснится.

— Вы меня просто пугаете.

— Нет, нет! Новость хорошая... Ну, ладно, я пойду.

Суан вернулся назад. Девушки разрешили ему, как военному, осмотреть самолет. Он глубоко врезался в мягкую песчаную почву. Из грязной воды, заполнившей образовавшуюся после взрыва воронку, торчал только хвост с белыми и синими полосами — цветами американского знамени. В воздухе чувствовался запах горелой резины и краски. Куски металла, изорванного и скомканного, как бумага, валялись по всему полю.

Люди уже начали выкапывать из земли и собирать впрок кое-что из обломков. Суан увидел сложенные у межи электро- и радиоприборы с мотками перепутанных разноцветных проводов, обгорелые остатки карты, кожаную кобуру и шлем от скафандра пилота, к которому припекся изнутри клочок рыжеватых волос.

* * *

Суан пошел обратно пешком. Он был уже недалеко от позиций «шестерки», когда вдруг налетела буря. Горы сразу скрылись за серой дымкой тумана. Ветер закружил и погнал по полям гудящие пылевые смерчи. С моря мчались, громоздясь друг на друга и закрывая небо, тяжелые громады туч, озаряемые вспышками молний. Могучие удары грома сотрясали землю. Хлынул дождь.

Придерживая обеими руками шлем и согнувшись в три погибели от страшного ветра, он, спотыкаясь и падая, еле добрался до расположения роты.

Буря переполошила всех на позициях. Солдаты накрывали брезентом пушки, прятали снаряды, засовывали подальше рюкзаки и другое добро, привязывали покрепче плетеные крыши землянок. Они бегали и перекликались под дождем, как дети.

Добежав до КП, Суан увидел Хюйена, который вместе с телефонистами старался удержать бившуюся на ветру плетеную крышу, сорванную ураганом, и привязать ее к бамбуковым опорам. Заметив комиссара, Хюйен, смеясь, крикнул:

— Давай помогай! Сейчас весь дом улетит!

Суан бросился к ним и помог обуздать непокорную крышу. Затянув последний узел, они возликовали.

— Милости просим под кров! — прокричал Суан. — В тесноте, да не в обиде!.. Кан, несите сюда все рюкзаки и накройте их сверху куском нейлона!

— Звонил товарищ Мау, — сказал Хюйен, подсев поближе к Суану. — Он просил, как только увижу вас, напомнить, что вы должны быть в штабе.

— Хорошо, пережду непогоду и поеду.

А дождь лил как: из ведра. И ветер усиливался. Крыша совсем протекла. Гимнастерка и брюки Суана скоро промокли насквозь. Вода падала на лоб, затекала за ворот и ручейком сбегала по спине. Во всей землянке остались сухими только рюкзаки, прикрытые нейлоном. Снаружи непрерывно грохотал гром.

Через час буря прекратилась так же внезапно, как началась. Суан вышел из землянки. Небо еще было обложено тучами, но дождь перестал. Только вдали, над горами, перекатывался гром.

По окопам бежали ручьи. Выйдя из землянки, Суан наткнулся на Дыка. Ротный, сбросив рубашку, саперной лопатой копал вместе с солдатами сток, отводя воду из оружейных гнезд.

Суан обошел расчеты, пожимая руки бойцам и поздравляя их со сбитым самолетом.

Когда он садился в машину, на позициях «шестерки» был уже почти восстановлен порядок. Заняли свои места наблюдатели. Безмолвные, словно статуи, они обшаривали биноклями небо. Правда, вблизи они выглядели довольно забавно: в одних трусах, в накидках из парашютной ткани на голое тело и новеньких касках.

— Я уезжаю в полк, — сказал комиссар Дыку. — Как ты есть выздоравливающий, будь осторожен. Кто здоровье бережет, тот больше и провожает.

Дык смахнул с лица капли воды.

— А может, останетесь поужинать с нами? Сейчас все будет готово.

— Нет, спасибо. Да, вот еще что: сегодня вы дали янки прикурить, но смотрите не зазнавайтесь; нельзя недооценивать противника.

Глядя на командира роты, похожего в этот момент на мальчишку, Суан рассмеялся. Он крепко обнял и поцеловал Дыка, повернулся и быстро зашагал вниз по склону холма.

Ночью, после дождя, на небе высыпали звезды. Сегодня Суан и Хоа ехали в машине.

— Хорошо бы в дороге отоспаться.

— А вы поспите... Вам сейчас сон нужнее всего, вон на себя даже стали непохожи от усталости.

— Хоа, не забудь заехать на медпункт...

«Газик» свернул на большак. Суан оглянулся на поля батата, где люди каждый день спокойно и прото смотрели в лицо смерти. Он вспомнил, как Лить плакала на дороге, идущей через эти поля. И хотя случилось это только вчера, ему казалось, будто прошли уже долгие годы, потому что обычно только время отбирает из наших воспоминаний самое дорогое и важное...

Они въехали в уездный центр. По обе стороны улицы моргали керосиновые лампы, стоящие на лотках продавцов фо{30} и прочей снеди. Из-за неплотно прикрытых ставней общественной столовой слышались громкие голоса, люди сидели за столиками и толпились у прилавка...

Сколько таких уездных городков, наполовину разрушенных бомбами... Но жизнь берет свое! По улицам едут повозки и велосипеды, тянутся вереницы носильщиков с коромыслами на плечах.

«Да, необычная у нас теперь жизнь, — подумал Суан. — Наверно, иностранцам иногда трудно это понять!..»

Машина свернула на проселок и, проехав несколько километров, остановилась прямо посреди поля. Хоа спрыгнул на землю, хлопнул за Суаном дверцу «газика» и, освещая фонариком дорогу, повел комиссара по извилистой узкой тропинке. Медпункт находился в маленькой деревушке, окруженной густыми зарослями пальм.

У деревенских ворот их остановил часовой и попросил подождать, пока он позвонит по телефону. Хоа, оставив комиссара в караулке, пошел обратно к машине.

Через несколько минут к воротам вышла Лить.

— О, это вы, Суан! Не заглянете ко мне на минуту? Я возьму посылочку в канцелярии; это здесь, рядом... Пропустите, пожалуйста, товарища, — обратилась она к часовому.

Суан шагал в темноте за маячившим впереди белым халатом. Лить выглядела сегодня совсем иначе. Здесь, на медпункте, она была «начальством», а он просто посетителем...

Канцелярия помещалась в крестьянском доме; хозяева жили теперь в маленькой клетушке, уступив обе комнаты врачам.

Лить сняла халат, выкрутила чуть побольше фитиль в лампе, стоявшей на сколоченном из досок столе, и предложила Суану выпить чаю. Она отыскала в углу небольшой сверток и протянула комиссару.

— Здесь немного бобов и арахиса для дочки. Если нетрудно, передайте, пожалуйста, в здравотдел.

— Непременно... Вы здесь и живете?

Суан обвел глазами комнату.

— Молодцы зенитчики, у нас у всех сегодня праздник! Скажите, поймали летчика, который выпрыгнул с парашютом?

— Да. Нам сообщили об этом из округа как раз перед моим отъездом. Много было сегодня раненых?

— Нет, не очень. Только вот в лесхозе двое умерли от ожогов. Легкораненых — человек десять.

Суан поднял глаза и поймал на себе взгляд Лить. Ему показалось, что она слегка покраснела. Он еще раз взглянул на нее. Лицо ее в мерцающем свете лампы казалось особенно красивым.

Лить поднялась из-за стола. Они молча дошли до ворот. Около караулки Суан хотел попрощаться.

— Я провожу вас еще немного, — сказала Лить.

Они прошли до поворота тропинки. Вдруг Суан остановился. Над горизонтом блеснули вспышки зенитных разрывов. Через минуту докатился гром канонады.

— Что ж... Поезжайте. — Негромкий голос Лить, казалось, доносился откуда-то издалека.

— Вы долго еще задержитесь здесь? — спросил Суан.

— Пока не знаю. Через несколько дней закончу тут все дела и, может быть, проеду еще по нескольким уездам на западе, возле лаосской границы.

— Там теперь тоже заварилась каша. Дня не проходит без бомбежки.

— А когда вы снова заедете сюда?

— Даже не знаю. Завтра ночью я должен быть в штабе округа. Потом съезжу к мосту Кам, там тоже наши стоят...

Суан почувствовал, как у него тревожно заколотилось сердце. Когда еще он снова встретится с Лить?..

Далекий грохот пушек становился все громче. Суан, помолчав, сказал:

— Мне пора... Всего хорошего, Лить...

— Прощайте, — прошептала она. — Счастливого вам пути...

Суан быстро зашагал через поле. Обернувшись, он увидел, что Лить по-прежнему стоит на дороге и смотрит ему вслед.

Канонада усиливалась. Огненные зарницы пробегали по ночному небу.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1}Выделяемые из населения каждого района группы носильщиков и подсобных рабочих подносят солдатам грузы, помигают рыть окопы и т. д.

{2}Молодежь ДРВ вступает в ударные бригады, работающие на самых тяжелых участках трудового фронта.

{3}Так солдаты называют американские самолеты.

{4}Местность в Северном Вьетнаме, где происходили бои с американскими самолетами.

{5}Реактивный самолет ВВС США, известен под названием «небесный пират».

{6}Разновидность пальмы, из листьев которой делают крыши, плетут корзины, шляпы и т. п.

{7}К обычному велосипеду пристраивают бамбуковую или деревянную раму и образующуюся клетку заполняют грузом. Велосипед ведут за приделанные сбоку шесты или за руль. Так иногда перевозят до 300 кг.

{8}Город на севере ДРВ, где вьетнамская Народная армия летом 1954 г, нанесла решающее поражение французским колонизаторам.

{9}Шляпы эти (по-вьетнамски — «нон») делаются из пальмовых листьев.

{10}Так называют во Вьетнаме американские самолеты.

{11}Реактивный истребитель-бомбардировщик ВВС США, известный под названием «громовержец».

{12}Длинные горы (вьетнамск.) — Аннамский хребет, идущий вдоль Индокитайского полуострова.

{13}Дерево с небольшими съедобными плодами, имеющими белую сочную мякоть и круглое черное семечко.

{14}«Народ» (вьетнамск.) — ежедневная газета, орган ЦК ПТВ, выходит в Ханое.

{15}Из-за бомбежек полевые работы часто ведутся по ночам.

{16}Местность в Южном Вьетнаме.

{17}Плоскогорье в Южном Вьетнаме.

{18}Город в Южном Вьетнаме.

{19}Имеется в виду период мирного строительства ДРВ, продолжавшийся от заключения мира с французами в 1954 г. до нападения США на ДРВ в 1964 г.

{20}Речь идет о войне Сопrotивления против французских колонизаторов (1946-1954).

{21}«Литература и искусство армии» (вьетнамск.) — ежемесячный литературно-художественный журнал, выходит в Ханое.

{22}Реактивный истребитель-бомбардировщик ВВС США Ф-4.

{23}Провинция на юге ДРВ.

{24}Американский самолет-бомбардировщик, который использовали французы во время войны во Вьетнаме.

{25}Провинция и административный центр ДРВ.

{26}Хвойное дерево.

{27}Новогодний праздник по лунному календарю; приходится обычно на январь — начало февраля.

{28}Автономная зона на севере ДРВ, населенная в основном национальными меньшинствами.

{29}Реактивный истребитель-бомбардировщик ВВС США, известный под названием «крестоносец».

{30}Мясной суп с лапшой.

Нгуен Динь Тхи

Линия фронта прочерчивает небо

I

Было еще темно, но переполненные автомашины одна за другой доставляли на аэродром техников, инженеров, рабочих и солдат из группы оружия, интендантов, связистов, метеорологов, офицеров штаба... По широким и ровным полосам дорожек поплыли силуэты военных грузовиков, каждый тащил за собой реактивный истребитель, похожий на огромную птицу. Высоко задрал хвосты, самолеты послушно и бесшумно выстраивались в линию, и всякий раз, когда они проползали мимо электрических фонарей, на фюзеляжах вспыхивали светлые блики. Бригады техников засуетились вокруг боевых машин; длинные брюхатые бензовозы и обвешенные кабелями грузовики с генераторами по очереди объезжали самолеты. Потом в темноте послышался шум турбин, мгновение спустя расколовший ночь громоподобным ревом, и языки пламени озарили все вокруг алыми отсветами. В самом начале дорожки полыхнули турбины другого истребителя, затем еще одного, стоявшего рядом, и еще одного, и следующего... Грохот, заполнивший аэродром, сотрясал небо.

Автомобили начали подвозить пилотов, назначенных в первое утреннее дежурство.

Сегодня, как и обычно, Лыонг с друзьями дожидались машины на «автовокзале». Было ветрено, редкие капли дождя мелькали в свете фонаря. «Вокзал» располагался на перекрестке; ребята притащили сюда пустые ящики, сколотили из них несколько длинных скамеек и устроили «зал ожидания» прямо под открытым небом. Лежавший вокруг военный городок утопал в молчаливом мраке. Лишь в одном доме горели огни; за поминутно открывавшейся дверью мерцал красноватый свет, и люди словно ныряли в этот свет и выплывали из него один за другим. Там была столовая и кухня, где в эту пору уже кипела работа. Летчики из звена Лыонга разговаривали, сидя под фонарем.

— Да-а, ребята, дождь зарядил всерьез! — Бан, командир звена, весь какой-то круглый и крепко сбитый, точно семечко хлебного дерева, расхаживая взад-вперед, выставил ладонь навстречу падавшим каплям и поглядел на небо, которое едва-едва начинало светлеть у них над головой.

— Не волнуйся, Бан! — Шау, ведущий Лыонга, сидевший на корточках у обочины дороги, посмотрел на небо и продолжал: — Тучи пронесет быстро, побрызгает немного, и все.

Но дождевые капли вдруг застучали тяжелее прежнего. Наконец подошел их «автобус», — так величали простой грузовик с открытым кузовом. Шофер высунул голову из кабины.

— Четвертая эскадрилья, поднимайся!

Подметки тяжелых ботинок загрохотали по щебенке, потом по днищу кузова. В эту минуту около грузовика резко затормозил маленький мотоцикл, на заднем его сиденье клевал носом политрук эскадрильи Кхай. Из «автобуса», толстые шины которого сделали уже пол-оборота, раздались веселые голоса:

— Привет, Кхай! Решил сегодня нас обогнать?

— Эй, Фук! — Это было сказано штабному офицеру, хозяину мотоцикла. — Потихе, не урони по дороге политрука!

— Спокойно! Когда у руля штаб, безопасность гарантирована! Поезжайте за нами, ребята!

Мотоцикл рванул с места, и треск мотора заглушил смех Кхая.

Лыонг забрался в кузов и уселся рядом с Тоаном, летчиком из его звена, самым молодым в эскадрилье. Машина, набрав скорость, мчалась по вымощенной камнем дороге, огибавшей подножье холма. Тоан вытащил из кармана пачку «Диен-биен»^{1}, и, сблизив головы вплотную, они прикурили.

— Ну как, Лыонг, завтра в отпуск?

— Да, на двое суток.

— Не маловато?

— По нынешним временам и то много. Правда, Дао живет далеко, но полдня, думаю, я у нее пробуду. Придется только на велосипеде отмахать десяток-другой верст — от автобусной станции в уезде до их деревушки.

— С тех пор как прибыл в полк, еще ни разу не был у своих?

(отсутствуют страницы 39-42)

...ную печь. Но он невозмутимо крутил педали, отмеряя версту за верстой. Под вечер, когда солнце начинало уже клониться к закату, наконец показалось озеро, зеркальная гладь которого переливалась между холмами, поросшими развесистыми деревьями. Дальше, за озером, высились горы.

Сердце его гулко забилося. Озеро как бы преобразило окрестный пейзаж, но он все равно узнал эти холмы, похожие на лежащего слона, и колючие бамбуковые заросли вокруг деревушек, разбросанных по склонам предгорий.

«Да, это Киеу-шон!.. Дом стоял тогда у самой дороги, вон там, где начинаются холмы... Кто мог подумать, что именно здесь я буду сегодня разыскивать свою сестренку Дао!..»

...В войну, — продолжал думать Лыонг, — мама эвакуировалась с нами в эти края. Мне только исполнилось одиннадцать, а Дао — семь. Соседи построили нам хижину из бамбука, где еле встала швейная машина и широкая деревянная лежанка. Не успели отпраздновать Тет, как и сюда нагрянули каратели...»

Он глядел не отрываясь на выплывавшие издалека холмы, и в памяти оживали старые воспоминания...

«Сколько же лет прошло?.. Пятнадцать... нет, пожалуй, шестнадцать!.. Тогда казалось, что лысые эти холмы никак не укрыть! Камни да галька: ничего не растет, кроме блеклой травы и колючек. Руки в кровь сотрешь мотыгой, пока высадишь одно-единственное деревцо маниоки»{2}.

«Здорово изменился теперь Киеу-шон!.. — текли мысли. — Целое озеро откуда-то появилось. Помню, еще когда учился за границей, прочитал в «Нян зан», что в Киеу-шоне собрался народ со всего уезда и своими силами построил водохранилище... Вот и увидел его воочию. Смотрел бы и глаз не отводил. Сытые поля полны водой до краев. По бегущим вдоль и поперек каналам играют солнечные зайчики. Девушки, хоть и с ружьями за спиной, идут меж зеленых побегов риса и выпалывают траву... Все переменялось вконец! На бесплодных каменистых холмах поднялись сандаловые деревья и шумят ветвями над самой дорогой...»

Он подъезжал ближе к озеру, и оно становилось все шире и шире. По спокойной его глади бежали отражения облаков. Уже хорошо была видна и плотина. Она высилась как стена между двумя холмами. На берегу, где начиналась плотина, раньше, наверно, стояли дома. Сейчас там торчали обломки кирпичных стен.

«Пожалуй, это «работа» американских бомб, сброшенных сюда в мае. Я услышал тогда по радио о бомбардировке Киеу-шона и неделю места себе не находил, пока не пришло письмо от Дао. Она сообщала, что у них с племянником все в порядке. «Мы втроем с плотиной несокрушимы», — она с детства любит такие шутки!.. Эх, хорошо бы сшибить здесь Ф-105, да чтоб он уткнулся носом прямо в берег озера!..»

Казалось, до места было рукой подать, но дорога все время петляла, и только к вечеру он добрался туда, где жила Дао. Деревушка — несколько редких домиков — приютилась на склоне холма. Лыонг, ведя за руль велосипед, поднялся к самой околице. Тут ему наконец повстречалась живая душа: старуха подметала свой проулок и сносила мусор на курившуюся уже дымом кучу под хлебное дерево.

Он подошел ближе и спросил дорогу. Старуха, маленькая и сутулая, подняла голову, взглянула на него и, ничего не ответив, снова замахала метлой. Решив, что она туговата на ухо, Лыонг повторил:

— Будьте добры, скажите, где дом тетушки Кой?

— А какую Кой вы ищете?

Она перестала мести и опять внимательно посмотрела на Лыонга. И вовсе она не глухая, а просто приглядывается к незнакомцу.

— Почтеннейшая, я ищу свою родственницу, сестру. Она эвакуированная, живет у тетушки Кой.

— А-а... — Старуха еще сильнее сощурила глаза. — Сестру ищете?

— Да. Ее зовут Дао.

— Ну, все правильно... Она недавно вернулась с работы и побежала в детский сад за малышом. Вы пока заходите в дом.

Старуха с интересом оглядела Лыонга. В глазах у нее появились веселые искорки.

— Дао ждет вас не дождется.

Он вошел во дворик, маленький и чистый, где росли несколько арековых пальм. Старуха ковыляла рядом.

— Вы, наверно, устали с дороги? Поставьте велосипед и отдыхайте. Если курите, можно сходить за сигареткой к соседям. Мы здесь одни женщины, курева не держим. Вот беда, и воды-то горячей нет. Может, хотите чаю, я пойду вскипячу воду.

— Да нет, я не курю, и чаю мне не хочется. Вы не беспокойтесь.

— Какое тут беспокойство! У вас, наверно, есть спички? Не пожалейте уж для старухи спичку-другую, а то с соломенным трутом возни не оберешься. Спичек теперь не достать. Сижу весь день дома одна-одиношенька. Сестрица ваша как с утра пораньше поест и уйдет с малышом, так до вечера и не возвращается. А Кой, невестка моя, в полдень заглянет домой на минутку и опять убежит дотемна. Муж ее плотничает в Виет-чи{3} на стройке. Сестра ваша с сыном живут здесь, в первой комнате. Вы вроде давно с нею не видались?

— Давно, почтеннейшая, скоро семь лет. Я уезжал учиться, далеко...

— Знаю, она мне рассказывала. Ведь вы не приезжали, и когда мать померла. О, горе!

Старуха обернулась, поглядела на Лыонга и вдруг засмеялась.

— Вы с сестрой как две капли воды, — высказала она мысль, наверно, давно вертевшуюся на языке.

* * *

Комната Дао была пристройкой к трехкомнатному домику с глинобитными стенами и соломенной крышей. У небольшого окна стоял стол из оструганных досок. На нем стопкой лежали книги, стоял термос, старые банки из-под сухого молока, пластмассовые стаканы и чашки и другое добро, которым обзаводятся матери, когда у них маленький ребенок. На уголке стола лежал какой-то круглый желтый предмет величиной с небольшой ананас. «А-а, корпус шариковой бомбы!..» Вплотную к внутренней стене была придвинута бамбуковая лежанка, на ней — рюкзак, чемодан и свернутое одеяло. Этим исчерпывалось все имущество.

«Вот, значит, как они здесь живут...»

Он улыбнулся, заметив прислоненную к стене винтовку и брошенный у изголовья патронташ.

* * *

— Где же он? О, господи! — раздался в переулке прерывающийся голос Дао.

Лыонг вышел из дома и увидел сестру. Она с маленьким сыном за спиной бежала через двор. Радостный румянец алел на ее щеках, к вспотевшему лбу прилипла прядь волос. Из-за плеча ее поблескивали широко раскрытые черные глаза малыша.

— Брат!

Что-то дрогнуло в ее лице, взгляд потеплел, и губы сами собой сложились в улыбку. Так она и застыла посреди двора.

Лыонг протянул навстречу руки и улыбнулся.

— Пойдем-ка ко мне, племяш!

Дао повернулась, чтобы брат смог взять ребенка на руки, и ладонью смахнула катившиеся по щекам слезы. Малыш оказался самостоятельным. Он вытащил из кармана Лыонга автоматическую ручку и нетвердым еще языком произнес:

— Военный.

— Я не просто военный, я еще твой дядя!

Лыонг засмеялся и, высоко подбросив мальчонку, усадил его себе на плечи. Тот залопотал от удовольствия и принялся трепать его за волосы.

— Шон, не балуйся, оставь дядину голову в покое! — пожурила Дао сынишку. — А ты, Лыонг, наверно, проголодался? Побудь здесь с Шоном, я соберу поесть.

— Неси все, что есть в доме, да поскорей, пока я на ваших глазах не умер от голода.

Лыонг достал маленький деревянный самолет и протянул племяннику.

— Успокойся! Я тут откормила для тебя курицу-рекордсменку! — Она засмеялась, но глаза ее все еще были влажными.

Он покачал головой:

— Ладно, пощади свою чудо-птицу. Небось возни с ней не оберешься.

— Да нет, я мигом. Заходи пока в дом, поиграй с Шоном. А ты, Шон, смотри не обижай дядю!

И она побежала к видневшейся во дворе кухоньке с очагом.

Смеркалось. Дао расстелила на крыльце циновку, поставила поднос и чашки, и они уселись ужинать. На кухне полыхал еще огонь в очаге: старуха с невесткой тоже ужинали.

— Ты отнесла бы старухе тарелку курятины, — сказал Лыонг.

— Да она уже вся... Хватит, спусти-ка Шона на пол. Иди сюда, мой маленький. Э-э, да у тебя глазки совсем слипаются.

Мирный ужин при керосиновой лампе снова напомнил ему дом, где они жили с матерью и сестрой. За сколько лет — это его первая семейная трапеза. Неверный свет фитиля будоражил сердце...

— Ешь, ешь!

Дао снова наполнила его чашку. Шон прижался к ее груди и уснул.

— Ньон хоть иногда выбирается к вам сюда? — улыбнувшись, спросил Лыонг.

— Раньше раз в два-три месяца непременно приезжал повидаться. А как начались бомбежки — вот уже больше года не был ни разу. У него теперь дел по горло, да и путь оттуда не близкий.

— Он по-прежнему служит на границе, в Винь-лине{4}?

— Ага. Его должны были в этом году перевести поближе к нашим краям. Но теперь разве кто уйдет с границы. Он подал заявление, чтобы его оставили в части.

Лыонг ел с аппетитом. Глядя на сестру, державшую малыша на руках, чувствовал себя не совсем привычно. Когда он уходил в армию, она была совсем еще девчонкой, а теперь у нее у самой сын. Он то и дело замечал, как Дао похожа на мать: выражением лица и глаз, изгибом бровей, походкой, манерой передергивать плечами... Она напоминала ему мать, какой та была давным-давно, когда ему самому шел пятый год, — красивой и молодой. Такой и жила мать в сокровеннейших уголках его памяти. Словно на экране волшебного фонаря, он увидел вдруг давний, далекий вечер: отец, лежа на циновке, играет с ним, а он старается усесться верхом у отца на груди; мать сидит рядом, расчесывает волосы и смеется. Больше он никогда не слышал, чтобы мать смеялась так беззаботно и весело, как тогда. Образ матери наполнил его сердце глухой, неясной тревогой. При виде сестры, прижимавшей к груди ребенка, ему вдруг открылось нечто такое в жизни их матери, чего он прежде не понимал, и он снова ощутил горечь утраты.

Он поднял глаза: да, сестра очень похорошела. Свет керосиновой лампы смягчал черты округлого милovidного лица. Щеки ее порозовели, будто тронутые румянами; губы улыбались, блестящие черные глаза из-под высокого чистого лба смотрели уверенно и прямо. Вся она словно лучилась счастьем и верой и не собиралась этого скрывать.

Неожиданно из темноты послышался стук мотора. Он прислушался.

— Вроде автомобиль?

— Да нет, кооперативная рисорушка. Она теперь работает по ночам.

— Хорошее дело!

— Бывало, в эту пору в каждом доме со скрипом запускали свои рушалки. Вернутся с поля еле живые — и давай крути жернова, не то останешься без обеда. Сколько из-за этого бывало перепалок и крику! А теперь пожалуйста — машина за одно хао{5} обрушит пять кило зерна. Получай и рис и отруби. Люди прямо не нарадуются!

Поужинав, Дао пошла в дом и уложила сына. Потом вместе с братом сидела на циновке и пила чай. Старуха с невесткой пришли и тоже присели около них. «Тетушка» Кой оказалась совсем молодой, пожалуй, еще моложе Дао. Она была высокая, стройная, вся какая-то ладная и крепкая. Рукава плотно облегли ее красивые круглые руки, на щеках горел румянец, волосы, схваченные заколкой у самого затылка, падали на плечи.

Она непринужденно опустилась на циновку позади Дао и сказала:

— Ну, у продавщицы ананасов сегодня праздник.

— Какой продавщицы? — спросил Лыонг.

— Ну, уж, это — наша женская тайна. Спросите Дао, может, она вам потом и расскажет.

Кой лукаво улыбалась. Задержав взгляд на госте, она с любопытством изучала его.

— Позвольте у вас узнать, на всех вьетнамских самолетах летают наши летчики, да?

— А кто же еще, если не наши! — засмеялся он.

— Да я и сама знаю, просто хотела убедиться. Это же здорово! А учитель в школе говорил, что реактивным самолетом могут управлять только крупные и рослые люди... Дао, помнишь американца, сбитого здесь, у нас, в мае? Он весил, наверно, не меньше центнера и был здоровенный, как горилла. АН нет, и нам это тоже под силу. Молодцы!

— Не только пилоты, но и вся аэродромная команда: инженеры, техники, рабочие — тоже наши. Нет такого дела, которому нельзя было бы выучиться. — Он снова улыбнулся.

— А знаете, в прошлом году, когда у нас свои самолеты только появились, несколько МиГов пролетело над деревней. Что тут началось в нашем бабьем царстве! Одна — наутек, другая норовит пальнуть в небо. Теперь-то уж мы привыкли: отличаем на слух, когда летят наши, а когда — «джонсоны». Жаль, надо мне уходить, — у нас в бригаде сегодня собрание. Ну, счастливо оставаться.

— Что за собрание? — спросила Дао.

— Будем обсуждать распределение продовольствия в кооперативе. Просидим небось до полуночи.

Легким, изящным движением она поднялась с циновки.

— Куда это ты собралась? — окликнула ее свекровь, которая ушла уже на покой. Кой обернулась:

— Спице, не волнуйтесь. Я иду на собрание, вернусь, наверно, поздно...

В доме было совсем тихо. Лыонг и Дао сидели рядышком около лампы. Дао, зашивая рубашку, рассказывала о последних днях матери. Тишину ночи, окутавшей холмы и деревья, нарушал только доносившийся издали размеренный стук рисорушки. Время от времени в хлеву за домом громко вздыхал буйвол, тяжело

переминаясь с ноги на ногу, и стучал рогами о перегородку, отгоняя прочь комаров.

— Я и сама не думала, что она так любила отца. Когда ей стало совсем худо, она подозвала меня и сказала: «Конечно, я должна была умереть давно, вместе с отцом. Но теперь вы оба выросли, и меня уже ничего здесь не удерживает. Я могу спокойно уйти за ним...» Когда она умерла, я впервые заглянула в ее сумку. Там были отцовские письма, которые он писал ей с того дня, как ушел в Освободительную армию Юга перед восстанием{6}. Она сохраняла их десять с лишним лет, не потеряла ни одной странички! Есть там и письма, написанные, когда нас с тобой еще не было на свете... И еще — его старая рубашка, вся в заплатках... И фотографии отца, — мама тебе их показывала когда-то.

— Она наказала нам что-нибудь?

— Я обо всем тебе написала. Она говорила: «Не забывайте отца. Когда страна объединится, непременно выберите на Юг хоть один разок, побывайте у отца на могиле».

— Я решила, когда мы поедем туда и найдем, где похоронен отец, я возьму с его могильного холма горсть земли и посыплю ею мамину могилку.

Они помолчали. Дао ласково смотрела на брата, но взгляд ее был задумчив, словно она решала втайне что-то очень важное.

Он поднял голову. Сестра внимательно глядела на него.

— Я ужасно жалею, — сказала она, — что ты не приехал на прошлой неделе. Вот было бы совпадение, — Туйен гостила у меня весь день.

— Ну...

— Хотя, если ты сейчас сядешь на свой велосипед и приналяжешь на педали, как раз успеешь в уезд к двухчасовому поезду. Утром будешь в Ханое. Завтра воскресенье, у Туйен выходной.

— К чему такая спешка, как на пожар?

— А как же иначе! Когда еще вырвешься хоть на денек. Да и больно ты тяжел на подъем! Лучшего случая не найти, это я тебе говорю. Она очень хорошая. Мы с ней прожили вместе три года, она теперь мне ближе родной сестры. Погляди хоть письмо, что она тебе написала, сразу все станет ясно. Чего еще перебирать да раздумывать?

— Вот уж не думал перебирать или свататься!

— Ты бы заехал к ней, поговорил, выяснил, что к чему. И собой она хороша, — куда лучше, чем на фото. Она только о тебе и думает.

— Ты всегда преувеличиваешь, вот и здесь перегнула!

— Нет! Уж я-то знаю! Видел бы, как она дрожит над твоими письмами и все мечтает с тобою увидеться. Ясное дело, она в тебя влюблена.

Он рассмеялся.

— Как бы там ни было, а поехать в Ханой я не смогу. Завтра утром мне надо уже быть на аэродроме.

— А-а! — Она помрачнела.. — Что делать! Видно, так холостым и состаришься.

— Это ты зря! Не такой уж я старик.

— Ах, не старик! Да тебе скоро тридцать!

— Ну, прямо! — Он расхохотался. — Нынче не всякая и пойдет за солдата. Ведь война!

— Вот, значит, как ты думаешь о нашей сестре?

Дао улыбалась, но судя по всему начинала сердиться.

— По правде говоря, — он решил объясниться с ней по-серьезному, — я и сам не хотел бы иметь сейчас возлюбленную или невесту. Не до того мне. И потом, вправе ли я вносить тревогу и тоску ожидания в чью-то жизнь. Я должен быть собранным, сильным и избегать всего, что могло бы смягчить или ослабить мою волю. Вот

разобьем американцев, найду себе невесту и немедленно обзаведусь семьей.

Тут уж Дао расхохоталась.

— Все это сплошные теории! Нет, вы послушайте: «тревогу и тоску ожидания»! Выходит, все женатые да замужние должны бросить друг друга?! Ладно уж, раз ты у нас такой занятой, я сама обо всем позабочусь. Пожалуй, уговорю ее приехать к вам, на аэродром.

Он решил перевести разговор на другое.

— Что это Кой толковала о продавщице ананасов?

— А-а!.. — Она опять засмеялась. — В тот вечер, когда он бросал бомбы возле плотины, я несла на коромысле две корзины с шариковыми бомбами в уезд, в штаб ополчения. Повстречала на дороге какого-то офицера, я думаю, не меньше чем командира полка. Он вышел из своей машины, пожал мне руку и сказал в шутку: «Ну, товарищ продавец, ананасы у вас — что надо!» Вот она и изводит меня всякими намеками.

— Тебе что, жизнь надоела?!

— Да бомбы-то разряженные, при чем здесь «жизнь»? Мы тогда все пошли с начальником уездного ополчения разряжать невзорвавшиеся бомбы. А их на холме полно — лежат себе, желтые такие. Взяла первую в руки, а она вроде бы накаляется изнутри. Тут я и «отличилась»; бросила ее со страху — и бежать. Потом вернулась, пригляделась, как начальник управляется с ними, и тоже первую разрядила. Дальше — больше: набралось чуть не с полсотни.

— Что же ты мне об этом не написала?

— Я еще в тот день из пулемета стреляла. Меня официально зачислили в пулеметный расчет.

— Когда я днем проезжал мимо плотины, видел твою, «контору». Там все разбито, одна вывеска торчит над кучами кирпича: «Метеорологическая станция Киеу-шон».

— Ага, мы, когда переводили сюда станцию, забыли вывеску снять. Он бомбил уже пустые дома, оборудование мы эвакуировали заранее. Там остались только шесты для замера уровня воды в озере... Значит, ты завтра уедешь совсем рано?

Он кивнул.

Показалась луна и свесила голову набок над верхушками пальм. Услышав, как Тон заворочался во сне, Дао встала и, взяв лампу, ушла в дом. Лыонг обвел взглядом контуры холмов. Вдруг где-то у горизонта сверкнуло пламя, похожее на вспышку магния.

«Зенитки!..»

IV

Программа тренировочных полетов четвертой эскадрильи подходила к концу.

Утром, после отработки в воздухе действий звена в условиях сплошной облачности, «автобус» вез пилотов «четверки» домой.

Тревога застигла их посреди дороги. Машина остановилась под деревьями, и Киен приказал всем укрыться в траншее, извивавшейся по склонам придорожных холмов. Они спрыгнули на шоссе, шумя и перекликаясь, как школьники, вырвавшиеся на перемену, и рассыпались по окопу. Над бруствером закачались каски; от ячейки к ячейке полетели реплики и остроты, а потом даже и сигареты с зажигалками.

— Ну и тишина!

— Мертвое царство!

— Сознайся, ты хоть сегодня закончишь свой птичник?

— Ребята, к нам повадилась лиса. Вчера, только я улегся, слышу, куры раскудахтались — сил нет. Припустил туда со всех ног. Посветил фонариком, — одной курицы как не бывало. И, обратите внимание: наседки!

— Слушай, Бан, ты должен сегодня закатить пир. Часто ли нас навещают дамы! Хоть чай поставь!

— Идет! За чем дело стало...

— Вот *он!* — крикнул Тоан и вскочил на бруствер.

Длинные серые Ф-105 вырвались из-за дальних холмов, стремительно набирая высоту. Одна за другой громынули бомбы. Американцы развернулись и снова заходили на холмы, окутавшиеся дымом и пылью.

— Ракета! Смотрите, ракета!

Полоса сероватого дыма, все удлиняясь, устремилась к самолетам. «Громовержцы» сломали строй — одни спикировали к земле, другие рванулись вверх или в стороны — и исчезли, оставив на земле огромный костер, полыхавший у бамбуковой изгороди.

Летчики выбрались на дорогу. Шагавший рядом с Лыонгом Тоан обнял его за плечи:

— Здорово янки наловчились уходить!

— Ладно, не горюй! — Лыонг хлопнул его по спине. — Сочтемся с ними. Через неделю нас поставят на боевые полеты!

* * *

Полдень выдался особенно напряженный. Тревоги следовали одна за другой, без перерыва.

Около часу, быстро набирая высоту, вылетел один МиГ. Минут через тридцать ребята, услышав, что он возвращается, выскочили на поле. Белая машина делала вираж над аэродромом.

— Точно! — задрал голову и сощурясь, крикнул Бан. — Он выпустил одну ракету!

Командир эскадрильи и политрук, сидевшие в дежурке, тоже выбежали на дорожку.

— Кто это? — спросил Кхай.

— Наверно, Лан, — ответил Киен, наблюдая за снижавшимся вдали самолетом.

Едва летчики вернулись в домик, за дверью показался шагавший мимо Фук.

— Эй, Фук! — закричали они. — Какие новости?

— Только что уничтожили беспилотный самолет-разведчик! — Фук широко улыбнулся, войдя в дежурку, снял каску и сел на скамью. — Отлично сработано! Да, — он обернулся к Лыонгу, — на РБ-66, что ты сбил, было семеро американцев: четверо сгорели в машине, трое выпрыгнули с парашютом. Двоих поймали в то же утро, а третий умудрился где-то спрятаться, так что его схватили только вчера. Эх, плакала сегодняшняя учебная программа! Есть сведения, что скоро *он* снова ударит. В воздухе семьдесят вражеских самолетов.

Фук, торопливо выпив чашечку чая, побежал дальше.

Техники в сплетенных из травы шляпах с полями шире плеч сидели — каждая бригада у своих «подопечных» МиГов, не отлучаясь ни на минуту от готовых к бою истребителей. Лица их стали красными, гимнастерки на спинах взмокли от пота. Они искали несуществующей прохлады в лоскутках тени, отбрасываемой телами и крыльями самолетов. Зато считанные секунды после тревоги — и техники запустят турбины.

Хуже всего, пожалуй, было пилотам. Им приходилось ждать в полном летном снаряжении, которое здесь, на земле, казалось нестерпимо жарким и тесным. В дежурке два маленьких вентилятора крутились без остановки. Летчики очередной смены, застегнутые и зашнурованные, с полетными картами в планшетах, сидели, прислонясь к стене и глядя перед собой. Никто из них не повышал голоса, не делал резких движений. Но, если понадобится, они за несколько секунд добегут до самолетов и займут места в кабинах.

Ребята из «четверки» выслушали приказ и начали полеты. В воздух поднялась первая пара, за нею еще одна. На бетонной полосе, где

только что молча дремали сверкавшие на солнце МиГи, все зашумело и пришло в движение.

Автомобили сновали, как ткацкие челноки. Ревели реактивные моторы. Среди автомашин и самолетов вертелась смешная трехколесная велотележка; на ней восседал парень с румяными, как у девушки, щеками. Он развозил мороженое и кофе со льдом. Всюду, где останавливалась тележка, раздавались шутки и смех.

Бан только что взлетел в паре с Тоаном. Лыонг, приземлившийся вместе с Шау, уселся на траву, снял шлем и, прихлебывая кофе со льдом, следил, как друзья его выполняли в воздухе фигуры высшего пилотажа. Рядом двое других летчиков готовились к полету, разыгрывая его элементы с двумя маленькими раскрашенными моделями, похожими на детские игрушки.

Шау улегся на спину, положив голову на руки, и прищурил глаза.

— Ничего не скажешь, Тоан ведет машину очень легко! И расчет у него точный!.. Смотри, смотри! Бан-то каков, ну и отмочил! — Шау, расхохотавшись, приподнялся и сел.

МиГ ведущего выделял в воздухе чудеса.

— Высший класс! — улыбнулся в ответ Лыонг.

— Никогда не забуду, как он надул одного янки. Тот был на Ф-105. Бан стал уходить от него. Американец обрадовался и погнался за ним. Тогда Бан развернулся, пропустил американца вперед, зашел ему в хвост и сбил раньше, чем тот успел голову повернуть. За ним погнались четыре или пять вражеских машин. Он уходил не очень быстро. И вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел на них в лоб. Янки рассыпались в стороны, а он перевернулся через крыло, спикировал к земле и ушел на брюющем.

— Слушай, Шау, надо что-то сделать, чтобы вечером Бан хоть ненадолго повидался с женой.

— Конечно, она второй день сидит в гостинице: небось все глаза проглядела. Наш командир за эти дни стал еще злее к врагу!

Оба истребителя завершили полет и снижались, делая круг над аэродромом. Вдруг в небо взвилась зеленая искра.

«Тревога!..»

Вспыхнула еще одна ракета.

«Боевой вылет!..»

Друзья вскочили.

Четыре МиГа один за другим пронеслись по бетонной полосе и с грохотом оторвались от земли. Набирая высоту, они быстро уменьшались в размерах и вскоре растаяли где-то у горизонта.

На аэродроме воцарилась тишина. Лишь негромко гудели автомашины, отвозившие техников эскадрильи в конец полосы, где они будут ждать самолеты. Следом ехала карета аэродромной Скорой помощи с красным крестом.

Бан, патрулировавший с Тоаном над аэродромом, получил приказ идти на посадку, и они приземлились.

Прошло пятнадцать минут... Двадцать... Двадцать пять...

По радиостанции командного пункта из-за . помех и шума трудно было разобрать сообщения пилотов. Но привычные уже офицеры понимали их с полуслова и шепотом комментировали:

— Встретили противника... Вступили в бой.

— Один Ф-105 не успел сбросить бомбы, упал на поле и взорвался.

— Судя по всему, Куанг ранен...

— Горит еще один «громовержец».

Тридцать пять минут... Сорок...

Весь аэродром замер. Глаза в ожидании устремились к горизонту.

«Возвращаются!..»

Темная черточка показалась на фоне туч.

Самолет быстро приближался. Людям казалось, будто от него еще веет пороховым жаром. Качнув крыльями, истребитель побежал по полосе.

Еще две темные точки появились среди медленно розовевших на горизонте облаков.

Летчики четвертой эскадрильи увидели «газик» командира полка. Он мчался к концу бетонной полосы, где, готовясь выключить двигатель, грохотал приземлившийся МиГ.

Два других истребителя, приглушив турбины, пошли на снижение и мягко коснулись земли.

Пять минут... Десять минут... Двадцать минут...

«Газик» побежал обратно. Летчики видели, что в машине вместе с командиром сидят трое вернувшихся товарищей. «Газик» ехал очень быстро. Тхуан, сидевший рядом с шофером, обернулся назад и, кивая головой, слушал, что говорили ему пилоты:

Солнце село. Аэродром погрузился в бескрайние вечерние сумерки. На дорожке осталось лишь несколько дежурных самолетов, выстроенных в линию. Их черные силуэты отпечатались на красном пологие долгого летнего заката. Летчики и техники дневной смены все уже вернулись в городок. Автомшины только что доставили ночную смену. Началась подготовка к полетам.

В конце полосы, там, где ждут приземляющиеся истребители, никого не было. У самого края бетона, словно позабытый людьми, стоял пустой грузовик. Но если прислушаться, можно было уловить в тишине негромкие звуки музыки. Люди с тягача сидели на траве вокруг маленького транзистора.

Опустился туман и укрыл синей дымкой огромное летное поле.

...Ветер осенний гудит за стеной,

Спи, мой малыш, засыпай...

Певица пела колыбельную, которую напевали испокон века матери в Южном Вьетнаме, укачивая своих детей. Голос ее, далекий и такой близкий, проникал в сердце.

...Плакать не надо, слышишь, родной, Люди давно улеглись на покой...

Слушатели молчали. Они сняли свои широкополые шляпы. По их лицам бежали капли пота, смешанного с машинным маслом. Это были техники МиГа, который не вернулся.

...Спи, мой малыш, засыпай...

Колыбельная песня умолкла. Но эхо ее звучало в порывах вечернего ветра, игравшего высокой травой.

Вокруг становилось все темнее. То тут, то там замелькали электрические лампочки.

Один из техников, захватив в горсть траву, вырвал ее и поднял голову:

— Вроде стало чуть-чуть попрохладней.

— Слушай, а правда, что вечерняя и утренняя звезды — это одна и та же звезда?

— Эй, помолчи!

«...Я был потрясен, я не мог понять, отчего здесь дети не плачут. Карательный отряд, вошедший в деревню, стрелял вдоль улиц и поджигал крытые соломой хижины». Радио Ханоя передавало статью какого-то американского журналиста из Южного Вьетнама. «Морские пехотинцы расстреливали попадавших им буйволов и коров и забрасывали гранатами убежища и щели. Когда я подошел к одному из таких убежищ, я увидел вылезавшую оттуда женщину с ребенком на руках и старика...»

В траве завели свои трели цикады. Стрекот то робко стихал, то раздавался снова, переключаясь с голосом диктора, и вдруг умолк, будто прислушиваясь.

«...Около горящего дома американский капитан схватил мальчишку лет четырнадцати. У него была перебита правая рука, из кровоточащей раны торчал белый обломок кости, угловатый, как острие ножа. Капитан приказал переводчику спросить: «Где партизаны? Где Вьетконг?..» Ребенок смотрел на него молча. Он не кричал и не отвечал ни слова. Капитан вытащил пистолет, выругался и выстрелил в землю рядом со ступней мальчика. Но тот по-прежнему стоял молча...»

По небу пробегали последние отблески света. Загорелись звезды — их становилось все больше и больше. Над зарослями бамбука поднимались струйки дыма. Люди вернулись с поля, разожгли очаги и готовили на них ужин.

Окружающий мрак сгустился. Бетонная полоса вокруг техников вдруг озарилась разноцветными огнями. Это включили ночное сигнальное освещение. Аэродром продолжал свою работу.

Издали послышался шум автомобильного мотора. Потом около них затормозил «газик», из машины вышел офицер.

— Это пятая бригада?

— О-о, комиссар приехал, — зазвучали приглушенные голоса.

Кто-то выключил приемник.

— Где товарищ Фьонг, ваш начальник? — спросил комиссар полка.

— Здесь!

Один из людей отделился от группы и вытянулся по стойке «смирно».

— Поезжайте домой, ребята, — мягко сказал комиссар. — Уже поздно, пора ужинать.

— Разрешите доложить!.. Куанг ведь еще...

— Знаю. Завтра все точно узнаем.

Они забрались в машину. Тягач зажег фары и медленно тронулся с места.

Вдруг ночь содрогнулась от чудовищного грохота. По бетонной полосе заметались огненные отсветы. Поблескивая в лучах фонарей, пронесся по ней самолет, молнией взмыл ввысь и растворился в черной бездне. Огни на полосе погасли, и мрак снова окутал окрестность. Где-то высоко-высоко уносилась вдаль огненно-красная точка среди молчаливо мерцающих звезд.

V

Погода испортилась; дождь лил как из ведра вот уже который день. Но летчики «четверки» постоянно сидели на аэродроме. И если хоть слегка прояснялось, они уходили в воздух на своих МиГах.

Прошел слух, что в части скоро произойдут большие перемены. Изучая операции противника, нетрудно было понять, что он стремится сомкнуть кольцо разрушительных бомбардировок и нанести удар по районам Ханоя и Хайфона. Была и другая угроза: плотины. Выпало много дождей, и вода в реках поднялась как никогда. Радио передавало, что американцы бомбили дамбы на реке Ча-ли в Тхайбинь{7} и плотины на Красной реке ниже Нам-диня{8}, неподалеку от моря.

Однажды вечером все наконец узнали толком о предстоящих «переменах»: приказом командования часть летного состава переводилась во вновь сформированный полк. А к ним поступало пополнение из пилотов, только что закончивших училище. Это коснулось и «четверки». Бан получил повышение и переводился в новую часть командиром эскадрильи. Шау был назначен вместо него помощником командира эскадрильи, а к Лыонгу взвено должен был прийти новичок.

Собрание закончилось, и ребята из «четверки», громко переговариваясь, вышли из зала. Они столпились вокруг Бана и других уезжавших, острили, обменивались новостями.

— Счастье, Бан, что твоя «половина» успела навестить тебя до отъезда!

— Такая моя судьба! Хозяйка у меня хоть на вид и простовата, а чует издалека, когда что-нибудь предстоит. И сразу — тут как тут!

Все дружно расхохотались. Не было человека в эскадрилье, который не знал бы жену Бана. Ребята ее любили.

Их поженили еще в детстве, согласно старинному обычаю, принятому у них в деревне. В молодые годы Бан был бедняком, оборванным и темным, но потом пошел учиться. Учился долго и даже ездил за границу. Он и сейчас еще мужчина хоть куда! А жена выглядела старше его. На лице ее оставили след годы, прожитые без мужа, когда надо было самой и работать, и присматривать за детьми, держа, как говорится, весь дом на своих плечах. С тех пор что Бан служил в полку, она приезжала несколько раз, оставаясь иногда и на неделю. При виде мужа лицо ее озарялось; на щеках появлялся румянец, глаза блестели, и она казалась моложе и краше собою. Всякий раз она появлялась нагруженная гостинцами и баловала ребят когда курятинкой, когда бананами, крушиной или плодами нян и ваи{9} — «дарами своего сада».

— Жаль, конечно, Бан, что ты уезжаешь. Но самое обидное — не видеть нам теперь угощения!

— Слушай, а ведь твоя жена обещала просватать за нас своих племянниц!

— Ну, хватит, ребята, скоро отбой.

Льонг и Шау вернулись в свою комнату. Они опустили накомарники и разобрали постели, но спать еще не хотелось. Шау решил напоследок попить чаю и возился с термосом и заваркой.

— Опять дождь заладил на всю ночь, — сказал он, — никак не уснешь: тоска по дому одолевает. Недавно получил письмо оттуда{10}, от моего старого друга. Когда ханойское радио впервые передало, что наши истребители сбили американцев — он в это время сидел у включенного приемника и обедал, — он поперхнулся, бросил чашку и палочки, вскочил и, не помня себя, выбежал из дому...

Со двора, где давно уже не было ни души, слышались звуки аккордеона. Неунывающий Тоан вдохновенно разыгрывал «Песню швеи». Лыонг поймал себя на том, что невольно прислушивается к веселой бесхитростной мелодии. Шау, ссутулясь, сидел на краю кровати с чашкой чая в руке; взгляд его устремлен был куда-то вдаль. Вдруг он громко рассмеялся:

— Ты, Лыонг, наверно, не знаешь историю нашего первого «истребителя». Это был американский винтовой самолет Т-28. Еще при блаженной памяти Диеме^{11} он проник в наше воздушное пространство, но влип в такой плотный огонь ополченцев, что вынужден был сесть прямо на песчаный пляж. Самолет оказался целехонек, только лопнула шина на одном колесе. Американцы повадились тогда забрасывать к нам диверсантов на транспортных машинах Ц-47. И ребята решили использовать против них этот Т-28. Они сняли лопнувшую шину и оттащили в артель, ремонтировавшую велосипедные камеры и покрышки, узнать, смогут ли там привести ее в порядок. Мастера, само собой, не ведали, что это за штука. Но решили: раз шина, — значит, можно и починить, тем более солдаты просят. И после этот Т-28 с залатанной шиной сбил самолет! В истории нашей авиации много таких чудес, надо бы написать обо всем этом книгу: жаль, если такое забудется.

Он замолчал, глотнул чаю и улыбнулся.

— Партбюро предложило, чтоб теперь ведущим в паре с Тоаном летал ты. Что скажешь?

— Здорово! Мы с ним легко сработаемся.

— И мы так думаем. Тоан тебя любит.

— Мне он тоже нравится. Но лучше б тебя поставили с ним ведущим. Он кое в чем меня уже перегнал и летает день ото дня все лучше. Какой из меня командир? И буду ли я ему полезен? Жаль, что Бана отзывают именно теперь!

— Ничего. Ты многому можешь научить Тоана. Мы на бюро все взвесили. Тоан — парень сообразительный и смелый, но слишком уж горячий, в бою может увлечься. Он должен усвоить главное: нельзя

отрываться от товарищей. У вас дело пойдет на лад. И потом, партбюро поручает тебе сделать все, чтобы после предстоящей операции Тоан стал достойным приема в партию.

— Я как раз сам хотел предложить бюро рассмотреть вопрос о его приеме.

— Время готовит нам нелегкие испытания! Я уверен, предстоят бои прямо над столицей.

— Ты теперь помощник командира эскадрильи и будешь как-то дальше от нас.

— Дальше? — засмеялся Шау. — Ведь я же никуда отсюда не денусь.

— Эх, если бы Бан остался у нас хоть до конца операции! Но, как подумаешь, что скоро прибавится еще одна авиачасть, грех жаловаться!

— Быстро дело пошло! Еще в прошлом году была лишь кучка ребят. Я не ждал, что все произойдет так скоро.

Послышался долгий металлический звон: отбой! Шау погасил лампу и залез под накомарник.

— Черт, заболтались мы! Спокойной ночи...

В полночь Лыонг проснулся. За окном было совсем темно. В небе полыхали молнии и перекатывался гром. Шумел дождь. На соседней койке похрапывал Шау.

«Ну и ливень!.. Четыре дня нет никаких вестей о Куанге. Но это еще ничего не значит! В прошлом году, когда не вернулся Лан, все уже думали: погиб. А через неделю пришло сообщение, что он нашелся...

Лан спрыгнул тогда на парашюте у самой границы. Шесть суток он шел по горам, продираясь через джунгли. Ел коренья и пил воду из родников, а на ночь залезал на деревья. На седьмой день он еле передвигал ноги от голода. И тут ему подвернулись какие-то клубни, вкусом напоминающие сладковатый картофель. Он наелся. Но вскоре во рту у него начался зуд и жжение, язык и губы раздуло чудовищной

опухолью. Он боялся, что задохнется. Счастье еще, что к концу дня он спустился в узкую горную долину, где было человеческое жилье. Однако, не зная, куда забрел, пополз в обход деревушки, пока наконец не заметил у перекрестка тропинок фанерный щит с лозунгами против американских захватчиков. Тогда он вышел из зарослей. Но, дойдя до лесенки ближнего дома, упал и не смог подняться. На шум из дома вышла женщина. Он попытался объяснить с нею знаками — язык его не слушался. Хозяйка, увидав его, сразу обо всем догадалась, втащила в дом, напоила медом и смазала язык и небо, обожженные ядом. Тамошние жители говорили потом, что, запоздай он еще на день, остался бы на всю жизнь немым...

Куанга сбили только из-за его горячности! Он поджег один Ф-105 и завязал бой с другим. Тот стал уходить. Куанг бросился вдогонку, и его атаковал в хвост незаметно вывернувшийся сзади самолет...

У Куанга жена и ребенок. Жена его работает учительницей в Четвертой зоне. Однажды она приезжала к нему... Ребята называли его в шутку «письмом без марки». Он обожал писать письма, но вечно забывал купить марки и ходил из комнаты в комнату, выклянчивая у ребят «почтовые знаки»...

И все-таки Лыонг отлично понимал Куанга. Он и сам, когда встречал вражеские самолеты с бомбовым грузом, думал лишь об одном: «Сбить! Сбить во что бы то ни стало!..» Потому что в сердце летчика-истребителя каждая сброшенная врагом бомба отзывается особенной болью.

Снова блеснула молния и зарокотал гром.

«Это уже не дождь, а потоп! Товарищи, вернувшиеся из командировки, рассказывают, что в Ханое затопило весь берег перед плотинами, кое-где вода поднялась на полтора метра выше уровня набережной. Да, природа в этом году злая! Весенний урожай попортила засуха. Сейчас рис вроде бы поднялся дружно, так нет же — наводнение! Старики говорят, что с августа сорок пятого вода не поднималась так высоко. На прошлой неделе во время полетов видно было, как реки — Черная, Светлая{12}, Тхао{13} и бегущие мимо Ханоя Дуонг и Красная —

вплоть до Кау и Фа-лай{14} — набухли от полной воды и вышли из берегов. В иных местах даже не разберешь, где река, а где суша, — всюду поблескивает на солнце широкое голубое зеркало...

Дао недавно прислала письмо из Ханоя. Она с малышом съездила туда на несколько дней. Муж Дао был в Ханое на совещании, и они всей семьей поселились у Туйен. Сестра пишет, что Туйен каждый день работает на плотине: насыпает землю, укрепляет откосы. Иной раз она задерживается там до позднего вечера, в другие дни уходит на дамбу с рассвета. Весь город борется с наводнением и готовится к обороне. Тревоги объявляют по три-четыре раза за день, теперь они бывают даже ночью. Каждый день из пригородов доносится канонада. Иногда по утрам, несмотря на проливные дожди, залетают вражеские разведчики, и пушки грохочут прямо посреди города». Дао то и дело возвращалась к мысли о том, что ему совершенно необходимо съездить в Ханой и повидаться с Туйен, и передавала от нее приветы и наилучшие пожелания.

Он усмехнулся: «Конечно, Дао на все лады расхваливала меня перед своей подружкой. Хотя неплохо бы и побывать в Ханое, увидеть своими глазами, как живет и сражается нынче столица...

Завтра утром скажу Тоану, что будем теперь летать вместе. Наверно, он тоже обрадуется. Надо сделать все, чтоб оправдать доверие партии. В общем-то, особых способностей у меня нет, да и опыта маловато, придется все восполнять упорством, терпением и осторожностью. Основное: каждое задание продумывать и разбирать в деталях — и как можно больше совместных полетов. Тогда придет полное взаимопонимание и согласованность действий...

Ну, ладно. Надо постараться уснуть. Может, к утру, после такого дождя, прояснится. Будут полеты...»

И вправду, ливень за ночь дочиста отмыл небо. Целый день ярко светило солнце, и тревоги следовали одна за другой. Пожалуй, противнику удалось сегодня пробиться к аэродрому ближе чем когда бы то ни было. Все утро, часов с восьми, Лыонг с друзьями, стоя на летном поле, могли видеть группы вражеских самолетов; некоторые из них сбрасывали бомбы всего в десяти — пятнадцати километрах

отсюда. На большой высоте постоянно патрулировали американские истребители прикрытия. Они должны были дать отпор МиГам, если бы те поднялись в воздух. Со стороны казалось, будто заморские асы «стоят у ворот», вызывая наших на поединок. Отвага, эта наверняка объяснялась численным превосходством.

Тоан, глядя на небо, выходил из себя и бранился последними словами.

И все-таки янки держались в отдалении, словно пренебрегая такой «мелкой» целью, как аэродром.

Летчикам четвертой эскадрильи удалось совсем еще спозаранку сделать несколько вылетов, но потом непрерывные тревоги приковали их к земле. Зенитная артиллерия — особенно в стороне Ханоя — то и дело открывала огонь по самолетам.

К полудню противник исчез.

В час с чем-то поднялись и ушли на юг шесть МиГов соседней эскадрильи. Пилоты «четверки» не находили себе места. Наконец раздался знакомый гул возвращающихся машин. Все знали, что у ребят был бой с бомбардировщиками А-4, которые базировались на авианосцах Седьмого флота. Эти *смелые ястребы* — всего их было десятка, наверное, полтора — шли с бомбовым грузом с моря и никак не ожидали встречи с нашими МиГами. Один из них был сбит в первые же секунды, не успев даже отделаться от бомб. Другие, побросав груз куда попало, обратились в бегство, паля беспорядочно из пушек и пулеметов и оставив прикрывавшую их группу Ф-8 вести бой с нашими истребителями. Янки дрались отчаянно. Самолеты атаковали друг друга над самой поверхностью моря. Один «крестоносец», переломленный надвое взрывом, рухнул в воду, оставив над волнами клубящийся столб дыма.

Сообщение это привело Тоана в восторг. Он расхаживал по крыльцу, восклицая:

— Вот это да!.. Вот это да!

— Ничего не скажешь — звено Хоа, — сказал Шау. — Они всегда дерутся отлично.

После обеда пилоты четвертой эскадрильи снова прибыли на аэродром. Но, едва начался разбор предстоящих полетов, как из штаба полка пришел приказ: всем звеньям приготовиться к поочередному патрулированию над Ханоем.

Звено Лыонга вылетало одновременно с еще одним звеном. Восемь машин вышли на бетонную полосу и — пара за парой — взмыли в небо. Лыонг шел четвертым, замыкая строй. Впереди летели Бан, Тоан и Шау; казалось, их МиГи, отсвечивавшие белыми бликами, плывут в пространстве. Впереди намного ниже отпечатались на расплывчатом фоне земли четыре серых силуэта — второе звено.

Восемь истребителей держали курс на Ханой, четко сохраняя строй, будто связанные невидимой нитью.

— «Сосна»! Набрать высоту! — Голос Вана, отдавшего приказ, звучал взволнованно и радостно.

Четыре белых МиГа рванулись ввысь, в то время как другое звено опустилось еще ниже над городом. Пять тысяч метров... Шесть тысяч... Семь тысяч... Они забирались выше и выше в беспредельную синеву. Люди с земли видели лишь маленькие точки, вспыхивавшие белыми искрами, и искры эти становились все меньше и меньше. Только гул — ровный и высокий — доносился еще до земли.

Лыонг по-прежнему не отставал от товарищей. Они кружили на огромной высоте и, контролируя обширное пространство, прикрывали друзей, облетающих внизу Ханой. Отсюда невозможно было различить поля, улицы и дома. Черты жизни, созданной человеком, перемешались и слились с коричнево-зеленой землей, затянутой лиловым маревом. В стороне, совсем уже далеко, он увидел море, огромное и синее, выгнувшееся, точно второе небо.

Внимательно Лыонг наблюдал за «воздухом». Но небо было безмятежно чистым, противник не показывался.

Опустились сумерки. И зарябили полосы легких белых точек, похожие на птичьи перья. Звено, медленно снижаясь, летело теперь на запад. Самолеты все еще купались в ярких лучах солнца, а земля под ними, прежде блекло-золотая, утопала в фиолетовой тени. И вдруг среди пустынных гор, вздыбившихся с земли застывшими каменными волнами, он увидел крохотный домик на сваях, над которым поднимался синеватый дымок, как будто говоря: «Здесь есть люди!»

Они продолжали снижаться и шли прямо к Ханюю, чтобы встретить второе звено и вместе вернуться на базу. Горы Хоа-бинь{15} остались у них за спиной. Земля будто поднималась, становилась все ближе и ближе. Вот уже можно разглядеть отливающее металлом речное русло: ряды фруктовых деревьев; холмы, поднявшие круглые свои бока над полями, залитыми оливково-розовой водой; пересекающиеся, словно на шахматной доске, прямые линии каналов; большие деревни равнины — домики под соломой и черепицей, столпившиеся в тесном кольце бамбуковых изгородей; бегущие к перекресткам асфальтовые трассы дорог. А там — шеренги домов с квадратными красными кровлями, фабричные трубы, наконец, море крыш вперемежку с зелеными кронами, и — чуть подалее — мост Лаунг-биен{16}, длинная черта, пересекающая Красную реку...

Четыре серебристо-белых истребителя, сбросив скорость, проходят вдоль города. Они ложатся на крыло, разворачиваются и над Западным озером{17} пристраиваются к патрулирующему здесь звену.

Восемь машин делают круг над Ханюем. Восемь огненных ласточек покачивают крыльями, приветствуя дворец Национального собрания, площадь Ба-динь{18}, Президентский дворец, Пагоду на одной колонне{19} — здесь центр столицы, мозг государства; сюда сходятся десятки, сотни тысяч нервных волокон со всех концов страны... Под крылом у них пробегают старые улицы, вот уж который век теснящиеся к Озеру возвращенного меча{20}...

«Мы здесь!.. Мы здесь, слышишь, Ханюй!..»

VI

Впервые став командиром, Лыонг старался предусмотреть каждую мелочь и всячески помогал своему ведомому. Он и сам считался в эскадрилье молодым, но Тоан был моложе его на четыре года. Лицо у Тоана было в веснушках, глаза ясные и немного наивные, ресницы — длинные, загибающиеся кверху и книзу; ребята дразнили его «кукольными глазками». Одевался он всегда очень небрежно; только готовясь к полету, тщательно подгонял снаряжение и костюм. А вернувшись с аэродрома, натягивал мешковатые, вымазанные в глине брюки и разгуливал в сандалиях, из автомобильных покрышек. Он мечтал после войны выучиться на авиаконструктора и построить в ближайшие пятнадцать или в крайнем случае двадцать лет невиданные пассажирские и грузовые самолеты. Лыонг любил его не только за великолепное летное мастерство, но и за увлеченность и доброту, чуждую всякого расчета. Они хорошо летали в паре, и уже после первых тренировочных полетов каждый отлично чувствовал малейшее движение другого и понимал его замысел. Лыонг поражался способностям Тоана, который легко и точно повторял любой его маневр. И был уверен: если в бою его будет прикрывать Тоан, все пойдет отлично.

Сегодня после обеда Бан прощался с ребятами. Собрав нехитрое свое имущество, он уселся на чемодан и в последний раз оглядел маленькую комнату, где они жили вместе с Тоаном. С лица его вдруг сбежала привычная усмешка, он выглядел растерянным и грустным, словно ему невольно было покидать эти стены. С первого дня служил он здесь, в этом полку. И теперь опустевшая кровать со скатанной в рулон циновкой, стол, на котором не было уже книг, и смахивавший на иероглиф след от фотографий на стене — все как будто хотело удержать его, не выпустить отсюда. Конечно, солдат мало где задерживается подолгу, для него везде «дом», но сколько воспоминаний накрепко привязали его к здешним местам: лишения и трудности, поиск, и риск, и бои — жестокие бои, когда с ним рядом дрались однопольчаны — и живые, и те, кого уже нет...

Толкнув рукою дверь, вошел Тоан.

— Давай твой чемодан, отнесу его к воротам, чтоб не опоздать.

— Зачем? Шофер погудит, и я сразу буду там с чемоданом вместе. Лучше присядем. — Бан улыбнулся: — Знаешь, я долго буду вспоминать твою музыку.

— Да я толком-то и играть не умею.

— Нет, честное слово! Когда подрастет мой наследник, велю жене, чтоб его хоть малость подучили музыке. Жить будет веселее. А то ведь я, кроме как водить самолет, ничего не умею, разве что уток пасти!

— Жаль, не пришлось вместе провести хоть один бой.

— Кто знает, может, еще встретимся в воздухе в каком-нибудь большом сражении. Я очень надеюсь: когда увидимся снова, ты будешь уже партийцем. — Он встал. — Вроде машина?

Прибежал Шау.

— Авто ждет, — сказал он.

Шау крепко обнял Вана.

— Ну, будь здоров. Не забывай нас, пиши.

Щеки Шау вспыхнули. Бан ничего не ответил, только моргнул несколько раз.

Льонг подхватил чемодан, и они зашагали к воротам. Бан, улыбаясь, говорил молодым летчикам:

— Раз уж вы теперь в паре, должны из первого боя доставить нам «сувенир». Я в вас уверен, буду ждать.

Вся «четверка» собралась у ворот проводить Бана и других товарищей. Одни грузили чемоданы в машину, другие давали отъезжающим последние наставления, шутили, смеялись.

— Ну, давайте кончать проводы! — громко сказал командир эскадрильи Киен. — Пора садиться в машину, они опаздывают. Комиссар ждет уже на аэродроме.

Шофер включил двигатель. Бан последним забрался в кузов. Он все махал рукой, пока грузовик, доехав до перекрестка, не завернул к аэродрому.

Кхай вернулся в дом вместе с Лыонгом, Тоаном и Шау.

— Сегодня проводили командира звена, а завтра встречайте нового летчика! — улыбаясь, сказал политрук»

— Кто он, не знаете?

— Слышал только, что его зовут Доан, родом он из Као-банга{21} и недавно вернулся после окончания училища.

— О, я, наверно, его знаю. — Тоан вдруг повеселел: — Если это тот самый Доан, то мы с ним ехали учиться в одной группе. Только попали в разные училища. Мы возвратились раньше, а они остались еще на полгода.

— Скорее всего — это он. У вас, Шау, будет теперь самое молодое звено в эскадрилье. А молодежь должна быть во всем впереди.

— Ладно уж, постараемся! — Шау поднял голову и усмехнулся.

Кхай вдруг посерьезнел.

— Американцев здорово поколотили на Юге, и они теперь любой ценой постараются усилить бомбардировки. Так что ты, Тоан, можешь не волноваться, случай подраться тебе представится, и очень скоро!

* * *

Лыонг перебрался к Тоану. А на другой день прибыл новичок. Это был «тот самый» Доан — молодой парень из народности тай, рослый и крепкий, с белым румяным лицом, блестящими глазами и угловатым волевым подбородком — вылитый рыцарь из сказки. Он поселился вместе с Шау, назавтра же потребовал, чтобы его допустили на аэродром, и сразу начал летать в паре с командиром звена.

Уже после первых полетов друзья оценили новичка — его пунктуальный, дотошный характер, уверенность и редкую смелость.

Он был неразговорчив и медлителен, но любое дело у него спорилось. В воздухе он отличался точностью и осмотрительностью, во всем следовал указаниям командира. И на земле Доан не переставал тренироваться, чтобы возможно лучше выполнять функции прикрывающего. Кроме приемов пилотажа и ведения огня, он отрабатывал еще и движения глаз, необходимые для наблюдения. На летном поле, в дороге и даже дома он то и дело озирался по сторонам и с особым тщанием засекал все происходящее сзади, у него за спиной. Это вошло у него в привычку, — Надо вырастить у себя на затылке, — говорил он, — еще одну пару глаз!

Первый бой у Лыонга и Тоана произошел утром. Густые облака висели довольно низко над землей. МиГи шли вплотную друг к другу, держа курс на северо-запад. Оба — и ведущий и ведомый — были возбуждены ожиданием неприятеля, особенно Тоан. Каждый раз, когда Лыонг вызывал его по радио или поступали команды с земли, стоило услышать, каким голосом отвечал Тоан свое «ясно», чтобы понять, до чего напряжены у него нервы.

Облачность стала еще плотнее. С земли сообщили, что противник в пяти километрах от них, потом — в двух, потом... в шести. Однако заметить вражеские самолеты Лыонгу не удалось. Он понимал, что они скрытно кружат где-нибудь в облаках. Но рыскать по тучам в поисках неприятеля было бы бесполезно и опасно.

Он потянул на себя штурвал и приказал, чтобы Тоан тоже набрал высоту. Внимательно наблюдая отсюда за просветами в облаках, он был уверен, что противник неизбежно появится в поле его зрения.

— Двадцать четвертый, противник под нами! — раздался в наушниках голос Тоана.

Не успев еще толком ничего разглядеть, Лыонг автоматически развернул истребитель. Американец, выскочивший в щель между облаками, не ожидал встретить здесь МиГи и явно растерялся. Он положил машину на крыло и бросился в сторону. Тоан устремился наперерез. Лыонг, описав круг над ними, стал прикрывать Тоана. Он видел удлиненный серый силуэт Ф-105, не успевшего сбросить бомбы и дополнительный бак с горючим.

— Тридцать первый?! — Лыонг кричал во весь голос. — Идите на сближение! Открывайте огонь! Огонь!

Но Тоан не стрелял. Перейдя на форсаж, он старался приблизиться к американцу вплотную, чтобы дать залп наверняка.

Ф-105 сделал еще один разворот в сторону от преследователя, и Лыонг увидел, как от «громовержца» отделились черные капли — бомбы и дополнительный бак — и утонули в пучине облаков. Янки ринулся вниз и пропал в непроницаемом белом тумане.

«Ушел!..»

— Тридцать первый! Продолжайте наблюдение за...

Лыонг не успел закончить фразу: еще один Ф-105, вынырнув из нижнего яруса облаков, показался по правую руку. Американец резко пошел вверх, подставив брюхо под огонь Тоана. Тот мгновенно дал очередь, потом еще и еще. Но расстояние было слишком велико, и снаряды прошли мимо, чуть ниже американца.

— Тридцать первый! Хладнокровней! Стреляйте точнее.

Вызывая Тоана, Лыонг обернулся назад: «Так и есть, вражеские самолеты висят внизу...»

Тоан, форсируя скорость, преследовал «своего» янки. Он бросал машину из стороны в сторону, пытаясь обмануть американца, и обрушился на него сверху. Оба, оставляя за собой красноватые полосы отработанных газов, нырнули в облака и исчезли.

— Тридцать первый! Поднимитесь над облаками!

Ответа не было.

— Тридцать первый! Набирайте высоту и подстраивайтесь ко мне!.. Тридцать первый, вы меня слышите?

«Тоан онемел, что ли?..» — подумал Лыонг.

— «Жаворонок»!.. «Жаворонок»! Ешьте пирог! Ешьте пирог!..

Это был условный код, «земля» приказывала возвращаться.

Льонг сделал круг, ожидая Тоана. Он положил машину на крыло и вдруг увидел выплывшие снизу, позади него, две черные точки.

Он бросил свой истребитель вниз, успев заметить, как мимо прошла темно-зеленая сигара ракеты и разорвалась метрах в пятистах от него. МиГ пошел в атаку на два неприятельских самолета, но они сразу скрылись в облаках...

До самого своего приземления он так и не видел больше Тоана. Но по радио узнал, что Тоан возвращается.

Льонг вылез из кабины и нервно расхаживал взад-вперед по краю бетонной полосы. Минуты через три или четыре из-за облаков донесся гул мотора, и вскоре МиГ Тоана мягко прикоснулся колесами к земле.

Тоан соскользнул по стремянке и направился к своему ведущему. Но взгляд его, казалось, блуждал далеко отсюда. Он машинально придерживал кислородную маску, описывая свободной рукой какие-то линии и круги, словно припоминая фигуру танца. Льонг улыбнулся: «Тридцать первый никак не выйдет из боя и все прикидывает трассы и углы атаки...»

— Почему ты так опоздал? Решил загнать его на край света?

— Жаль, ушел! — Тоан остановился и поднял глаза, как будто прося прощения. — Я натворил кучу глупостей.

Вечером на собрании эскадрильи Льонг и Тоан выступили с самокритикой, разбирая причины своей неудачи. После них говорили многие. Особенно досталось Тоану. Он понурясь сидел на скамейке, и у него пылали не только щеки, но даже уши. Политрук эскадрильи подвел итоги. Затем перешли к разбору боевого задания на следующий день. Командир эскадрильи Киен сообщил:

— Прогноз на завтра хороший. С утра облачность до семидесяти процентов, высота тысяча двести — тысяча пятьсот метров. Противник, вероятно, будет стремиться нанести удар по объекту «А».

Летчики развернули полетные карты и разложили их на коленях. Они обвели красным карандашом объект «А». Киен, водя карандашом по своей карте, продолжал анализ возможных налетов неприятеля и наших боевых действий.

* * *

Сигнал отбоя прозвучал уже давно. Но Лыонг слышал, как Тоан ворочается с боку на бок и вздыхает. Лыонг приподнял полог накомарника и высунул голову.

— Спи, Тоан, — сказал он. — А то еще врач завтра не допустит тебя к полетам.

— Ага... Я все время ругаю себя. Как я мог так забыть. Промазал по нему с первого раза и от злости потерял голову.

— Чего там, не последний же бой. Такой урок пойдет на пользу, долго будешь помнить. Главное — не терять самообладания.

— Мне ужасно стыдно. Ты извини меня, Лыонг... — Помолчав, он снова негромко сказал: — Я получил плохое письмо из дому.

— А что?

— Отец тяжело болен, наверно, придется надолго положить его в больницу. Мне очень жаль мачеху. У нее на работе дел по горло, и с отцом надо возиться. А каково теперь с малышами! И сестра вроде опять повздорила с мачехой... Ей еще нет шестнадцати, ум-то наполовину ребячий, а тут еще «мудрецы» подзуживают. Вот она и считает себя сиротой. Все время ревнует отца и злится.

— Ты напиши ей.

— Я и сам решил послать ей письмо. Она меня послушает скорее, чем мачеху. Бывает, и отцу не под силу ее уговорить. Считает, что он пристрастен!

— Ты объясни ей все толком, она поймет.

— Ну, ладно. Постараемся уснуть!

Они замолчали, услышав на крыльце осторожные шаги врача.

Через день им снова выпало участвовать в бою. Утро стояло солнечное. Они получили приказ вылететь для поддержки ушедшего раньше звена. Противник бросил несколько групп самолетов на небольшой городок восточнее Ханоя. На небе было много мелких облачков. Оба МиГа входили в облака и вырывались в светлые пространства, держась вплотную друг к другу.

С командного пункта передали, что противник в двадцати, потом в десяти километрах. «Скоро войдем в соприкосновение с ним!» — подумал Лыонг. Белые блики над облаками искажали видимость. Он прикрыл глаза рукой и огляделся. Внимание его приковали горы, торчащие посреди долины. И вдруг он заметил над облаками черную точку: словно муха ползла по клочку ваты. В ту же секунду в наушники ворвался голос Тоана, летевшего сзади и чуть правее:

— Противник справа!

В этой ситуации положение Тоана было более выгодным.

— Тридцать первый! Сбросьте дополнительный бак! — приказал Лыонг. — Разворачивайтесь и атакуйте! Я вас прикрою!

МиГ Тоана взвился вверх. Лыонг шел за ним следом. Внимательно наблюдая за облаками, он заметил еще две черные точки в тысяче метров под ними.

— «Фантомы»! — раздался взволнованный голос Тоана.

В мгновение ока маленький МиГ сблизился с американцем и открыл огонь из пушек. «Фантом» стал стремительно набирать высоту. Тоан преследовал его по пятам.

Лыонг держался сзади. «Янки вынуждает Тоана развернуть машину по вертикали, чтобы подставить под ракеты своего напарника», — мелькнуло у него в мозгу.

И точно, сзади на максимальной скорости приближался еще один «фантом».

— Тридцать первый, маневрируйте! Немедленно сверните с курса!

Тоан сделал крутой разворот, бросив своего противника. Лыонг решил было подстроиться поближе к нему и вдруг увидел справа и слева несколько Ф-105, выскочивших неведомо откуда. Ему видны были их полосатые спины и острые куцые крылья, похожие на рыбы плавники. Они шли со стороны гор, меняя на ходу высоту, и перестраивались, вытягиваясь в ряд для захода на городок, видневшийся внизу, на равнине.

МиГ Тоана маневрировал, стараясь вклиниться между группами неприятеля. Вдалеке над населенным пунктом выросли хлопья зенитных разрывов. «Значит, головные машины противника уже там!..» Дым от снарядов и линии отработанных газов из реактивных турбин смешивались с дымом и пылью, взметенными с земли разрывами бомб, и все плотней застилали горизонт.

«Фантомы» продолжали идти прежним курсом. Лыонг насчитал уже четыре звена, а сзади видны были еще самолеты.

Его охватила ярость. Он . выбрал четыре ближайшие машины и атаковал последнюю, замыкавшую строй. Американец ушел в сторону и торопливо сбросил бомбы. МиГ обрушился на следующее звено, и «фантомы» рассеялись перед ним в беспорядке.

— «Жаворонок»!.. «Жаворонок»!.. — позвала «земля». — Ешьте пирог!.. Во что бы то ни стало ешьте пирог!

— Янки идут навалом! Надо их бить, есть пироги некогда!

Стремительный и легкий, как сокол, ворвавшийся в стаю воронья, МиГ дрался один против многих. И всюду, где б он ни появлялся, ломался строй воздушных пиратов: одни сбрасывали куда попало бомбы, чтоб облегчить себе бегство, или стремились уйти, прижимаясь к земле; другие отвечали огнем на огонь и старались зайти в хвост, чтобы расправиться с ним без помех. Лыонг выпустил уже пять залпов. Он старался атаковать как можно плотнее, бить наверняка, чтоб не расходовать зря боезапас.

— Задымил! Один задымил! — ликовал в наушниках голос Тоана.

Лыонг поднял машину вверх и увидел внизу Ф-105, волочивший за собой черноватый дымок, точно раскуренная сигарета, а чуть повыше — преследовавший его истребитель Тоана. Три вражеских самолета заходили ему в хвост.

— Тридцать первый! Противник сзади!

— «Жаворонок», внимание!.. «Жаворонок», внимание!.. Друзья близко от вас!

МиГ Тоана развернулся и шел на сближение с ведущим. Небо вокруг них было «чистым». Но над горизонтом продолжался ожесточенный бой. Зенитки вели частый огонь. В воздухе висел дым. Снизу, с полей, куда побросали свои бомбы американцы, медленно поднимались желтоватые столбы гари.

Вдалеке как будто появилось звено МиГов. И вдруг Лыонг заметил внизу темные отсвечивающие силуэты. Он развернулся. Теперь уже ясно были видны несколько Ф-105; они шли прямо на городок.

— Я тридцать первый!.. Четыре Ф-105 выходят к объекту.

— Атакую! Тридцать первый, прикройте меня поплотней!

Машина Тоана показалась над головой ведущего. Лыонг вошел в пике, наметил второй самолет в группе, открыл огонь и выпустил по нему все до последнего снаряда. Выровняв машину, он услышал голос Тоана:

— Янки теряет управление! Видно пламя!

Оба МиГа, набрав высоту, встретили звено своих, заняли место в строю и вместе легли на обратный курс.

* * *

После этого боя вражеское радио и служба информации подняли громкую шумиху, расписав его как великую победу. На следующий вечер приехал Би, комиссар полка. Улыбаясь, он спросил у Лыонга и Тоана:

— Как же это вы дали, чтоб американцы обоих вас «сбили»? — Потом он похлопал Лыонга по плечу и сказал: — Ну, ребята, собирайтесь завтра с утра пораньше в Ханой. Горком Союза трудящейся молодежи пригласил от нас двух человек выступить с докладом. Там будет собрание представителей молодежи с заводов и учреждений города.

— Какие из нас докладчики!

— Ничего-ничего. Расскажите, как воюет ваша эскадрилья. Излагайте все, как есть; конечно, не приукрашивайте и лишнего ничего не говорите. После собрания не забудьте сходить в госпиталь, проведать там наших. Послезавтра в пять тридцать утра ждите у моста Лаунг-биен, пойдет машина в полк. Тоан, твоя семья в Ханое или эвакуировалась?

— Разрешите доложить: бабушка с малышами уехала из города, мачеха по-прежнему работает в Ханое, сестренка, старшая, учится в пригороде.

— Я слышал, у тебя отец болен. Передавай ему самые лучшие пожелания. Раз уж ты побываешь дома, постарайся, наладь там мир и согласие. Вы друг за другом присматривайте. Берегите здоровье, не засиживайтесь допоздна.

VII

На собрании молодежи друзья чувствовали себя сперва непривычно. Шум перекатывался волнами по рядам стульев, плотно наставленных в зале старинного диня{22}.

Девушка из горкома представила их собранию. Поднялся Лыонг. Долго не смолкали рукоплескания. Сколько блестящих глаз, сколько улыбок встречали каждую его фразу! Он смутился, говорил не очень связно и сразу передал слово Тоану. И все-таки сорвал громкие аплодисменты; конечно, он понимал: хлопали не ему и не его красноречию, а тому, что он летчик. Когда Тоан начал рассказывать о боевых делах эскадрильи, воцарилась мертвая тишина, изредка взрывающаяся громом аплодисментов, грозивших обрушить древнее здание.

В перерыве десятки парней и девушек обступили Тоана, выспрашивали подробности. В коридоре, возле стола, уставленного термосами и чайными чашками, Лыонг тоже очутился в кольце внимательных, добрых глаз. Стоявшая неподалеку девушка в синей блузке показалась ему знакомой. Разговаривая с приятелями, она поглядывала в его сторону и вроде бы улыбалась. «Черт, где я мог ее видеть?..»

Когда вокруг Лыонга стало поменьше народу, девушка подошла к нему, щеки ее зарделись.

— Вот уж не ждала, что именно вы приедете к нам сегодня.

— Да-а...

— Что Дао вам пишет?

— Понятно: вы — Туйен! — воскликнул он, только сейчас вспомнив ее по фотографиям, где она была снята рядом с сестрой.

— Я давно хотела поздороваться с вами, но здесь была такая толпа. Дао прислала вам посылку, она лежит у меня дома. Вы скоро освободитесь?

— В двенадцать я должен обедать у Тоана. Потом надо зайти в госпиталь... Что, если, скажем, часа в четыре я загляну к вам?

— Ладно, тогда у меня и поужинаете.

— Не знаете, что там Дао прислала?

— По-моему, свитер — сама связала, и еще что-то. Я не успела отослать по почте. Зато теперь есть okazия.

— Здесь от жары прямо на глазах таешь, а она посылает свитер!

Туйен рассмеялась, пожала ему руку и убежала в зал. Звон колокольчика звал всех на собрание. Лыонг сел в последнем ряду.

* * *

Днем было две тревоги. Но Ханой к ним уже привык. Через несколько минут после сирены с улиц исчезали прохожие. Люди укрывались под деревьями, сидели на краю круглых ячеек{23}, уходили в убежища, перекрытия которых высились над тротуарами.

Вторая тревога застала Лыонга посреди улицы по дороге в госпиталь. Он соскочил с велосипеда и прислонился к стволу шау{24}, вслушиваясь в раскаты загрохотавшей где-то на северной стороне города канонады. Появились два МиГа и сделали несколько кругов в небе. Все подняли головы и внимательно следили за самолетами.

Выйдя из госпиталя, он объехал на велосипеде несколько улиц и сделал покупки, заказанные ребятами. Так что к Туйен он добрался с опозданием, да и жила она далеко, чуть не в самом конце Литейного ряда{25}, откуда уже начинались предместья. Между двух- и трехэтажными домами здесь попадались еще маленькие домики под старинной черепицей, сбегавшей к потемневшим от времени колоннам из железного дерева. Над ними широко простирали свои ветви с ярко-зеленой листвой древние банги{26} — у каждого ствол в несколько обхватов. А за старыми домиками и прудами вдруг вырастали прямоугольники недавно построенных больших коммунальных домов, выкрашенных: розоватым раствором извести.

Туйен жила в маленьком кривом переулке. Миновав кирпичные ворота и узкий двор, крытый железом, где помещалась артель, изготавливавшая замки, Лыонг увидал старый невысокий дом, в обоих этажах которого, судя по всему, обитало немало народу. Он оставил велосипед под деревянной лестницей и поднялся на узкую длинную галерею; сюда выходило множество дверей — все были плотно прикрыты. Не зная, как быть, он поколебался минуту, потом легонько постучал в филенку ближайшей двери.

— Кто там? — спросил ворчливый женский голос.

— Будьте добры, где здесь живет Туйен?

— Последняя дверь.

«За что ей досталась такая свирепая соседка?» — улыбнувшись, подумал он.

Подойдя к последней двери, он постучался и стал ждать. Раздался торопливый стук шагов, и дверь приоткрылась.

— Вы... входите, пожалуйста... Входите.

Она помогла ему снять рюкзак и повесила его на вешалку рядом с маленьким зеркалом.

— Я только вернулась. Ну, думаю: пришел вовремя, никого не застал, и теперь его не сыскать.

— А я боялся, что безнадежно опоздал.

Туйен — он только сейчас это заметил — переминалась с ноги на ногу, и рукава ее блузки были закатаны выше локтей.

«Ясно, я оторвал ее от домашних дел...»

— Никуда не денешься. Одно название «выходной день», а с утра до вечера — заседаем. Сперва беседа с вами, потом — собрание. Из-за тревоги оно еще больше затянулось. Ничего, вы посидите немного, я мигом приготовлю ужин.

— Нет уж, давайте я вам помогу. Я — очень одаренный помощник повара.

— Неужели! Ну раз так, займитесь пожалуйста, овощами.

Комната у Туйен была маленькая, с низким потолком, но зато выходила на небольшой балкон, где был даже водопровод. Там под навесом из циновки помещалась и кухня. В кране сейчас не было воды, но рядом стоял наполненный до краев большой глиняный кувшин, возле него лежала вязанка дров.

Он вышел на балкон, взял низенькую табуретку, уселся на нее и начал мыть овощи. Туйен, присев рядом, проворно разделывала рыбу.

— Вы уж не взыщите за скудное угощение.

— Да к такой рыбе ничего и не нужно!

— И правда, чой{27} совсем свежий. Побежала после собрания на базар. Боялась, что все уже раскупили. А вот — повезло.

— Ханой, замечаю я, не изменился: все как до войны. И народу на улицах полно!

— И это ведь после эвакуации. Но детей стало меньше.

«Да, она права, — подумал Лыонг, — не стало на улицах малышей со школьными портфелями и шумных ребячьих ватаг в скверах и на берегах озер.

...И вообще в городе много необычного! Сегодня в полдень из окна Тоана я видел, как в начале улицы, покачиваясь, плыли над зеленью сквера две плетенные из пальмовых листьев желтые шляпы: женщины пропалывали газоны. Потом они поливали клумбы. А тут же, рядом, люди, стучали мотыгами, копая ямы для убежищ, опускали в них широкие бетонные кольца и плотно утрамбовывали землю. Темные круги ячеек тянулись все дальше и дальше вдоль стволов старых раскидистых шау, укрывавших их своей тенью...»

Он перемыл овощи и глядел теперь на открывавшийся перед ним город, над которым в лучах заходящего солнца золотилась легкая дымка пыли. Город шумел и клокотал, не умолкая ни на минуту.

Когда поспела еда, уже вечерело. Туйен накрыла ужин на маленьком столике у окна, выходящего на балкон. От кухонного жара щеки ее покраснелись, и черные глаза казались еще ярче. Она подала на стол котелок с вареным рисом и похлебку из рыбы, над которой клубился ароматный пар.

— Давайте есть, пока все горячее, — сказала она. — А, чуть не забыла приправу!

Открыв тумбочку, стоявшую у изголовья кровати, она достала маленький сверток.

— Черный перец из Винь-линя. Ньон такой внимательный, всегда приезжает с подарком.

Она засмеялась, и глаза ее лукаво блеснули.

«Конечно, она когда-то тоже покровительствовала Дао и моему свояку...»

Туйен вышла на балкон, умылась, поправила прическу и уселась за стол румяная и свежая, как распутившийся лотос.

За окном совсем стемнело. Поля, засаженные муонгом^{28}, и подернутые болотной чечевицей^{29} пруды утонули во мраке. Видны были только электрические огни, их становилось все больше и больше. В темноте, окутавшей предместья, вспыхнули, озаряя край неба, этажи новых домов.

— Не правда ли, Туйен, даже отсюда видно, что Ханой — настоящий социалистический город?

— Да. Когда я только сняла эту комнату, за домом были сплошные свалки и мусорные кучи. Летом от долетавших оттуда ароматов даже голова кружилась; да и в дождливое время приходилось несладко. А сейчас вот разбили парк, домов понастроили. Осталось несколько старых улочек, да и там чистота и порядок. Если б не война, здесь бы за два-три года выросли новые городские кварталы.

— Дао долго жила у вас?

Туйен подняла на него глаза.

— Она переехала ко мне сразу после смерти матери. И после замужества прожила у меня с год, пока ее не перевели на работу в Киеу-шон. Тут мы с ней и расстались.

Улыбнувшись, Туйен снова взглянула на него.

— Она очень вас любит. По-моему, другую такую сестру не найти.

Он тоже улыбнулся и обвел глазами комнату.

— И не тесно вам было вдвоем?

— У нас всей мебели только и было что две кровати. Когда заходили гости, мы рассаживали их по кроватям. А одной — вроде бы ничего. И балкон есть. Я здесь давно, привыкла.

— Жаль их, поженились, а не видятся годами. У него вообще здесь, на Севере, нет никакой родни. Смешно: мы друг друга и в глаза не видели. Чего доброго, встретимся и подеремся еще со свояком.

— Ньон очень хотел познакомиться с вами. Так все нескладно вышло: они с Дао собирались съездить к вам на аэродром. Но он, как кончилось совещание, сразу уехал обратно, в Винь-линь. Живут, как птицы. Дао ужасно за него волнуется! Просто она никому не рассказывает. Он ведь служит на самой границе. Их там все время обстреливают, а бывает, и Б-52 налетают со своими бомбами.

Она помолчала, глаза ее стали печальными.

— Но как бы их ни разбросала судьба, все равно — они всегда вместе.

Вдруг она зарделась, встала и вышла на балкон. Лыонг увидал, как она присела спиной к нему у очага и, нагнувшись, раздувает огонь.

Поужинав, они сидели и распивали чай. Туйен выпрашивала у него: как выглядит земля и какие города за границей? Как там живут люди? И еще: вот когда летчик летает на самолете над нашей землей и над чужими странами, видна ли оттуда, сверху, хоть какая-то разница?

Она сидела у лампы, прикрытой бумажным абажуром, и задумчивый взгляд ее уносился куда-то вдаль.

— Знаете, Туйен, каждая страна хороша по-своему. И люди труда везде любят свое дело, у них всегда щедрое сердце. Я и сам-то немного видел. По службе пришлось побывать в двух больших странах, у наших друзей. Если говорить о природе, то золотая осень в Советском Союзе, по сравнению с тем, что бывает у нас, кажется чудом. До сих пор помню, как шел я по Ленинским горам в конце сентября или в октябре. Солнце было ясное, ласковое, и небо высокое и прозрачное, как у нас в канун Тета, а вокруг бескрайнее золотое

море. И сам этот цвет такой яркий и свежий, будто под каждой веткой спрятаны фонарики. Зимой — небо чистое, синее и солнце светит вовсю, а земля кругом белая-белая, и на деревьях ни листика. Поля и деревни под снегом выглядят такими веселыми, и на всех крышах точно белые ватные пелерины.

В Китае многое уже напоминает наши пейзажи. Но Север у них все-таки выглядит по-другому. Когда в сухое время года летишь над долиной Хуанхэ — небо ясное и непрестанно дует ветер, поднимая желтую пыль до небес. Кругом все окутано желтой дымкой, словно туманом. Только увидав это своими глазами, можно понять стихи:

Когда ураган землю и небо

смешает, вздымая пыль...{30}

У нас, в Ханое, к примеру, ива редкость, а за Пекином вдоль больших дорог на десятки километров тянутся ивы. Представьте себе: тысячи ив стоят, наклонив свои ветви к земле!

Ну, о характерах людей я могу судить лишь по недолгим своим наблюдениям. Обычаи и нравы повсюду разные. У каждого народа своя жизнь, своя история, и мы не должны мерить каждого нашей меркой. Русские, например, вспыльчивей нас, но характер у них прямой и открытый. Когда они не согласны с чем-то, то сразу повышают голос и сердятся, но зато быстро отходят. И они физически очень сильны. Я встречался с простыми советскими людьми, они добродушны и гостеприимны. Но, если им придется воевать, они будут драться насмерть и перешибут хребет любому захватчику, который вторгнется на их землю. В китайцах мне больше всего понравилось трудолюбие и упорство. Добросовестностью, усердием и ловкостью мало кто с ними сравнится.

А о нашей земле, хоть я и летал над ней столько раз, не знаю, что и сказать. Она у нас очень красивая. Пускай невелика и не можем мы похвалиться бескрайними просторами, но она могуча и прекрасна. Высокие горы ее подходят к самому морю, и бегут к нему ее полные реки. Она многолика: в недолгом полете видишь и грозные вершины, одетые лесом, похожие на штормовые волны; и поросшие деревьями

холмы; и плодородные равнины, где простираются сады и пашни — зеленые, коричневые, розовые, переливающиеся под солнцем. А сколько у нас рек, сколько воды! Куда ни глянь, всюду поблескивают речные протоки и русла, змеятся каналы. «Ясная»... «радостная» — эти слова, пожалуй, подходят к ней больше всего. Строга ли она и сурова или тепла и добра — все равно она радостна и ясна. Точь-в-точь, как и наши люди, — пусть живут они пока бедно и хлопотно, они всегда ясны, ясны и радостны...

Он умолк. Слишком уж бедными показались ему его собственные слова. Он понял, что не в силах передать всего, что прочувствовал, пережил и передумал. Взглянув на Туйен, он улыбнулся. И, может быть, эта улыбка о многом сказала ей больше, чем его слова. В глазах у нее засветилась любовь и гордость, и она улыбнулась в ответ.

Он вдруг увидел, как хороша Туйен. У него даже захватило дыхание. Лицо ее, простое и умное, словно лучилось радостью и печалью, любовью и гневом, надеждой и раздумьями, рожденными долгой годиною горестей, тягот, лишений и безграничного мужества — всего, что передавалось из поколения в поколение и что только мы можем оценить и понять до конца...

Кто же убил птичку... -

прозвучала нежданно в его памяти строка стихов.

Кто же убил птичку,

Распевавшую песни на ветке...

«Это — стихи школьника из Сайгона... Стихи о том, как растлевают молодежь в городах Юга. Иногда у нас перепечатывают отрывки из статей американских газетчиков про «девиц из чайных домиков», «балеринок» и «самых дешевых временных жен», которых можно купить на сайгонских улицах или у любой американской базы. Янки не только сеют разрушение и смерть, но и норовят затоптать в грязь все самое дорогое и светлое в жизни! Десятки тысяч солдат, офицеров, торгашей, политиканов и шпионов — стаи саранчи, перелетевшие сюда из Америки! Их карманы набиты зелеными и красными долларовыми бумажками. И тысячи девушек, жизнь которых должна

была стать достойной и чистой, отбросив свои чувства, ломая гордость, должны продавать себя за никчемные эти бумажки, имеющие великую силу там, где «на первом месте американцы, на втором — шлюхи». Это чудовищно! Невыносимо! ..»

Кто же убил птичку...

Он нагнулся и, щелкнув зажигалкой, закурил сигарету. Затянувшись несколько раз, стал глядеть в темноту за окном, чтобы скрыть охватившее его волнение.

В долетавший издалека шум уличного движения и звуки репродукторов вдруг ворвался пронзительный вой моторов и железный лязг гусениц. Туйен тоже выглянула из окна: на дороге, опоясывавшей предместье, сверкали огоньки фар, и лучи света, точно иглы, вонзались в небо.

— Тягачи с пушками.

— Вон летит самолет. Вам видно, Туйен?

Он показал ей огоньки — зеленый и красный. Между ними все время моргал еще один — белый — огонек, словно оттуда, из ночи кто-то настойчиво окликал землю.

— Он просит посадки на аэродроме.

— Как интересно!

Она засмеялась весело и звонко, совсем как ребенок. Льюнг резко встал.

— Бьют зенитки!

— Где?

— Да вон, взгляните на небо.

— А я ничего не вижу.

— Смотрите, вон там вспышки, как далекие молнии. Сейчас разорвутся снаряды, потом услышите взрыв.

Вдалеке, где-то за крышами, за верхушками деревьев полыхнули желтые зарницы, и через несколько секунд донесся гул канонады. Туйен вернулась в комнату.

— Наверно, сейчас объявят тревогу. Мне пора. Надо еще все приготовить. А то досижу до сирены, не успею на завод.

Она торопливо сняла что-то с вешалки, открыла дверь и вышла из комнаты, а через несколько минут вернулась уже в спецовке и старых синих брюках. На голове у нее была надета матерчатая кепка.

Льонг по-прежнему стоял у окна.

— Сирены не слышать, и пушки замолчали. Скорее, всего он пролетел мимо.

Она покосилась на будильник, стоявший на столе.

— Мне все равно пора уходить. Я сегодня в ночной смене... Пойду я, а вы оставайтесь здесь, отдохните. Договорились?

— Я обещал вернуться к Тоану.

— Лучше берите пример с Дао, будьте здесь как дома!.. Ведь вам хоть немножко нужен дом?

Она опустила полог над изголовьем кровати, потом взяла стоявшую в углу у стены винтовку и перебросила ремень ее через плечо.

— Вы уже стреляли по самолетам? — улыбаясь, спросил он.

— Один раз, двадцать девятого прошлого месяца. Но пока не сбила ни одного! — Она посмотрела на Льонга и рассмеялась. — Надо у вас поучиться. Вы и ваш друг утром рассказали много такого, что мне и в голову бы не пришло. Нет, наши летчики — молодцы, герои!

— Да что там, у нас ведь в руках какое оружие и инициатива в небе. Вот вы, рабочие, днем и ночью трудитесь в своих цехах, а в них-то и

метит враг. Когда прилетают бомбардировщики, вы встречаете их огнем, а потом возвращаетесь снова к станкам. Вы, у кого лишь простые винтовки, по-моему, — без шуток — вы подлинные герои! Да и сколько мы сбили самолетов по сравнению с «землянами»?!

Слушая его, Туйен продолжала собираться. Она достала из тумбочки кошелек, взяла с балкона полотенце и мыло, сложила все в красивую плетеную корзинку и повесила ее на руку.

— Ну, я пойду. Шаль, не успела обо всем вас расспросить. — Она улыбалась, глаза ее блестели. — В общем, оставляю вам мой дом. Если уйдете к Тоану, повесьте, пожалуйста, ключ в углу за дверью.

Она вышла на галерею. Лыонг взглянул на изголовье кровати и крикнул:

— Эй, Туйен! Вы забыли боеприпасы!

Он вынес кожаный пояс с подсумками и протянул его девушке.

— Какая же я растяпа!

Она покраснела и быстро сбежала по ступенькам.

Оставшись один, он сел у стола, на котором стоял чай, и засмотрелся на ночной Ханой. Радость переполняла его, и он поймал себя на том, что улыбается, сам не зная чему.

«Если бы Дао увидела меня здесь, она б наконец успокоилась! Отсюда, из этой крохотной комнатки, год за годом сестра писала мне письма; о чем только не говорилось в ее «депешах»... И я чуть не с другого конца света посылал «домой» идущие от сердца слова. А «дом» этот — вот он...»

На лестнице слышались тяжелые шаги. Он выглянул на галерею.

— Ага! Давай-давай, заходи!

Тоан просунул голову в дверь и круглыми от удивления глазами обозрел комнату:

— Ушла?

Льонг расхохотался:

— Увы, ушла на работу. Но мне вручена полная власть над этими апартаментами — до завтрашнего утра. Войдите, сделайте милость. Стаканчик чаю?

— Нет-нет, я ведь пришел на смотрины! Тоан, войдя в комнату, тотчас направился к фотографии Туйен, висевшей возле окна.

— Господи, боже мой! До чего ж хороша!

— Потише! Соседи еще бог весть что подумают. Лучше скажи, как у тебя дома дела?

— Нет ни минуты покоя. К отцу пришли друзья — навестить его; потом приятели разнюхали, что я вернулся, и тоже явились. Только что разошлись. Вот теперь-то я с сестрой и потолкую. Ну, поехали?

— Ага.

Льонг встал было, но вдруг заколебался:

— Слушай, Тоан, может, я лучше здесь переночую? Чтобы ты мог спокойно поговорить с сестрой и с мачехой. Я вас буду только стеснять. Давай прямо завтра в пять тридцать встретимся на мосту.

— Как хочешь. — Тоан с хитрецей взглянул на него. — Ну, я пошел. Не забудь, комиссар, запретил засиживаться!

Он с грохотом сбежал по ступенькам. Льонг снова с улыбкой оглядел комнату. Туйен торопилась и опустила полог только наполовину. Узкая деревянная кровать была застлана циновкой, расписанной цветными квадратами; накомарник не был опущен; на циновке лежала маленькая подушка и пестрое одеяло. Трудно сказать, почему, но сразу можно было догадаться, что это девичье ложе. Постояв еще немного, он подтянул полог, взял свой рюкзак, вынул одеяло и расстелил его на полу у балконной двери. Потом достал противомоскитную сетку, улегся и немного погодя заснул, как убитый.

...Его разбудил грохот разрывов. Он вскочил и поглядел в окно на темное ночное небо: ожерелья огненных бус одно за другим взлетали ввысь. Свист зенитных снарядов, взрывы и шелест осколков сливались с ревом реактивных самолетов и протяжным всем сирены. Минут через десять все смолкло. На улицах были потушены огни, в темноте слышались перекликающиеся людские голоса. Наконец сирена прогудела отбой, и зажглось электричество.

Он включил лампу и посмотрел на свои часы: половина третьего. Погасив свет, он снова лег, закрыл глаза и вдруг увидел перед собой Туйен — лицо ее было точь-в-точь как тогда, у лампы. Прежде чем уснуть, он долго еще ворочался с боку на бок.

Проспал он до начала пятого. Быстро встал, собрался и через четверть часа уже сидел за столом и писал на клочке бумаги записку Туйен. Он оставил ее на видном месте, вышел и запер дверь. Соседи еще спали. Стараясь не шуметь, он спустился по лестнице, взял велосипед и помчался, как на кроссе, к мосту Лаунг-биен. Он был там в пять с минутами. Тоан явился следом за ним.

* * *

В шесть утра Туйен вышла из заводских ворот, села на велосипед и быстро покатила домой. Работать в ночной смене было нелегко. Она осунулась и выглядела усталой. Торопливо взбежав по лестнице, она сразу увидела ключ, висевший в углу на стене, отворила дверь и тихо вошла в пустую комнату. В глаза ей бросился лежавший на столе листок. Она сняла винтовку, взяла со стола записку и оглядела комнату; потом, усевшись за стол, перечитала несколько раз короткие строчки и долго еще сидела, улыбаясь. Затем она встала, подошла к зеркалу, сняла спецовку, запятнанную машинным маслом, нацепила на вешалку кепку, повела раз-другой плечами и вздохнула полной грудью. Заперев дверь, она улеглась на кровать, натянула на себя одеяло и через несколько минут уже крепко спала. На губах ее долго еще сохранялась улыбка.

VIII

Июль стоял жаркий. Летчики четвертой эскадрильи участвовали в боях и, кроме того, умудрились закончить программу тренировочных полетов. В одни сутки они умещали три-четыре дня. Все эскадрильи полка и соседи побывали в воздушных боях, без которых не проходило и дня. О них очень мало говорилось в газетах или по радио: несколько скупых фраз, не больше. Лишь вражеская пресса поднимала шумиху после каждого столкновения с «северовьетнамскими МиГами». Но пилоты знали о действиях других летных частей, знали подробности каждого боя — побеждали мы в нем или несли потери, — опыт любой, даже одиночной воздушной схватки становился достоянием всех.

* * *

В районе авиабазы противник не довольствовался уже разрозненными бомбежками ближних деревень; он стремился прорваться вплотную к аэродрому. Судя по всему, он перебросил сюда отборную авиационную часть. Ребята из «четверки», следившие за действиями неприятеля, сразу отметили высокое мастерство вражеских летчиков. Американцы стали искусно пользоваться складками рельефа и руслами рек, чтобы незаметно выйти на цели и нанести внезапный бомбовой удар. Обычно они действовали двумя группами: одна бомбила объект, а другая прикрывала ее с воздуха. Янки прибегали к тактическим хитростям: то и дело меняли время налетов, неожиданно сворачивали с курса и атаковали пункты, как будто лежащие в стороне.

Однажды около полудня группа самолетов появилась неподалеку от аэродрома и вызвала на себя огонь противовоздушной обороны. В это время зашедший издалека разведчик промчался на бреющем полете над самой бетонной полосой. Летчики как раз отдыхали дома. Шау выбежал во двор. Щурясь от солнца, он проводил янки взглядом и улыбнулся:

— Орлы сами нарываються на нас!

Тоан тоже выскочил на крыльцо.

— Хорошо бы сбить парочку прямо над аэродромом, а, Шау!

Конечно, эту мысль лелеял не он один.

Лыонг, как и все, не имел ни одной свободной минуты; перегрузка и напряженность стали уже «бытом».

На рассвете они, по обыкновению, сидели в «зале ожидания». Треща и чихая, подъехал мотоцикл Фука, сзади сидел Кхай.

— А, Кхай! — закричали летчики, следуя установившейся уже традиции. — Опять нас обошел!

Но мотоцикл вдруг остановился, политрук спрыгнул на землю и вытащил из кармана конверт.

— Эй, Шау, тебе письмо! — крикнул он.

Шау моментально очутился рядом и протянул руку. Мотоцикл зарычал, обдал его гарью и уехал. Он подошел к фонарю. Конверт был маленький — в половину ладони — измятый и пожелтевший, синие чернила на нем выцвели и потускнели. Где только не побывало это письмо прежде, чем дошло до адресата!.. Подъехал «автобус», Шау сунул конверт в карман и вместе со всеми забрался в кузов.

Лыонг потеснился, чтобы он мог сесть поудобней, достал свой фонарик и протянул другу. Тот молча надорвал конверт и склонился над письмом. Он так и сидел, ссутулясь, одной рукой прижимая к колену листок бумаги, а в другой держа фонарик. Машину трясло, и светлый зайчик прыгал по строчкам. Закончив страницу, Шау перевернул листок и стал читать дальше. Наконец фонарик погас. Он поднял голову и сидел молча, глядя на первые проблески зари. Потом снова нагнулся, включил фонарик и перечитал какой-то отрывок письма. Фонарик опять погас. Шау вернул его Лыонгу, засунул письмо в конверт и спрятал в нагрудный карман.

— Ну, что?

— Письмо от жены. Куча новостей.

Лыонгу почудилось, будто на лице Шау, полускрытом тенью от каски, затеплилась улыбка.

Семейные дела Шау, как и других его земляков, были далеко не просты. Правда, он мало рассказывал о себе. Лыонг знал понаслышке, что у Шау мать-старуха и жена на Юге.. Они с женой были из одной деревни и сыграли свадьбу за несколько дней до ухода его на Север{31}. Он не хотел в такое время связывать ее, но она требовала, чтобы они поженились. Она была с ним вместе до последней минуты, куда он не сел в лодку, уходившую к польскому пароходу. Здесь, на Севере, и потом, во время учебы за границей, — лет девять или десять — он не имел никаких вестей из дому. От деревни их до Сайгона не будет и тридцати километров; не так уж трудно представить, сколько крови пролилось там за эти годы — при Нго Динь Диеме и прочих сменивших его прислужниках янки. И только в прошлом году, когда Шау был уже в полку, он получил первое письмо — прямо на взлетной полосе между двумя боями. Из письма он узнал, что мать и жена живы, что у него родился сын; но в семье у них пять человек убито, а сестра его, после пыток, стала калекой...

Машина въехала на аэродром. Летчики с шумом выпрыгнули на землю. Шау шел в стороне от всех. Вдруг он положил руку на плечо Лыонга:

— Представляешь, жена получила письмо, которое я послал в апреле прошлого года. Можно считать, переписка налажена.

— Все в порядке?

— Да. Он разбросал по всей округе ядохимикаты, леса стоят без листьев. И днем и ночью бьет по деревням из орудий: еще не слышать выстрелов, а уже рвутся снаряды.. Но все равно, даже кофейня деревенская не закрылась; правда, она тоже теперь под землей. Народ у нас наострился рыть подземные ходы. Пройдут по ним и нагрянут на карателей. Они дрались с американской и австралийской пехотой, не говоря уже о сайгонских «героях».

Бывает даже, партизаны из соседних уездов «одалживают» наши подземные ходы, чтобы напасть на янки. Малыш мой у бабушки; теперь уж они наговорятся про «папу на Севере».

Вчетвером — все звено — они сидели вокруг карты, изучая еще и еще раз трассы полетов противника, и прикидывали, как бы его подоспелее встретить. Шау наморщил лоб и покосился на Тоана:

— Ты все-таки старайся не увлекаться. Не горячись, не гоняйся за любым самолетом. Когда выберешь цель, не упускай из виду другие машины; и главное — не отрывайся от товарищей.

Тоан покраснел и кивнул головой.

— С «новоприбывшими» надо быть поосторожней, — вмешался Лыонг. — Мне кажется, они берут теперь меньше бомб на случай встречи с нами, чтоб легче было сразу принять бой. Если не учтем этого, можем влипнуть!

— Правильно, — подхватил Шау. — Из штаба сообщают, что янки опять ставят на самолеты двадцатимиллиметровки — по шесть пушек{32} на машину, чтоб иметь большую огневую мощь для ближнего боя. Они уже не полагаются, как раньше, только на ракеты, и вообще стараются преподнести нам побольше неожиданностей! Вы дрались неплохо, но впереди тяжелые и жестокие бои. Ну, а наше пополнение, — он поглядел на Доана, — получит хорошее боевое крещение.

— Я — замыкающий, моя позиция самая выгодная, — улыбнулся Доан.

— Если говорить о тактике, у нас появляется новое преимущество — будем взаимодействовать с зенитными частями.

Едва Шау успел поднести руку к карте, как Тоан рывком вскочил на ноги.

— Тревога!

Они побежали к самолетам. Через несколько секунд все сидели уже в кабинах, готовые к вылету. Аэродром затих, ожидая приказа.

Вдалеке поднялось на флагшток синее полотнище.

«Отбой!»

Льонг отодвинул фонарь кабины и медленно спустился на бетонную полосу. К нему подошел Нго.

— Я поднял немного педали; удобнее стало?

— Хорошо! Нога ложится, как припечатанная.

Подошел Тоан.

— Что-то *он* сегодня запаздывает.

Нго засмеялся, белые зубы блеснули на его лице, потемневшем от солнца и похожем на бронзовое изваяние.

— Ребята, кто утром слушал радио? В Куанг-чи^{33} наши дали янки прикурить! Освободительные войска так ударили по ихней морской пехоте и летающей коннице^{34}, что американцы еле ноги унесли. Еще передавали, что Б-52 бомбили район к югу от параллели^{35}.

— Черт!

— Тоану небось захотелось прогуляться с парочкой Б-52?

— Ну, ты у нас ясновидец!

Все трое расхохотались. Потом Льонг и Тоан присоединились к Шау, который снова разложил на траве свою карту. Четыре головы в шлемах склонились над разноцветным листом.

* * *

Солнце пекло нещадно. Льонг почему-то не сомневался, что сегодня непременно будет бой. Третью тревогу объявили уже в два часа дня. Затем был дан приказ «приготовиться!». Льонг стоял в узкой полосе

тени под хвостом своего самолета. Постояв, он присел на траву. Команды «по машинам!» все не было.

«Как долго. Наверно, пойдём в дело!..»

В застывшее небо взвилась ракета. Он быстро забрался в кабину. Нго, стоя на стремянке, просунул к нему голову и плечи, помог застегнуть ремни и торопливо сказал:

— Ну, теперь-то уж вы взлетите. Ты спокойно включай двигатель, машина в полном порядке.

На летном поле было по-прежнему тихо. Четверо летчиков сидели в кабинах; по спинам их ручьями катил пот. Нго стоял на стремянке и держал в руке самодельный зонт, стараясь, чтобы тень падала на Лыонга. Лицо его лоснилось от пота и как будто стало еще темнее. Лыонг поднял руку в кожаной перчатке и, потянув его за рукав, заставил наклонить зонт: тень теперь падала на них обоих. Переглянувшись, они улыбнулись друг другу.

Пять минут... Десять... Сейчас, наверное, вылет...

* * *

Командный пункт; командир полка Тхуан стоит у круглого стола, на котором разложены карты. Он молча следит за синими трассами, которые молодой офицер проводит карандашом на прозрачной пленке, покрывающей карту. Линии ползут, извиваясь из стороны в сторону.

Рядом сидит комиссар. Он тоже молчит. Вокруг — офицеры штаба и служба связи, каждый у своих приборов и вычислительных машин; то один, то другой негромко докладывают обстановку.

У командира на лбу блестят капли пота, крупные, как горошины. Противник, все время меняя направление, маневрирует над прибрежной полосой. Фук, стоящий позади комиссара, тихо произносит:

— Я думаю, это — ложный маневр.

Комиссар кивает.

— Вон куда он метит, смотрите.

Он встает и показывает красную отметку на карте.

— Точно, вот главное острие удара!

Синяя линия с моря пересекает берег и устремляется к красной отметке. Командир полка резким движением карандаша наносит встречную красную трассу и закругляет ее вбок.

— Здесь мы пойдем на перехват. Ваше мнение, Ви?

— Согласен.

Тхуан присаживается на край стола и берет маленький микрофон:

— Дайте вылет Кыу-лаунгу{36}.

Он вытер пот со лба.

Минуту спустя реактивные истребители с ревом проносятся над крышей командного пункта.

Офицер проводит красную черту по карте. Сразу вычисляются данные.

— Кыу-лаунг! Направление двести десять, высота две тысячи пятьсот.

— Ясно!

— Кыу-лаунг! Направление сто пятьдесят, высота четыре тысячи.

— Ясно.

— Кыу-лаунг! Разворот вправо: шестьдесят.

— Шестьдесят вправо, ясно...

* * *

Видимость сегодня была отличная: внизу с удивительной четкостью просматривался ландшафт. По наведению с земли Лыонг понял замысел командования: их звено должно было неожиданно выйти наперерез неприятелю.

Он покосился назад: Тоан шел чуть выше него, точно выдерживая дистанцию, Шау и Доан тоже держались вплотную друг к другу. Все четыре машины, словно спаянные, стремительно разрывали пространство, оставляя за собой быстро расплывающиеся белые полосы.

«Есть!..» Там, под ними, десятка полтора темных черточек — одна за другой — плыли вдоль отсвечивающей на солнце небольшой речки. Силуэты вражеских самолетов быстро увеличивались, и вскоре их можно было опознать: «фантомы» и «крестоносцы» Седьмого флота. Они спокойно шли к намеченному объекту и, конечно, не ждали, что МиГи ухватят их за загривок.

— Внимание! Заходим на замыкающую группу Ф-4... Тридцать пятый, прикройте меня, я атакую головную машину. Двадцать четвертый, тридцать первый, ваша цель — четвертая машина! — Голос Шау звучал спокойно, словно он разговаривал с ними дома, на земле.

В то же мгновение Лыонг увидел, как Шау сбросил из-под крыльев оба дополнительных бака и перешел в пике. Доан держался позади него.

Противник только сейчас их заметил. Сломав строй, янки уходили на разных высотах. Но они не успели выполнить маневр. Лыонг и Тоан, сделав боевой разворот, атаковали «фантомов». Лыонг заметил, как огненные нити протянулись от истребителя Доана к хвосту вражеской машины.

— Приблизьтесь к нему вплотную, потом стреляйте! — крикнул Шау.

— Двадцать четвертый, прижмите его сверху и сразу открывайте огонь!

— Огонь!

Четыре МиГа, как ураган, обрушились на неприятеля, красные трассы снарядов рванулись вслед уходящим в беспорядке «фантомам».

— Загорелся!

— Огонь! Еще огонь!

— Есть попадание!

— Двадцать второй, сзади «крестоносец»!

— Набрать высоту! Немедленно набрать высоту!

В наушниках Лыонга, перебивая друг друга, резко звучали голоса друзей. Может, и сам он кричал что-то в пылу боя. За какую-то долю секунды он успел увидеть, что выпущенная им короткая очередь прошла мимо самого крыла «фантома», который все время петлял из стороны в сторону и вдруг провалился куда-то вправо. Стиснув зубы, Лыонг бросил машину за ним вслед. Промелькнули два МиГа — Шау и Доан — они круто шли вверх, держась почти рядом, из перегруженных турбин вырывались красноватые вспышки. Подальше, впереди них, медленно плыл по небу красно-белый купол парашюта.

— А ну-ка, сфотографирую разок на память!

Это был голос Тоана. Он засмеялся. Его МиГ по пологой кривой устремился к парашюту.

— Тридцать первый! — крикнул Лыонг. — Атакуйте звено Ф-8 справа от вас! Заставьте их свернуть с курса!

Маленький истребитель Тоана круто развернулся навстречу стремительно приближавшимся четверем «крестоносцам». Сверкнули красные огненные штрихи: Тоан, опередив их, открыл огонь. Янки сломали строй и ушли в сторону.

«Его», Лыонга, «фантом» снова сделал вираж, стараясь уйти от преследователя, но разрыв между ними постепенно сокращался. «Отличная все-таки у меня машина!» — подумал Лыонг.

Секунда... еще секунда... Сейчас их трассы сойдутся... Нос МиГа устремлен был прямо на американца. Через мгновение можно будет стрелять. Рев турбин раздирал небо. Палец Лыонга лег на гашетку, и сам он весь подался вперед, слившись с машиной в решающем маневре. Но мысли его были спокойны и размеренны, все внимание сосредоточилось на кружке прицела, светлое кольцо которого, точно петля, все теснее стягивалось вокруг черного силуэта «фантома».

Американец, почти вертикально поставив машину, взмыл вверх, стараясь вырваться из смертоносного кольца. Лыонг нажал на гашетку. Снаряды, скользя по самому фюзеляжу «фантома», ушли вправо. Оба самолета мчались на предельной скорости, из турбин рвались огненные языки.

«Фантом» снова лег на крыло и круто нырнул к земле. «А ведь я ему вмазал! — мелькнуло в мозгу у Лыонга. — Вон дым... Точно, он горит!..» Зеленые линии деревьев и зеркальные квадратики залитых водой полей понеслись навстречу, словно поднятые на гребне гигантского вала. Американец не выходил из пике. Он состязался в выдержке с Лыонгом. «Теперь не уйдешь!» Лыонг стиснул зубы. Земля придвинулась чуть не вплотную. Он положил палец на гашетку, чтоб дать еще одну очередь...

«Фантом» неожиданно сбросил скорость и вышел рывком из пике. Лыонг проскочил прямо над ним. Он едва успел резко передвинуть штурвал. В глазах сразу потемнело. МиГ пронзительно завыл и ринулся вверх. «Ловко ушел, сволочь!» — подумал Лыонг.

Если бы «фантом» сделал разворот влево, он навряд ли сумел бы его догнать. Но янки, — может, от перегрузки стал туго соображать, — начал разворачиваться вправо, прямо у него под крылом. «Сам лезет на сковородку!» — улыбнулся Лыонг.

Он положил машину на крыло, бросил ее вниз — силуэт «фантома» остановился в кольце прицела — и, крикнув что-то, нажал на гашетку. Длинная очередь — вся до последнего снаряда — ударила в брюхо американца, и он рухнул на землю.

МиГ стрелой взмыл ввысь. «Фантомы» рассеялись. Но на большой высоте Шау и Доан еще вели бой с несколькими «крестonosцами». Снаряды то и дело вычерчивали в небе сверкающие линии.

Выбрав ближайшую к нему машину, Лыонг снова открыл огонь. Янки форсировал скорость и круто рванулся вверх. Лыонг, не отрываясь от него, дал еще одну очередь. Снаряды ушли правее цели...

Вдруг он почувствовал, как истребитель, словно споткнувшись на ухабе, провалился вниз и слегка завибрировал. «Попадание!.. Что-то повреждено!..»

Лыонг повернул штурвал. МиГ слушался руля. «Угодил в выхлопную струю его турбин, — догадался он. — Прошел слишком близко...» Поискав глазами американца, увидел, что тот, уйдя далеко, покачал крыльями и делает разворот.

— Кыу-лаунг!.. Кыу-лаунг, я Чыонг-шон! Снимайте урожай... снимайте урожай! Кыу-лаунг, вы меня слышите? — «земля» приказывала возвращаться.

Бой длился лишь несколько минут. Вражеские машины, побросав куда попало свой бомбовый груз, уходили в сторону моря. Последняя волочила за собой длинный хвост дыма.

— Тридцать пятый! Тридцать пятый, я двадцать второй! Вы меня слышите?

Доан отвечал, запинаясь, словно что-то мешало ему говорить:

— Тридцать пятый... вас... слышу...

— Снимайте урожай! Тридцать пятый, снимайте урожай первым!

— Вас... понял...

Лыонг увидел белый МиГ: постепенно уменьшаясь в размерах, он шел по направлению к аэродрому над огромным столбом дыма, клубившегося на самом берегу реки.

«А где же Шау?.. Та-ак... вон его машина идет вдоль реки. Почему у него такая низкая скорость?.. А два столба дыма на том берегу, над зелеными холмами — это два «фантома». Никак не сгорят...»

— Двадцать четвертый, я двадцать второй! Снять урожай!

— Я двадцать четвертый, вас понял!

— Снимайте урожай, ребята, снимайте!

— Двадцать второй, мы будем облетать вас и прикроем сверху!

— Не надо! Снимайте урожай!

Но Лыонг сбавил скорость и старался держаться позади Шау. Следом за ним шел Тоан. Шау вел машину с трудом, ее качало из стороны в сторону.

— Двадцать второй, я Чыонг-шон! Немедленно доложите, как у вас дела!

Это был голос Тхуана. Потом заговорил Ви:

— Двадцать второй, вы сумеете снять урожай?

— У меня что-то с машиной.

— Двадцать второй, если надо, прыгайте с парашютом!

— Еще можно лететь. Я постараюсь сесть на шоссе.

— Двадцать второй, приказываю: если машина повреждена, немедленно прыгайте!

— Я пока еще держусь в воздухе.

Лыонг и Тоан шли теперь еще ближе к Шау. Они оба слышали весь разговор с командным пунктом. Белый МиГ Шау быстро терял высоту.

— Шау, прыгай сейчас же! — крикнул Лыонг.

От хвоста поврежденного МиГа отвалился стабилизатор. Машина, окончательно потерявшая управление, колом пошла к земле. У Лыонга перехватило дыхание. Глаза его не отрывались от падающего истребителя... «Ну... ну же!..» Черное пятно рванулось в сторону: Шау катапультировался. Он перевернулся несколько раз в воздухе. Мелькнул белый бутон парашюта, раскрылся и медленно пошел к земле. «А если он ранен?..» Парашют уплывал все дальше. Лыонг хотел спуститься пониже, но побоялся: вдруг воздушным потоком закрутит стропы. Сверху их прикрывал Тоан.

В наушниках слышно было, как с командного пункта наводили на посадку машину Доана.

— Чыонг-шон! Чыонг-шон! — вызвал Лыонг. — Двадцать второй катапультировался, спускается на парашюте.

Он по-прежнему кружил около Шау. Белый купол приближался к земле. Вот он повис над склоном холма, закачался и исчез среди деревьев. Лыонг сделал круг над самым холмом, покачал крыльями, прощаясь с оставшимся на земле товарищем, и, набрав высоту, пристроился к ожидавшему его Тоану. Они сделали еще один круг в небе, замутненном медленно таявшими серо-белыми полосами, следами недавнего боя.

— Чыонг-шон, двадцать второй приземлился благополучно.

— Я Чыонг-шон, вас понял... Двадцать четвертый, тридцать первый, снимайте урожай! Немедленно снимайте урожай!

Поздним вечером пришло сообщение, что Шау находится в партийном комитете уезда, где он приземлился. Он ранен в ногу и ждет машину, которая доставит его в госпиталь. А американец с «фантома», сбитого Шау, был схвачен, как только опустился на парашюте. Он оказался подполковником. Его взяла в плен подбежавшая к нему первой девятнадцатилетняя девушка, у которой только и было в руках что бамбуковое коромысло.

Утром в воскресенье на аэродроме, как обычно, кипела работа. На войне не бывает выходных. Четвертая эскадрилья снова была дежурной. В первой паре еще до того, как вошло солнце, поднялся в

воздух Лыонг. «Отличная погода! — подумал, он. — Сегодня не миновать свидания с янки».

Приземлившись, он спрыгнул на бетонную полосу и побежал к своим, сидевшим неподалеку на траве. Он обратился было с докладом к командиру эскадрильи, но Киен поднял руку, прося его помолчать. Тут только он заметил, что все внимательно слушают стоящий на земле транзистор.

«...НЕ СМОЖЕТ ПОКОЛЕБАТЬ ВОЛЮ И РЕШИМОСТЬ ГЕРОИЧЕСКОГО НАРОДА ВЬЕТНАМА ОТРАЗИТЬ АМЕРИКАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ОТСТОЯТЬ СВОЮ РОДИНУ. ЧЕМ СВИРЕПЕЙ ОНИ И ЗЛЕЕ, ТЕМ ТЯЖЕЛЕЙ ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ...»

Он сразу узнал этот голос: говорил дядя Хо. Речь его звучала спокойно, и все же Лыонг уловил в интонациях особую торжественность и серьезность. Он тихонько присел позади ребят. Слова Хо Ши Мина — ясные, западающие в сердце, были о самом важном, о том, чем жил сегодня народ.

«...ВОИНА МОЖЕТ ПРОДЛИТЬСЯ ПЯТЬ; ДЕСЯТЬ, ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И БОЛЕЕ. ХАНОЙ, ХАЙФОН И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГОРОДА МОГУТ БЫТЬ РАЗРУШЕНЫ, НО НАРОД ВЬЕТНАМА НЕ ИСПУГАТЬ. НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ НЕЗАВИСИМОСТИ, СВОБОДЫ...»

Сердце в груди у него заколотилось сильнее. Стараясь не дышать, он ловил каждое слово.

«ВО ИМЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ОТЧИЗНЫ, ВО ИМЯ ДОЛГА ПЕРЕД ВСЕМИ НАРОДАМИ, БОРЮЩИМИСЯ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, НАШ НАРОД И АРМИЯ СПЛОТЯТСЯ ВОЕДИНО И, НЕ СТРАШАСЬ ЖЕРТВ И ЛИШЕНИИ, ИСПОЛНЕННЫЕ РЕШИМОСТИ, БУДУТ СРАЖАТЬСЯ ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ...»

Проникновенный голос президента звучал как призыв кормчего, обращенный к друзьям, плывущим с ним на одном корабле, — призыв одолеть ураганный ветер и волны; и каждый черпал в нем для себя наставление и веру.

«...ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ И СОЛДАТЫ...»

Эти простые слова всколыхнули душу Лыонга. Он сидел молча рядом с товарищами и мысленным взором своим видел дядюшку Хо, каким он был в тот день, когда посетил их часть: седая голова, несколько белых нитей подняты ветром над высоким лбом; веселые и добрые глаза; быстрая, легкая походка; сандалии из автомобильных покрышек; наброшенный на плечи старый, полинялый китель...

Самая заветная мечта истребителя: если уж сел в кабину — взлететь и, если взлетел, — встретить противника, увидеть его первым и, опередив, нанести решающий удар. Но в жизни все идет не так упорядоченно и гладко. В каждом бою случаются сотни неожиданностей, и один бой никогда не похож на другой...

Сегодня Лыонг уже несколько раз поднимался в кабину и, посидев в самолете, спускался по стремянке на землю. Вечером одному звену дали вылет. Они надеялись встретиться с янки, но неприятель явно их избегал. Тогда они получили новый приказ: сделать круг над Ханоем и возвратиться на базу.

Весь вечер летчики четвертой эскадрильи просидели, споря о новшествах в тактике воздушного боя. Воскресенье это стало «черным днем» для вашингтонских асов: зенитные части и ракетные дивизионы вместе с ополченцами, вооруженными пехотным оружием, сбили над Северным Вьетнамом еще семь самолетов. К тому же на Юге, недалеко от Сайгона, партизаны подорвали миной американский корабль водоизмещением в десять тысяч тонн. Сообщения об этом, переданные по радио, еще больше разожгли страсти. Дебаты прекратились лишь перед самым отбоем.

Свет был погашен, весь лагерь умолк. Лыонг никак не мог заснуть, он вспоминал все, что говорилось сегодня вечером. «...Многое из придуманного ребятами явно годится!.. «НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ НЕЗАВИСИМОСТИ, СВОБОДЫ... ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ И СОЛДАТЫ...» Слов этих теперь не забыть. Они врезались в память на всю жизнь, и ничто их не сотрет... В борьбе важно, что твои раздумья и опыт становятся достоянием всех. Каждый кладет свой кирпич в общий фундамент. Фундамент этот растет, и те, что идут следом за

нами, начиная строить, кладут уже ряды выше наших... И вот еще в чем суть: следуя предначертаниям партии и установкам командования, каждый из нас, от боя к бою, создает что-то свое; и пусть этот вклад невелик, но ведь, как говорится, слабые ветру сливаются в ураган. Так мы создаем новые, свои приемы боя: немногим противостоять множеству; малой силой одолевать большую; неслыханное мужество,- хитрость, смекалку, осмотрительность и гибкость соединять воедино и этим побеждать агрессора, который несравненно мощнее и больше нас числом. У нас нет выбора! Именно так приходилось нам сражаться веками, тысячелетиями, чтобы выжить и сохранить независимость и свободу. И это стало, пожалуй, естественным образом мысли, жизненным качеством, присущим всем нам, вьетнамцам...»

Лыонг заснул. Спал он спокойно до самого утра.

IX

Большие группы вражеских самолетов приближались к юго-западному району Ханоя. На аэродроме не умолкал грохот турбин. Одно звено за другим поднималось в воздух. Лыонг и Тоан, затянув ремни и надев шлемы, стояли у края бетонной полосы, провожая глазами истребители, стремительно уходившие парами в сторону Ханоя.

— Да-а, сегодня скучать не придется!

— Должны же мы помочь защитникам столицы.

— Девять двадцать... Рановато *он* сегодня пожаловал!

— Да уж...

— Лыонг, у тебя не осталось конфет?.. О чем это ты размышлялся?

— Я... думаю о Ханое.

Он вытащил из кармана карамельки и протянул приятелю. Перед глазами стоял узкий проулок, комнатка с балконом и румяная девушка в кепке, с винтовкой за спиной, спускающаяся по лестнице... «Может, и

она стреляет сейчас по самолетам? Я так и не успел ответить на ее письмо...»

— Тревога!

Лыонг и Тоан получили приказ подняться в воздух и патрулировать район аэродрома.

Через несколько минут их МиГи уже поблескивали на солнце высоко в синеве неба. Почему-то сегодня земля отсюда, сверху, казалась ему особенно знакомой: каждая выющаяся линия дороги, каждая рощица, отсвечивающие полосы воды и холмы. Не только аэродром был для неприятеля первостепенной целью, вокруг немало других объектов, к которым давно уже подбирался враг. Но хотя небо, казалось бы, безбрежно и в нем не воздвигнешь препонов, противнику не было к ним пути. Тщательно разработанные и выверенные по картам полетные трассы МиГов пересекали все боевые маршруты вражеских самолетов и были наиболее выгодны для поиска и атаки.

«...Длинная черта — это асфальтированное шоссе. Дальше — железная дорога и взгорбленный мост над бурой нитью реки... Еще дальше — бетонный мост, пестрые квадратики крыш и спички телеграфных столбов, вокзал и промышленные районы, построенные за последние годы...

Разворот... Пройдем вдоль гряды. Горы громоздятся у горизонта к самому небу. Вершины темнеют на белом фоне облаков; крутые склоны тонут в вязком сероватом тумане... Здесь самый удобный путь для вражеских бомбовозов, на него надо обратить особое внимание!...»

Время от времени МиГи прошивают насквозь хлопья облачной ваты. Тоан держится позади — правее или левее ведущего. Машины, связанные единой волей, выполняют маневры слаженно и ритмично.

«...Еще разворот... Идем обратно, в сторону аэродрома. Знакомые холмы с нечастыми деревьями. И, наконец, равнина; переливающиеся прожилки каналов и речек, а там, вдали, за наплывающей дымкой — Ханой...»

* * *

В это самое время со стороны Черной реки несколько групп Ф-105, прижимаясь к горам и уходя в облака, на разной высоте скрытно шли к аэродрому. И, как верно догадались в полку, это было одно из отборных подразделений военно-воздушных сил США. Среди американских пилотов, летавших во Вьетнаме, но было, пожалуй, такого, кто не слышал бы о командовавшем им знаменитом асе Миллере. Майор Миллер за три войны налетал больше четырех тысяч часов. Рассказывали чудеса о его шестом чувстве, о том, что в его лексиконе отсутствует слово «страх». Небо Юго-Восточной Азии этому матерому волку было не в новинку: в конце второй мировой он с «летающих крепостей» бомбил японцев от Лао-кая^{37} до залива Халонг^{38} и участвовал в воздушных боях с японскими истребителями. Потом он воевал в Корее, и вот теперь, много лет спустя, снова бороздит вьетнамское небо... Майор Миллер, прозванный, как и его самолеты, «громовержцем».

День за днем поднимал он с авиабазы в Таиланде своих «мальчиков» и вел их забрасывать бомбами и ракетами землю маленького государства, не имеющего «достойной упоминания» авиации и флота. Как его президент и просвещенные генералы, он был поначалу уверен, что «фантомы» и «громовержцы» неотразимы и стремительными ударами скоро поставят эту маленькую страну на колени и заставят ее капитулировать! Но за год с лишним майор Миллер усвоил, что полеты над Северным Вьетнамом мало похожи на увеселительные прогулки. Огненная сеть, поднимавшаяся всякий раз над землей, становилась все чаще и безопасней. «Мальчики» боялись не только зенитных пушек и ракет, но и людей, вооруженных винтовками. Многие жаловались, что их повсюду подстерегают тысячи и тысячи ружейных стволов и что, когда с земли открывают огонь, у них буквально волосы встают дыбом! Теперь ко всему еще прибавились МиГи, от боя к бою становившиеся все опаснее. Другие подразделения с их базы несли большие потери: с каждым днем росло число сбитых машин и не вернувшихся летчиков. Один из миллеровских «мальчиков», сделавший ровно сто боевых вылетов, был переведен обратно в Штаты. Там он женился, но уже через месяц возжаждал «воинской славы» и больших наградных и записался на

второй срок во Вьетнам. Он приехал на базу, через несколько дней был сбит и пропал без вести. Никто из «отличных парней» не помянул его добрым словом, они считали его кретином. Многие уже не таясь, в открытую, изо дня в день подсчитывали свои вылеты, мечтая скорей дойти до сотни и получить шанс на возвращение домой. Молодые пилоты, прибыв сюда, сразу улавливали настроение «стариков», падали духом и поносили всех и вся. Начальство рекомендовало как лучшее средство, для поднятия духа пиво и песни под гитару. И они ездили на Филиппины за гитарами и пивом. Однако в подразделении Джона Миллера ничего подобного не было! Он постоянно внушал подчиненным одну, усвоенную им за долгие годы истину: «У военного летчика только один способ выжить. — атаковать первым, атаковать всегда и везде». Он лично водил их на самые опасные операции. После бомбардировок Ханоя «мальчики» майора Миллера особенно прославились, а сам он сделался притчей во языцех на всех американских базах. Но ему и этого было мало. Уверовав в свою хитрость и мастерство, в мощь своего оружия, он решил прорваться к неприятельскому аэродрому, нанести по нему сокрушительный удар и подорвать дух «малочисленного и незрелого» противника, который посмел бросить вызов исконным хозяевам неба, сильнейшим на земном шаре. Это будет самым славным делом, которое он, возвращаясь в Америку, оставит на память о себе во Вьетнаме, а возможно, — и завершением, венцом всей его летной карьеры...

Вот почему в это утро, когда другие подразделения американской авиации стремились прорваться к Ханюю, Джон Миллер вел пятнадцать своих «громовержцев» — несколькими группами — в сторону вьетнамского аэродрома. Они получили сегодня задание: разбомбить близлежащий промышленный центр. Но Миллер приказал одной из групп взять шариковые бомбы, чтобы смести людей на вьетнамском аэродроме. Сам он шел с другой группой, оснащенной только ракетами и комплектами для воздушного боя, намереваясь мощным ударом уничтожить истребителей прикрытия.

Он приготовил сюрприз для МиГов, предпочитавших обычно ближний бой: на некоторые из его самолетов поставили по шесть двадцатимиллиметровых пушек, залп которых подобен был огневой лавине. Матерый волк придумал такой тактический ход: идущая

впереди группа бомбит промышленные объекты, отвлекая на себя МиГи, и тогда большая часть его машин внезапно атакует неприятеля. Сегодня он взял с собой своих любимцев: капитана Дина Аллана, служившего раньше в Западной Германии, смельчака, сдержанного и немногословного, вечно холившего свои короткие жесткие усики, и лейтенанта Робертса, недавно переведенного из Японии — восходящее молодое «светило» — горячего и азартного, для которого война была чем-то вроде хоккея...

— Джон, — это был голос Дина, — мы летим вдоль шоссе. Вижу два МиГа, они идут на сближение с нами.

— Отлично! Возьми их себе на закуску...

* * *

— Двадцать четвертый! «Черное облако» справа от вас, двадцать километров.

— Вас понял!

Льонг едва успел ответить «земле», как его вызвал Тоан:

— Двадцать четвертый! Противник заходит со стороны шоссе!..

«...Ну и реакция у Тоана!..»

Сделав правый разворот, он сразу увидел четыре Ф-105, они шли над горами немного выше МиГов. Американцы разбились на пары: одна держалась вдоль шоссе и шла прямо на промышленный центр, другая устремилась под углом к дороге.

«...По-моему, вторая пара хочет нас отвлечь... Или они заходят на железнодорожный мост?.. Обычно у Ф-105 первая пара несет бомбовый груз...»

Он скомандовал:

— Атакуем первую пару!

Сбросив оба дополнительных бака, он стремительно развернул машину и атаковал Ф-105, летевшие над шоссе. Точно рассчитанный маневр вывел его в хвост «громовержца» — на позицию, выгодную для огневого удара. Он нажал на гашетку, выпустив очередь по ближайшей машине. Янки поспешно сбросил куда попало свой бомбовый груз, снизился и пошел на бреющем. Второй американец тоже побросал бомбы, резко набрал высоту и стал уходить. Лыонг пристроился за ним в хвост.

— Тридцать первый! Идите на перехват второй пары!

«...Конечно, те два Ф-105 сделали ложный маневр в сторону моста... Теперь они разворачиваются на предельной скорости и выходят к нам в хвост...»

Истребитель Тоана уже шел им наперерез. В небе засверкали огненные штрихи снарядов.

Лыонг словно прилип к американцу, он едва не настиг его над дорогой. Следом за ним он набирал высоту, бросал машину к земле и всякий раз, когда янки пытался свернуть в сторону, выходил на пересечение возможной кривой его разворота.

Он дал залп... потом еще один.

Пульсирующие красные струи скользнули рядом с хвостом «громовержца». Тот описал зигзаг и прижался плотнее к земле.

«Так, дадим еще залп!..»

— Двадцать четвертый! — ворвался в наушники окрик Киена. — Немедленно — разворот! Разворот вправо!

Лыонг стиснул зубы и резко повернул штурвал. За спиной вспыхнула яркая дуга, потом — еще одна, высвеченная синими вспышками; и вот уже прочертившие их ракеты исчезли где-то далеко отсюда. Циферблаты и цветные индикаторы на приборной доске замелькали и размазались полосой; потом он снова увидел их четкие контуры, а через мгновение все опять слилось в трепещущих радужных бликах. МиГ почти вертикально шел вверх.

Он снова круто спикировал к земле. Тяжесть каменной глыбой навалилась на позвоночник, сдавила грудь; из разрезов костюма со свистом рванулся воздух. Секунду спустя пелена, застилавшая глаза, растаяла.

«...Слишком увлекся преследованием... не следил, что происходит сзади... Вот они: два Ф-105... еще два... Идут следом за мной... Справа другие «громовержцы» атакуют Тоана... Впереди, в стороне аэродрома тоже видны самолеты: на разной высоте — по одному, по два — заходят с нескольких направлений...»

Внизу, на земле, полыхнули зарницы.

«Зенитки открыли огонь!..»

За надрывным воем мотора разрывы снарядов были еле слышны. Но он успел заметить, как темные хлопья дыма повисли вокруг вражеских машин, угрожавших его МиГу.

«Здорово!..»

— Двадцать четвертый! Внимание — противник сзади!

Он круто развернул истребитель: два американца шли параллельным курсом, но были еще далеко; зато другая пара явно стремилась его настигнуть; под крыльями у одного, потом у второго забились огненные вспышки.

«Бьют по мне!..»

Пучки ярко-красных искр зримо протянулись к его машине.

«А-а, шесть двадцатимиллиметровок у каждого! И не жаль снарядов, лупят на таком расстоянии!..»

Он форсировал скорость и бросил машину вверх. Красные искры, обгоняя друг друга, прочертили штрихи за хвостом истребителя, их траассы изогнулись к земле и исчезли.

Еще разворот! Кривая теперь выводила его в хвост американцам. Прикинув дугу его разворота, янки резко прибавили скорость и

оторвались от него; работающие на форсаже турбины выплевывали языки пламени.

Он набрал высоту и огляделся: преследовавшие его «громовержцы» попали под огонь зениток.

— Двадцать четвертый! Атакуйте две машины, заходящие в хвост тридцать первому!

Тоан шел, как на привязи, за «громовержцем», но два других готовились атаковать его сзади.

— Тридцать первый! Немедленно уходите вверх!

Отдавая приказ, Лыонг уже выходил на сближение с двумя Ф-105. Он дал короткую очередь, и они ушли в сторону.

«Ну, вроде бы полегчало!..»

* * *

Все, кто оставался на аэродроме — пилоты, техники, офицеры штаба, — собрались кучками в траншее и, задрвав головы, глядели на небо. Грохот и вой реактивных турбин сливался с канонадой, тупо ударявшей в барабанные перепонки, и сотрясал все вокруг. Иногда зенитные снаряды разрывались прямо над головой; и осколки со звоном сыпались на взлетную полосу. У всех захватывало дыхание от стремительного темпа событий: атаки укладывались в какие-то доли секунды, и один неожиданный маневр резко менял весь ход боя. Вот сейчас несколько Ф-105 старались загнать МиГи в фокус пылающих трасс. Американцы выпускали ракеты одну за другой, и отсюда, с земли, видна была траектория каждой.

Нго, сидевший со своими техниками на краю окопа, вдруг с силой хрустнул переплетенными пальцами. Не дыша, он следил за тем, как Лыонг ушел от одной ракеты, потом — от второй и чудом увернулся от направленных прямо в него снарядов. Ему захотелось вскочить и кричать — кричать так громко, чтоб голос долетел к его товарищам, в небо:

— Ребята! Осторожней!.. Сзади, справа еще двое!

Но он остался сидеть неподвижно, глядя на две серебристые машины, которые кружились каруселью, не давая зайти себе в хвост, — то уходили ввысь, то устремлялись к земле и упрямо шли к аэродрому.

Зенитчики точно взаимодействовали с истребителями, ставя позади них полосу заградительного огня. Дымки разрывов заставляли «громовержцев» сворачивать с курса и ломали их строй.

Ополченцы — среди них много девушек — из вырытых на полях окопов частым ружейно-пулеметным огнем встречали самолеты, пытавшиеся на бреющем полете прорваться к аэродрому и закидать его «шариками». Янки сбрасывали свой груз на окрестные холмы.

Один из МиГов вдруг начал пикировать с высоты прямо на аэродром, за ним гнался Ф-105. Другой наш истребитель, развернувшись, отсек от преследователя три остальные американские машины и вынудил их войти в зону зенитного огня.

Нго вскочил. Он не мог разобраться, кто это — Льюнг или Тоан? МиГ продолжал пикировать, словно нацелившись на бетонную полосу, а янки прилип к нему намертво.

Высота — тысяча метров... восемьсот... пятьсот... триста...

МиГ беззвучно, как стрела, мчался к земле. Нго разглядел номер машины и фигуру пилота в кабине: Тоан! Пальцы у него побелели. Он хотел крикнуть: «Кончай! Разобьешься!..»

Американец не выдержал и, задрвав брюхо, пошел вверх. До земли наконец донеслась грохочущая звуковая волна. МиГ вырвался из пике прямо над головами людей, в семи или восьми десятках метров от бетонной дорожки. Горячая струя отработанных газов мягко ударила в лицо Нго. И опять ему захотелось кричать и прыгать: на этот раз уже МиГ наседали на американца, а тот старался уйти от преследования.

Ребята, столпившись вокруг Нго, кричали и размахивали руками.

Тоан открыл огонь. Сверкающие пунктиры снарядов ударили в фюзеляж американца. От него отвалился какой-то темный обломок,

потом еще пять или шесть кусков металла, крутясь, полетели к земле и грохнулись прямо на взлетную полосу.

Аэродром огласился громкими криками. Американец все еще старался уйти. Но Тоан не выпускал его. МиГ снова дал очередь, и Ф-105, вспыхнув, как факел, рухнул куда-то в поле.

* * *

Майор Миллер почувствовал, как по спине у него вдоль позвоночника поднимается холодная дрожь. «Проклятые МиГи! Чертовы зенитки!..»

Он бросил машину в боевой разворот. В наушниках раздался голос Аллана:

— Майор, вы слышите меня?.. Попадание в мою машину!

Миллер атаковал МиГ, только что обстрелявший его друга, и крикнул:

— Роберте, этого подонка я беру на себя!

— Хорошо, майор. Оставляю его вам на десерт!

Миллер видел: сбить идущий впереди МиГ — левое дело, все равно, что вынуть из кармана зажигалку. Вьетнамец преследовал одного из «мальчиков» и не подозревал, что смерть уже настигает его сзади.

Еще издали майор выпустил две ракеты. Летевший рядом Ф-105 тоже дал ракетный залп. Синие молнии рванулись вперед. Но противник каким-то непостижимым движением ушел от ракет. «Дьявол! — подумал Миллер. — Мне не хватало сегодня только чудес! Ладно, все равно не уйдешь!..»

— Дин, как ты там?

— Плохо.

— Возвращайся! Возвращайся на базу, не жди нас!

Миллер преследовал «свой» МиГ. Он приказал одному из звеньев выйти на перехват вьетнамца. Но МиГ ускользал по-прежнему, неожиданными и точными маневрами увертываясь от снарядов.

«Ничего не скажешь, у Северного Вьетнама завелись приличные летчики!.. Наверно, их ас! Такого и сбить не стыдно», — криво усмехнулся майор.

Дальнейший ход боя вконец испортил Миллеру настроение. Он не помышлял уже об амбиции и чести мундира. Он скрежетал зубами от бешенства: буквально у него на глазах один из МиГов расстреливает машину Робертса, и он вряд ли успеет ему помочь. Осколки зенитного снаряда застучали по фюзеляжу его самолета. Шедшее впереди звено рассеялось, спасаясь от разрывов.

— Третье звено! — закричал Миллер. — Подавить зенитные установки на холме!

Сам он с несколькими «мальчиками» атаковал МиГ, но поздно: Роберте уже был сбит.

Миллер стиснул зубы, со лба его стекал пот. Он неотступно преследовал вьетнамский истребитель. Пять или шесть раз он открывал огонь, но снаряды шли мимо цели. Однако он не отпускал противника, уверенный, что рано или поздно тот совершит какую-нибудь ошибку, и потребуется не больше секунды, чтобы разделаться с ним.

«Наконец-то!..» Уходя от снарядов, вьетнамец положил истребитель на крыло и очутился в кольце его прицела. Миллер крикнул что-то и нажал на гашетку. Шесть огненных вспышек полыхнули вокруг носа его машины. «Ну, теперь — наверняка!.. Господи, что ж это такое?!» Майор выругался в бессильной злобе.

* * *

Лыонг словно сросся со своим истребителем; он выделял самые невообразимые фигуры, уходя от ракет и снарядов, которыми янки осыпали его со всех сторон.

«...Прошло всего полминуты, а кажется, гонка эта длится вечно!..»

Каждую секунду он ждал, что снаряды ударят в его машину, и каждую секунду умудрялся избежать смерти. Маневрируя, он сумел рассеять вражеские машины. Остался один-единственный Ф-105, присосавшийся, словно пиявка. Он висел на хвосте МиГа, но не открывал огня, желая, должно быть, ударить наверняка.

— Сволочь, — пробормотал Лыонг, — так... так... оторвись от своих, и я тебе покажу!..

Быстро рассчитав маневр, он решил развернуться, но в это мгновение справа от фонаря кабины сверкнули трассы снарядов. Он бросил машину в сторону. Вдруг резкий толчок вырвал из-под него сиденье.

«Как тряхануло машину!.. Наверно, эта сволочь попала в фюзеляж...»

Он как будто глядел на все со стороны, чужими глазами, ожидая, что истребитель вот-вот развалится на куски. Но рука автоматически передвинула штурвал, МиГ наклонил нос и помчался к земле.

«Слушается руля!..»

Он круто поднял машину вверх, сделал мертвую петлю, и через мгновение Ф-105 промелькнул под крылом его истребителя.

— Ну, теперь тебе гроб! — крикнул Лыонг.

Он вышел американцу в хвост, дал длинную очередь из всех стволов и увидел, как один из его снарядов пробил в крыле «громовержца» здоровенную дыру. Ф-105, покачнувшись, вошел в пике, стремясь оторваться от Лыонга. Он ринулся было за ним, но тут появились несколько «громовержцев», шедших на выручку подбитой машине. Лыонг развернулся, стремясь опередить их и набрать высоту.

Поврежденный Ф-105 уходил, падая с крыла на крыло. У Миллера рябило в глазах, по спине стекали холодные капли пота. В мозгу билась единственная мысль: «Уйти... уйти... вырваться...» Внутри словно оборвалось что-то. Серия зенитных снарядов лопнула совсем рядом. Волосы у него зашевелились, ноги и руки дрожали. Шум,

похожий на ржание взбесившегося табуна, раздирал барабанные перепонки.

«Скорость!.. Быстрее, быстрее!.. Вырваться из этой адской ловушки!..»

Он форсировал скорость до предела, пытаясь набрать высоту. Вдруг самолет звонко обожгло стальным хлыстом, и кабину лизнули желтые языки огня. Миллеру удалось из последних сил нажать кнопку катапультирования, и он вместе с креслом вырвался из горящей машины. Над головой зашелестел вытянувшийся купол парашюта. Но вихрь, рванувшийся за падавшим в штопоре самолетом, не дал ему раскрыться, перекрутил стропы, и Миллер камнем рухнул наземь. Километрах в десяти от него уткнулась носом в рисовое поле полусгоревшая машина...

Зенитки вели массированный огонь. Из своей кабины Лыонг видел, как повсюду — в полях, на холмах, на речном берегу, в лесной чаще — огневыми зайчиками полыхают артиллерийские залпы. Разрывы, поначалу висевшие где-то внизу, вспыхивали теперь выше, частыми лезвиями рассекая строй «громовержцев».

А в небе над аэродромом виднелся лишь МиГ Тоана, летевший ему навстречу. Янки уходили в беспорядке. Лыонг наметил себе одного и обрушился на него сверху.

— Двадцать четвертый! Не открывайте огня по этой машине! Атакуйте четвертую справа!

Выполняя команду «земли», он развернулся вправо, успев заметить, как Тоан пристроился к нему и прикрыл его сзади, и по крутой дуге атаковал американца. Он настигал его: ближе... ближе — вот уже видны головки винтов на сочленениях крыла.

Он нажал гашетку — раз, еще раз...

«Кончились снаряды!..»

Из горла едва не вырвался крик ярости. Ф-105, форсируя скорость, уходил, перегруженный двигатель его извергал раскаленные языки пламени.

Так, сам собою, кончился бой. Небо очистилось. Четыре последних «громовержца», пытаюсь построиться в боевой порядок, быстро уходили к реке.

МиГи номер двадцать четыре и тридцать один сделали круг над аэродромом, снизились и прошли вдоль летного поля. Лыонг покачал крыльями, приветствуя друзей на летном поле, обернулся назад и увидел, как Тоан тоже покачал крыльями, машина его словно танцевала в воздухе. Потом он поглядел вниз: люди выбегали на взлетную полосу, обнимались, кричали, размахивали руками, платками, шапками.

Х

Август был на исходе. К концу дня чувствовалось, что зной начинает спадать.

Сразу после обеда Лыонг разделся и взялся за поливку овощей, надеясь покончить с грядками дотемна. А Тоан снова вносил усовершенствования в конструкцию курятника. Увлечшись, они не заметили вошедшего во двор человека.

— Эй, Лыонг, это ты?

— Шау!

Лыонг бросил на землю лейку и кинулся к другу.

— Ты что — насовсем?

— Да нет. Только выписался из госпиталя, и сразу упекли в санаторий. Хорошо, Тхуан прислал за мной машину, и я завернул к вам ненадолго.

— А ты растолстел, однако. Как нога?

— В порядке.

Они поднялись на крыльцо. Шау сильно хромал.

Прибежал Тоан. Они вытащили стулья и поставили их рядом на террасе.

— Тоан наконец завершил строительство, — сказал Лыонг, показывая на птичник.

— У вас здесь просто рай! — Шау обвел взглядом «угодь» и засмеялся. — В госпитале сестры извели меня своей дисциплиной и распорядком. Особенно с ними шутки плохи во время тревоги. Доан не вернулся?

— Он еще загорает в санатории. Ты его, наверно, там встретишь...

— Сказать по правде: я, как подлечился, ни одной ночи не спал, и кусок в горло не лезет. Не могу я прохлаждаться!

— Не дури, тебе надо отдохнуть и поправиться как следует. Ты ехал через Ханой?

— А как же! Заходил к тебе, просидел у вас весь вечер. Мачеха скормила мне целый мешок крушины. И малыши были дома. Мы отлично провели время.

— Знаю, у них каникулы. Что там в Ханое?

— Все по-старому. Только тревоги стали чаще — и днем и ночью. Мне повезло: видел, как зенитчики работают, и на наших ребят полюбовался. Да, знаете, Бан отличился уже на новом месте. Он несколько раз участвовал в воздушных боях за столицу и сбил «крестоносца» прямо над пригородом.

— Надо написать ему поздравление!

— Опять поднялась вода в Красной реке. Вы, может, и раньше слышали, а я вот узнал впервые: оказывается, в Ханое есть места, лежащие на семь-восемь метров ниже уровня воды.

— Просто чудо, что удалось в этом году отстоять страну от наводнения!

Все трое помолчали, потому что знали: впереди еще целый месяц нелегкой борьбы с паводком.

— Ко мне заезжали в госпиталь знакомые из Главного политического управления армии, — сказал Шау, — и говорили, что, когда сбили Миллера, все западные агентства подняли дикий шум. А дня два назад зенитки сшибли и первого его друга, какого-то капитана!

— Отлично! — воскликнул Тоан. — Ох, совсем забыл, хочу показать тебе одну штуку.

Он убежал в дом и вынес Шау фотографию: купол парашюта белел среди темных спиралей дыма.

— Подполковник, которого ты сбил. Я из-за этого сувенира чуть не загремел на тот свет! Лыонг обернулся.

— Мало тебя ругали. Художник нашелся! Тут бой идет, а он отключил пушку и щелкает фото. Да еще матерится на весь эфир!

— Я-то надеялся, что ты меня запечатлел! — расхохотался Шау. — Говорят, вы в последнем бою отличились? А сами как, в порядке?

— В моей машине пробило фонарь кабины. У Лыонга пять или шесть вмятин возле хвоста. И все!

— Думаю, я там долго не задержусь. Через недельку буду обратно.

— Знаешь, не худо бы тебе подлечить ногу, — сказал Лыонг. — Ты отдыхай сколько надо, пока не поправишься.

— Да ну, ерунда! — опять засмеялся Шау. — Я тогда гляжу: до земли уже рукой подать, а вы все кружите надо мной. Здорово вы меня растрогали... И только вы улетели, буквально через минуту прямо над головой у меня прошли двое американцев. Жаль, не было у меня рации: вызвал бы вас назад, поджарить пташек!.. Приземлился я в лесу. Нога болит нестерпимо. Ну, думаю, перелом; придется выбираться ползком. Потом отлежался — час, наверно, или больше того, — и вроде бы полегчало. Срубил себе ветку и заковылял, опираясь на нее. Вскоре я, сам того не ожидая, вышел на дорогу,

вижу, идет она прямо по берегу ручья. Сразу успокоился. И побрел со своей палкой. Пройду немного, присяду передохнуть и — дальше. Чуть услышу шорох в лесу — сразу затягиваю во все горло «Все отдать за народ...»{39}. Вот уж не думал, что придется когда-нибудь петь соло!

Они дружно расхохотались. Шау продолжал:

— Первым повстречался мне ополченец. «Я все время, говорит, шел за вами, на вашу песню». Зашагал я за ним следом. Вдруг чувствую: ногу совсем свело. Сел прямо на дорогу. Хорошо, мы были почти на опушке. Парень выстрелил в воздух, потом перетащил меня к большому камню, чтоб я мог к нему прислониться. Пришли еще трое ополченцев — двое мужчин и женщина. Они дотащили меня до деревни. Я попросил сразу отправить меня в уезд, и они раздобыли где-то носилки. До уезда мы добрались только к восьми вечера. И надо же — принесли меня прямо в помещение женского комитета! Ну и дела. Женщины, понятно, сразу с расспросами: «Может, выпьете молока?» — «Да...» Принесли здоровенную чашку — с верхом. Я выпил ее одним духом. «Может, выпьете еще, а?» — «Да, прошу вас, еще чашечку...» Одна увидела, что у меня рубашка порвалась. «Раздевайтесь, говорит, зашью». А на мне и майка драная. Тут они запричитали: «Что ж это наши летчики да в худой одежде... Разве ж нынче в рвань ходят!..» Заставили снять майку. Все зашили, заштопали. А я уже слышу: собрались курицу резать, в кухне кудахчет...

Раздался автомобильный гудок. Шау встал.

— Мне пора. Доскажу в другой раз.

— Ты там не беспокойся, отдохни как следует.

Они проводили Шау к машине и на обратном пути долго еще улыбались, вспоминая его историю.

Вечер выдался свободный, и Лыонг сел за письмо.

Вдруг в двери появилась голова Кхая:

— Эй, Лыонг, одевайся. Звонил комиссар, просил тебя срочно явиться.

Войдя в комнату комиссара, освещенную неяркой настольной лампой, Лыонг почувствовал, как в груди гулко заколотилось сердце. Ви поднял голову от стола и предложил ему сесть.

— Есть телеграмма на твое имя.

Лыонг взял у него листок и поднес к светлomu «ругу под абажуром.

«Почтовый ящик...

Просьба сообщить Ле Лыонгу его сестра Ле Ань Дао тяжело ранена при отражении авианалета доставлена больницу Ханой Тчк Если возможно прошу Лыонга приехать немедленно Тчк Туйен».

Комиссар встал и подошел к нему.

— Доложи обо всем Киену. У нас скоро закончится совещание, и представитель Главного политического управления армии будет возвращаться в Ханой на своей машине. Он тебя подбросит. Получишь двухдневный отпуск, вернешься в часть послезавтра в восемнадцать ноль-ноль.

Проводив его до двери, Ви добавил:

— Если случится что-нибудь, телеграфируйте мне. Мы тут собрали для Дао несколько банок сгущенки. Передавай ей от меня привет и пожелания скорого выздоровления. Ну, иди укладывайся, а то опоздаешь.

* * *

Всю дорогу Лыонг от волнения не находил себе места. Телеграмма, лежавшая в нагрудном кармане, жгла его сквозь гимнастерку.

Ночное шоссе было оживленным и шумным. Колонны грузовиков, вереницы велосипедов и повозок, запряженных волами и лошадьми, двигались в обе стороны. Время от времени лучи автомобильных фар выхватывали из темноты парней и девушек с рюкзаками, шагавших

цепочкой по обочине вдоль шелестевших растрепанной хвоей филоа. На их пробковых шлемах колыхались пришпиленные к сеткам зеленые листья. Машина шла медленно, и до Лыонга долетали их разговоры, шутки и смех.

«Газик» трижды вынужден был останавливаться: самолет повесил осветительные ракеты, потом впереди открыли огонь зенитки и, наконец, — это заинтересовало даже Лыонга — дорогу им преградили тягачи с ракетами; они ползли с козырьками на фарах, словно прищурясь и сгорбив огромные черные туловища.

В Ханой добрались уже за полночь. Улицы были безлюдны, но издалека доносился лязг гусениц: где-то двигались пушки. Машина довезла Лыонга до угла Литейного ряда.

Он свернул со своим велосипедом в безмолвный проулок и почувствовал, как тревожно сжалось сердце. «Дома ли Туйен? Что, если она опять в ночной смене? Как отыскать Дао?..»

Он толкнул ворота и вошел в утопавший во мраке двор; посветив себе фонариком, прошел в дом и тихо поднялся по ступенькам. Постучавшись, застыл в ожидании у/двери.

— Кто там?

«Дома!..»

— Это я, Туйен.

— Лыонг!

В комнате зажегся свет, послышался какой-то шорох, торопливые шаги. Дверь отворилась. На пороге стояла Туйен, застегивая пуговицы блузки. Она посторонилась.

— Лыонг! Как хорошо, что вы приехали.

Войдя в комнату, казавшуюся уже такой знакомой, Лыонг сразу увидел за приоткрытым белым пологом маленького Шона. Тот крепко спал. Он снял рюкзак, положил его на пол в углу и подошел к столику у окна.

Туйен, пригладив упавшие на лоб волосы, взяла термос и собралась заварить чай.

— Нет-нет, мне ничего не надо. Как Дао?

— Ей сделали операцию, вынули осколок из легкого. Вечером ее еще лихорадило... Упадок сил. Но перед моим уходом она заснула. Я недавно из больницы, только легла.

— Я же на днях получил от нее письмо со всякими подробностями насчет бомбежки!..

— Это на той неделе был налет. Я тоже получила от Дао письмо два дня назад. А прошлой ночью, вернее, уже под утро слышу, кто-то стучится в дверь. Открываю: Хай, сослуживец Дао, с малышом на руках; я чуть сама в обморок не упала. Хай мне и рассказал, что Дао ранена и ее отвезли в больницу. Я оставила его здесь с ребенком, а сама села на велосипед и — в больницу. Дожидалась за дверью, пока ее оперировали. Утром она была еще без сознания, и врачи ни за что не ручались. Я должна была пойти на работу. Хорошо, Хай приглядывал днем за ребенком. Под вечер я прямо с завода зашла к ней; она меня узнала, но говорить еще не могла. Вечером я вернулась домой, чтоб Хай не опоздал на поезд. Ну, а Шон у нас молодец, скучает по маме все время, но почти не плачет! Уложила я его спать и в девять часов снова поехала в больницу. Дао заснула. Врач сказала, что операция прошла хорошо, но она потеряла много крови и еще очень слаба.

— А сейчас можно ее навестить?

— Думаю, лучше завтра с утра. Когда я уходила, она еще спала. А вы не голодны? Давайте я подогрею вам супу.

— Что вы, Туйен! Спасибо, я не хочу есть.

Он нагнулся над кроватью и поглядел на Шона. Малыш спал, обняв обеими руками резиновую антилопу, губы его шевелились, и ресницы заметно вздрагивали, — наверно, он видел что-то во сне. Туйен тоже подошла поближе.

— Как назло, наш заводской детсад эвакуирован. Завтра мне на работу. Придется оставить его у соседки, у тетушки Дан. Она за ним присмотрит.

— Эта мрачная старуха, что живет рядом с вами?

Туйен улыбнулась:

— Она просто любит поворчать, но вообще-то очень добрая. Я думаю отвезти малыша в деревню, побудет, сколько нужно, с моими стариками. Пусть только сперва погостит у меня немного.

— Пожалуй, вам лучше сразу отвезти его к своим. Дао, наверно, нескоро еще поднимется, а здесь каждый день тревоги, да и возни с малышом много — вам на работу ходить будет некогда... А родители ваши живут далеко отсюда?

— Километров тридцать с небольшим... Дао была у нас в деревне несколько раз. Отец уже не работает, живут они там втроем: старики и мой братишка. То-то они обрадуются малышу — небось потом отпускать не захотят!

— Ну, завтра я Шона беру на себя. Схожу с ним в больницу к Дао. А вечером оседлаем велосипеды и отвезем его в деревню.

— Оставьте Шона у меня хоть на пару дней. Послезавтра у нас меняется график, я буду двое суток свободна и сама отвезу его.

Где-то у соседей зазвонил будильник. Они замолчали, прислушиваясь к долгой его трели, дрожавшей в ночи.

— Ладно, Лыонг, прилягте лучше и отдохните.

Он раскрыл рюкзак и достал все, что нужно для сна.

— В такую жару, наверно, приятнее спать на балконе.

— Нет-нет, под утро выпадает роса, и вам обеспечена простуда.

Он расстелил одеяло на полу, у двери на балкон, повесил накомарник и, укладываясь, подумал: «У меня есть здесь теперь «свое» место...»

Когда он проснулся утром, Туйен уже ушла на работу. Полог над кроватью в углу был опущен: под ним крепко спал Шон. Лыонг вышел на балкон, умылся и увидел, что в очаге еще тлеют угли, и на них тихонько пофыркивает котелок с похлебкой. Рядышком в горячей золе стоял глиняный горшок. Он приподнял крышку: из горшка потянуло сладким духом клейкого риса{40}.

Шон проснулся, уселся под пологом и огляделся вокруг. Увидев Лыонга, он скорчил плаксивую мину и захныкал:

— Ма-м... Где мама?..

Но он позволил Лыонгу взять его на руки, отнести на балкон и вымыть лицо и руки.

— Я твой дядя, Лыонг. Ты что, не узнал меня? Поешь-ка супу, и дядя отведет тебя к маме. Тетя Туйен сварила для тебя суп — вкусный-превкусный.

— Я знаю, она пошла на завод.

— Верно, ты у нас умница.

Лыонг старательно кормил малыша. «Он, пожалуй, исхудал, и глазенки растерянные».

Шон, исправно открывая рот, таращил на Лыонга глаза и помалкивал. Он как будто понимал, что сейчас, без матери, капризничать ни к чему.

— Ну как, пойдём проведаем маму?

Лыонг взял малыша на руки. Шон обнял его обеими ручонками за шею.

На улицах было не протолкнуться: народ шел на службу. Ехали на велосипедах рабочие с винтовками за спиной. Люди терпеливо выстраивались в очереди у прилавков, где продавали рис, у дверей

столовых, около продавцов угля и хвороста. Под деревьями вдоль тротуаров стояли вереницы грузовиков, поблескивавших свежей краской. «Газики», ехавшие всю ночь по дорогам и добравшиеся наконец до места, — запыленные, с болтающимися ветками маскировки, — пробирались среди тысяч велосипедистов.

Войдя в больничные ворота, Лыонг замешкался: несколько дорожек разбегались по широкому двору между, убежищами и траншеями., Навстречу шла медсестра. Он решил спросить у нее дорогу. Сестра сочувственно поглядела на офицера с малышом на руках и повела его к длинным двухэтажным корпусам.

— Это здесь. Зайдите в регистратуру, узнайте, в какой она палате. Сколько тебе лет, маленький?

— Благодарю вас. Слышишь, Шон, тетя спрашивает, сколько тебе лет.

— Уже три!

— О-о, какой молодец.

Молоденькая санитарка отвела их в палату, где лежала Дао.

— Кажется, она еще спит, — прошептала девушка. — Давайте мне мальчугана, лучше ему сначала обождать здесь.

Койка Дао стояла у окна, выходящего на террасу. Окно было открыто. В просторной палате стояло несколько коек. Это была послеоперационная. Больные — бледные и усталые — лежали молча, лишь изредка кто-нибудь негромко стонал. Лыонг тихонько подошел к железной койке, прикрытой пологом. Дао спала, побледневшие веки ее были неподвижны. Он взглянул на висевший у изголовья температурный листок: кривая, выведенная красным карандашом, хоть и клонилась книзу, в общем не уходила от отметок «тридцать восемь» и «тридцать девять».

Лыонг вышел обратно на террасу.

— Эту ночь она спала хорошо, — сказала санитарка.

— Температура почему-то не падает.

— Врач сказал: теперь надо опасаться осложнений. Но состояние у нее неплохое. Посидите здесь с ребенком. Она скоро проснется.

Он взял Шона на руки, вышел во двор, сел на скамейку рядом с цветочной вазой и пустил племянника поиграть. Посидев, он снова поднялся на террасу и заглянул в окно.

«Кажется, Дао приподнялась на постели...»

Осторожно открыв дверь, он вошел в палату. Дао тихо стонала. Он подошел к ее койке. Она повернула голову, протянула руку, подняла край полога. Лыонг нагнулся, взял у нее сетку и подтянул к раме. Глаза у Дао радостно заблестели.

— Брат, ты? — прошептала она.

Он кивнул.

— Я приехал сегодня ночью.

Она снова закрыла глаза, губы ее легонько дрогнули. Открыв глаза, она огляделась, словно ища кого-то.

— Тебе что-нибудь нужно?.. Я привел Шона, он играет во дворе.

— Позови, пожалуйста, санитарку.

Он пошел в комнату дежурных и отыскал там знакомую девушку. Пока она хлопотала у постели сестры, он вышел во двор за Шоном. Малыш подкрадывался к стрекозе, шевелившей радужными крылышками на зеленом кусте.

— О, господи! Ну-ка, пойдем вымоем руки, а то нас к маме не пустят.

Лыонг взял его на руки и отправился на поиски водопроводного крана. Когда они вошли в палату, Дао успела уже умыться; несколько тонких прядей волос прилипли к ее влажному лбу. Она не казалась уже такой болезненной и бледной.

Шон, едва завидя ее, сполз на пол. и прижался лицом к ее щеке. Дао поцеловала сына, пригладила его растрепавшиеся волосики. В уголках ее глаз показались слезы.

— Шон, не надо утомлять маму.

Лыонг снова взял его на руки. Дао едва заметно улыбнулась:

— Он, наверно, тебе докучает?

— Чего там, мы ведь оба мужчины, правда, Шон?..Он молодец. Ты за него не волнуйся. Я договорился с Туйен: завтра отвезем его в деревню, к ее старикам. Ньону я, как уйдем отсюда, сразу дам телеграмму. Ты-то как себя чувствуешь? Полегче стало?

Она кивнула, закрыла глаза.

Санитарка принесла стакан горячего молока, присела на койку и стала кормить Дао из ложечки.

— Сегодня у вас счастливый день. Теперь надо стараться кушать побольше, все съесть до конца, чтоб скорее поправиться и вернуться домой, к сыну. Если что понадобится, позвоните мне, вот здесь кнопка. Не вставайте, врач запретил вам двигаться. Лежите спокойно.

Допив молоко и проводив глазами санитарку, Дао спросила негромко:

— Ты сразу обратно?

— Да нет, пробуду здесь весь день, завтра уеду. Ребята все просили тебе кланяться. А Ви, наш комиссар, послал сгущенки.

— Не забудь их поблагодарить. Ты теперь, когда уедешь... — Она подняла на него глаза. — Как ты находишь Туйен?

— Она очень хороший человек, чудесный! Дао помолчала, но вдруг улыбнулась, и в глазах ее промелькнули искорки.

— Янки так и остались с носом. Плотина-то наша цела... Да, ты не давай телеграмму, он будет там беспокоиться... я после сама напишу...

Должно быть, разговор ее утомил. Она закрыла глаза.

* * *

Лыонг провел в больнице все утро. Когда они поднялись наконец по лестнице домой, было начало двенадцатого. Шон заявил, что он очень голоден. К счастью, от завтрака осталось немного рису. Малыш заморил червячка, а Лыонг отправился на балкон, намыл рису и стал кашеварить.

После обеда он уложил Шона и обмахивал его веером, пока тот не уснул. Тогда он расстелил свою постель, улегся и сам не заметил, как задремал.

Его разбудила сирена и взрывы, от которых ходуном заходили стены. Он выскочил на балкон. Прямо над головой, в слепящих лучах солнца тянулись круглобокие оранжевые облака, словно продернутые длинной белой нитью. Слышался гул самолетов. На большой высоте — тысяч десять метров — появились два крохотных пятнышка дыма, стремительно вытянувшихся в долгие черные дуги.

«Драпают на форсаже...»

Впереди них и по бокам повисли белые шары. разрывов. Одна дуга сломалась, крученым отвесом пошла к земле и исчезла.

«Первому — крышка!..»

Зенитки вели огонь безостановочно. Длинные кусты разрывов все гуще вырастали над пригородом. Группы «фантомов» черно-серыми силуэтами промчались вдали над самыми крышами и пропали среди деревьев. К небу взлетел столб пыли и желтоватого дыма. И вдруг в гром канонады и рев «фантомов» ворвался привычный гул. Повернув голову, Лыонг успел заметить серебристо-белый МиГ, мелькнувший между кровлями.

Он снова взглянул туда, где только что взорвались бомбы. Пушки умолкли. На ветру медленно таяли следы разрывов. Белыми молниями сверкнули набравшие высоту МиГи и исчезли.

Через несколько минут загудела сирена: отбой! Лыонг вернулся в комнату. Шон спал, как ни в чем не бывало.

«А я уже чувствую себя здесь совсем как дома! Теперь, пролетая над Ханоем, всегда буду искать среди океана крыш свою, единственную...»

МиГи вернулись и сделали круг над городом.

Лыонг присел, потом заходил взад-вперед по комнате. Он вдруг почувствовал, что ждет не дождется, когда вернется Туйен.

Услыхав быстрые шаги на лестнице, он вскочил и отворил дверь. Туйен, сняв с плеча винтовку, поставила ее в угол.

— Наши сегодня сбили самолет! Видели?

— Ага. Это был, очевидно, разведчик.

Даже в темной своей спецовке Туйен была очень мила. Сняв синюю матерчатую кепку, она набросила ее на вешалку.

— Как Дао чувствовала себя утром?

— Температура высокая. Но спала она хорошо и выпила немного молока. Они с Шоном так обрадовались друг другу!

— Вы тут, наверно, оба умираете с голоду.

— Нет, мы обедали. Вы не посидите немного с ним? Я схожу к родным Тоана, передам письмо и загляну еще раз в больницу.

— Конечно. Только возвращайтесь к пяти, чтоб я тоже успела проведать Дао.

* * *

Вечер выдался лунный. Когда они поужинали и Шон уснул, Лыонг сказал:

— Может, пойдём погуляем по городу?

— Хорошо. Спускайтесь потихоньку, а я отнесу малыша к тетушке Дан: вдруг будет тревога.

Он постоял в переулке, ожидая Туйен. Когда она вышла, он не сразу узнал ее: волосы падали ей на плечо, нарядное цветастое платье с высоким воротником облегалo гибкую, стройную талию.

Они шли рядом и молчали. У обоих было такое чувство, будто теперь, после этой прогулки, в жизни у них что-то изменится.

На улицах горели фонари. В некоторых кварталах электричество было временно выключено, и тогда дорогу им освещала луна. Они шли под высокими раскидистыми деревьями, сворачивая из улицы в улицу, временами заводя вполголоса разговор и снова умолкая надолго. Иногда Лыонгу казалось, что вокруг него расстилается волнующееся безбрежное море.

— Наша деревня на берегу реки. В прудах цветут лотосы. У нас хорошо, прохладно. Когда Дао выйдет из больницы, я увезу ее к нам недельки на две. Там она отдохнет и поправится.

— А наша семья все время переезжала с места на место. Помню только, как мы жили в маленьком переулке в конце Бобового ряда{41}.

Во всем переулке только и было что большая канава. Но мне там очень нравилось, я с утра до вечера пускал бумажные кораблики. А рядом была контора, где рикши брали в аренду коляски. Как сейчас помню, у них там был большой, залитый цементом двор. С трех сторон его окружали низенькие домики, а с четвертой — невысокая стена, поверх нее шла колючая проволока. Рикши, приходившие за колясками, стояли на этом дворе. Они снимали свои штаны и рубашки и надевали грубые синие робы с номером в белом круге на спине. В переулке было две или три харчевни. Ходили туда одни только рикши. Бывало, часа в два ночи они все едят что-то, сидя на длинных скамьях у тусклой керосиновой лампы. Возле конторы хозяева еще устроили притон, где играли на деньги. Всю ночь там шумели и дрались люди. Чуть не каждый день владельцы колясок ругали и били тех рикш, которые возвращались, не заработав положенных денег. И почему-то в такие дни появлялась «наша» сумасшедшая. Она тоже жила в

переулке. Я тогда был совсем маленький и не понимал, что к чему. Помню только, что она была помешанная. Выйдет — волосы распущены, драное платье подпоясано какой-нибудь цветной тряпкой, в руке ветка, как посох, — и давай голосить. А мы, ребяташки, бежим следом. Иногда уходили за ней до Угольного ряда{42} к самой реке... Да-а, чего только не было в том переулке. Тяжело жили люди, страшно!..

Туйен молча шла рядом, временами поднимая на него глаза.

Луна светила как будто ярче. Они вышли к Красной реке. Вдали, у высокой плотины, шумели машины на рисоочистительной фабрике, светлым столбом поднималась к небу пыль. Они шли по дамбе, прислушивались к плеску волн. Вода заливала прибрежный откос, около дамбы виднелись лишь вытянувшиеся вереницей крыши из соломы и пальмовых листьев.

— Беда! Река опять поднялась!

— Что вы, Лыонг, наоборот, сейчас вода спала. Вы бы сходили к Часовой башне или к холодильнику: там прямо в кучу свалены вещи и всякий скарб, который люди из береговых деревушек вытащили на плотину, когда их затопило дня два назад.

Пройдя еще немного по дамбе, они спустились на лежавшую вдоль реки пустынную улицу. Они шли не торопясь под старыми капоковыми деревьями{43}. Огромные — в несколько обхватов — стволы уходили прямо в ночное небо, простирая ветви над высокими домами с погасшими окнами.

Вдруг Туйен остановилась.

— Вон опять летит тот самолет!

За рекой, в посеребренном лунной небе моргали зеленый и красный огоньки. Гудок паровоза, долетевший с моста Лаунг-биен, заглушил гул самолета.

Лыонг обернулся. Туйен глядела на него. По лицу ее стекал лунный свет, черные глаза — глубокие и влажные — не то смеялись, не то

плакали. У него остановилось сердце. Он понял, что любит Туйен еще с того, самого первого дня. Он взял ее за руку и почувствовал, что она вся дрожит.

— Туйен, — прошептал он.

— Да...

Голос ее прервался, и она спрятала вспыхнувшее лицо у него на груди.

Они молча стояли в тени капока, не решаясь сказать ни слова, позабыв о времени. Мимо проехала автомашина, и они, очнувшись, зашагали дальше по улице.

Льюдг обернулся и поглядел на реку. Зеленый и красный огоньки перелетели над ней и утонули в темных вершинах капоков, закрывших половину неба.

XI

Шау и Доан вернулись из санатория в один день. Нogu Шау залечили, но все-таки он заметно прихрамывал и не мог бегать. Назавтра же оба ушли в тренировочный полет. Пока Шау медленно взбирался по стремянке в кабину, стоявший рядом Лыонг с тревогой поглядывал на него и потом внимательно наблюдал за его полетом. Шау летал отлично.

Приземлившись один за другим МиГи еще не выключили моторов, а Лыонг и Тоан бежали навстречу друзьям. Они обнялись, громко крича и хлопая друг друга по спине.

— С моей ногой, — смеясь, сказал Шау, — в небе теперь удобнее, чем на земле!

Дни сменялись чередой, прокаленные жарким солнцем. Но утром и вечером стало уже прохладнее. На полях вокруг аэродрома золотились полотнища зреющего риса. Наступала осень.

Самолеты Седьмого флота бомбили пригороды Хайфона и обстреливали ракетами заводы и фабрики портового города.

Противник крупными силами атаковал промышленные районы и густонаселенные центры: Винь, Тхай-нгуйен, Уонг-би{44}, Нам-динь, Виет-чи — города, которые после войны с французами лежали в развалинах и были отстроены заново! Теперь их опять разрушили. А кто знает, сколько маленьких городов в провинциях и уездах, сколько мирных хуторов и деревень подвергались варварским бомбардировкам и обстрелам?! Под силу ли кому-нибудь сосчитать, сколько раз падала на них с неба черная смерть?! Пролетая над разбомбленными местами, Лыонг угрюмо стискивал зубы.

Летчики четвертой эскадрильи буквально не выходили из боя, как солдаты, ополченцы и партизаны, державшие фронт на земле, как паромщики, лодочники, шоферы, как парни и девушки из молодежных ударных бригад, восстанавливающих дороги и переправы, как рабочие у станков, как шахтеры в забоях и пахари на полях, как рыбаки в море и лесорубы в джунглях, как все люди Вьетнама, воюющие и работающие без усталости. И как все они, летчики, изо дня в день делали, казалось бы, невозможное, дрались с противником, превосходящим, их вдвое, втрое, а иногда — и вдесятеро. Всякий раз, сбивая очередную вражескую машину, они чувствовали себя счастливыми; счастливы были они, и когда под угрозой их пушек мечущиеся стервятники сбрасывали на пустые безлюдны холмы бомбовый груз, предназначенный для городских площадей и сельских улочек, для школ и детских садов.

В одном из воздушных боев они встретились с Баном. Он привел с другого аэродрома свою эскадрилью на перехват неприятеля. В тот день они рассеяли и отогнали шедших волна за волной «громовержцев», которые с бомбами на борту пытались прорваться к столице.

Под вечер командир полка Тхуан приехал на аэродром проверить, как идут тренировочные полеты. После совещания он присел на траву рядом с друзьями. Первая пара МиГов, грохоча, вышла на взлетную полосу. Тхуан проводил их взглядом и вытащил из кармана сложенный вчетверо лист «Нян зан». Быстро проглядывая газетные столбцы, он вдруг расхохотался.

— Вот это да! Взгляните-ка.

Летчики склонились над газетой. Там была перепечатана статья из «Нью-Йорк тайме» об американцах в Южном Вьетнаме.

«Повсюду в любое время наши солдаты ожидают, что каждый шаг может стать последним в их жизни. Споткнувшись о какой-то обрывок проволоки, они могут вдруг провалиться в утыканную железными или бамбуковыми остриями волчью яму, и острия эти часто пропитаны ядом. Стоит солдату задеть другую еле заметную проволоку, и напряженная тетива самострела метнет стрелу прямо ему в грудь. Наступив на торчащий из земли ржавый гвоздь, он может подорваться на mine. В кармане висящей на стене крестьянской рубахи может быть спрятана адская машина. Взрываются даже статуи на алтарях. Предметы, кажущиеся заманчивыми сувенирами, могут обернуться смертельным подарком... Недавно около Дананга^{45} один сержант морской пехоты, человек весьма осторожный и славившийся своею смекалкой, сорвал висевший у дороги на краю поля антиамериканский лозунг. Взрыв разнес его в клочья вместе с плакатом».

— Веселенькая статейка!

— А знаете, они сейчас серьезно обеспокоены нехваткой пилотов. Одно подразделение из восемнадцати Ф-105, базирующееся в Таиланде, в течение месяца потеряло над Северным Вьетнамом пятнадцать машин и девять летчиков. Это, конечно, самый высокий показатель потерь, но по нему можно представить себе общую картину. И все-таки мы должны объективно оценивать обстановку. Противник силен и готовится нанести нам новые, куда более жестокие удары.

— Мы готовы, их встретить, товарищ полковник!

Тхуан улыбнулся. На лице его, почерневшем от загара, улыбка показалась особенно сердечной и доброй. Видя задумчивость Лыонга, он спросил:

— Как чувствует себя сестра?

— Рад доложить: ей намного лучше. Она уже встает и помаленьку ходит. На днях получил от нее письмо — недели через две думает выписаться из больницы.

— Она молодец, здорово дралась. Я читал статью об ополченцах из Киеу-шона. Видя такой героизм народа, невольно чувствуешь гордость, но он и о многом заставляет задуматься. Ведь это нам с вами партия доверила самое мощное оружие!

Командир снова улыбнулся.

— Говорят, ты возводишь брачные чертоги?

— Ага, — буркнул Лыонг, залившись краской.

— Ну, а день уже назначил?

— Мы об этом еще не думали.

— Ничего, подумаете. Напиши, пускай приезжает сюда вместе с Дао, познакомится с нами. Если надо будет чем-то помочь, мы тебе — и родня и сваты.

Тхуан поднялся и зашагал на командный пункт к радиостанции.

Предложение полковника растрогало Лыонга. Для него, потерявшего родителей, полк и вправду стал и семьей и домом.

Два серебристых самолета выписывали в небе сложные фигуры, оставляя за собой закрученный белый след. Предзакатные лучи золотого осеннего солнца заливали аэродром. Вдали на полях среди желтых колосьев созревшего «трехлунного»^{46} риса поблескивали сплетенные из пальмовых листьев конические шляпы крестьян. Началась жатва.

Тоан, жевавший конфету, поднял голову и следил за разворачивавшимися в высоте машинами — они шли на посадку.

Вдруг Доан поднял руку.

— Тревога!

Дежурное звено поднялось в воздух.

— Это звено Киена? — спросил Доан.

Шау кивнул.

Из дверей радиостанции торопливо вышел Кхай.

— Есть, встретили противника!

Политрук заходил взад-вперед около двери, с нетерпением поглядывая в ту сторону, куда ушли только что взлетевшие истребители. Все прислушивались. С радиостанции доносились как-то странно, будто нарочно в нос произносимые слова:

— Разворот вправо! Быстрее вправо! Не давайте ему уйти!

— Идите на сближение! Вплотную! Огонь!

Раздались непонятные прерывистые звуки. Потом все услышали голос своего командира эскадрильи:

— Сбиты две вражеские машины!

На горизонте показались четыре МиГа. Они приближались, поблескивая на солнце, разделились на пары. Первая двойка пошла на снижение,.

Из дверей радиостанции послышался неторопливый голос Тхуана:

— Сколько осталось?.. Проверьте безопасность...

Первый истребитель сел в начале дорожки.

Голос полковника звучал все так же размеренно:

— Пожалуй, слишком высоко.... Хорошо... Очень хорошо!..

Шау встал.

— Звено! Приготовиться к вылету!

Все четверо надели шлемы и побежали к бетонной полосе, где около вытянувшихся в линию истребителей разъезжали автозаправщики и тягачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1}Сорт сигарет, названных в честь города Диен-биен-фу.

{2}Растение с клубневидными корневищами, богатыми крахмалом.

{3}Город к северо-западу от Ханоя.

{4}Район ДРВ, расположенный у семнадцатой параллели, на границе с Южным Вьетнамом.

{5}Денежная единица в ДРВ.

{6}Имеются в виду события, происходившие в Южном Вьетнаме накануне Августовской революции 1945 г.

{7}Провинция и административный центр в ДРВ.

{8}Третий по величине город и промышленный центр ДРВ.

{9}Дерево со сладкими плодами, по форме напоминающими мандарины.

{10}То есть из Южного Вьетнама.

{11}Нго Динь Дием, президент марионеточной южновьетнамской «республики» с 1954 г., был свергнут и убит в 1964 г.

{12}Реки, впадающие в Красную реку выше Ханоя.

{13}Одно их названий Красной реки от города Виет-чи и вверх по течению.

{14}Реки, протекающие севернее Ханоя.

{15}Провинция и административный центр в ДРВ, населенные в основном национальными меньшинствами.

{16}Большой железнодорожный и автомобильный мост, связывает Ханой, расположенный на правом берегу Красной реки, с левым берегом; является как бы въездом в город.

- {17} Большое озеро, прилегающее к северо-западным районам Ханоя.
- {18} Центральная площадь Ханоя, где в сентябре 1945 г. Хо Ши Мин провозгласил Демократическую Республику Вьетнам: здесь проводятся парады и митинги, находятся дворцы Президентский и Национального собрания, другие правительственные здания.
- {19} Один из ценнейших исторических памятников вьетнамской столицы, относящийся к XI в., расположен у площади Ба-динь.
- {20} Озеро в центре Ханоя. По преданию, из него вышла когда-то черепаха и вручила полководцу, который готовился к битве с захватчиками, волшебный меч. Одержав победу над врагом, герой пришел к озеру и бросил меч в воду, возвращая его черепахе. Есть и другие варианты этой легенды.
- {21} Провинция и административный центр в горах на севере ДРВ, значительную часть населения составляют малые, народности: тай, нунс, мео и другие.
- {22} Общинный дом, сооружавшийся в центре деревни, иногда — городского квартала; служил местом сходов и различных церемоний. Здесь обычно находился алтарь, где поклонялись духу основателя деревни, покровителю ремесла, предкам и т. п.
- {23} В Ханое и других городах на тротуарах через каждые двадцать — тридцать метров устроены индивидуальные убежища из цементных или шлакобетонных труб диаметром около 1,3 м и глубиной примерно 1,6 м. Труба опускается в яму, верхний край ее приходится вровень с поверхностью тротуара. Сверху такая ячейка накрывается цементной крышкой.
- {24} Дерево с кисловатыми съедобными плодами, которые обычно кладут в похлебку.
- {25} Буквально: Ло-дук, то есть улица Литейных печей — находится на юго-востоке Ханоя; в XVIII в. здесь жили мастера, отливавшие чаны, котлы и пр.
- {26} Деревья с развесистой кроной, достигающие большой высоты, их часто сажали для украшения храмов, домов и т. п.
- {27} Пресноводная рыба, продолговатое тело ее покрыто светлой чешуей.

{28}Водяной вьюнок, растение с ароматными листьями, употребляемое в пищу.

{29}Растение (по-вьетнамски-«бео»), специально выращиваемое на прудах для откармливания свиней.

{30}Первая строка известной поэмы «Жалобы жены воина», вьетнамский текст которой принадлежит выдающейся поэтессе Доан Тхи Диём (1705- 1748). Поэма осуждает войну, разлучающую любящих супругов: ураган — символ войны, обрушившей на героиню поэмы бедствия и горе.

{31}По Женевскому соглашению 1954 г. войска Народной армии, действовавшие против французов в Южном Вьетнаме, были выведены в ДРВ. В числе солдат были и жители Юга. Переброска войск на Север производилась на советских и польских кораблях.

{32}OCR: Ошибка переводчика. На самом деле одна шестиствольная пушка с вращающимся блоком стволов.

{33}Провинция и административный центр в Южном Вьетнаме.

{34}В армии США воинские части именуются обычно кавалерийскими чисто номинально; у солдат и офицеров на касках и знаках отличия изображается конская голова, но по большей части это моторизованные или десантные войска.

{35}Имеется в виду пограничная семнадцатая параллель.

{36}Буквально: «Девять драконов» — вьетнамское название реки Меконг.

{37}Провинция и административный центр на севере ДРВ.

{38}Буквально: «Спуск дракона» — известный своей красотой морской залив на Севере Вьетнама (ДРВ).

{39}Первая строка популярной воинской песни.

{40}Сорт риса с крупными зернами, содержащими много молочно-белого сока.

{41}Улица в Ханое, недалеко от въезда на мост Лаунг-биен. В старину здесь шили крестьяне, продававшие бобы, горох и т. п.

{42}Улица в северо-восточном районе Ханоя, идущая под углом к Красной реке. Когда-то здесь была деревушка, жители которой обжигали известь и торговали углем.

{43}Высокое дерево, цветущее красными цветами; в плодах его содержится мягкое волокно, напоминающее хлопок.

{44}Винь — крупный промышленный город, центр провинции Нгеан; Тхай-нгуйен — провинция и административный центр на севере от Ханоя, где недавно был построен большой металлургический комбинат; Уонг-би — город на востоке ДРВ, энергетический и промышленный центр.

{45}Город в Южном Вьетнаме, где находятся важнейшие авиационные и армейские базы США.

{46}Сорт риса, созревающий в течение трех лунных месяцев.